

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ АЛЕФИРЕНКО

Россия, Белгород

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РУССКИХ ПОСЛОВИЦ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ABSTRACT:

The cognitive model of proverb contains two discursive-cognitive levels: its content and its inner form: concept and frame. It is substantiated cognitive-pragmatic basis of proverbs: (a) frame focuses on last object-sensory experience of people, (b) script realizes some pragmatic attributes of proverb as acceological, emotive, cultural-connotative, illocutive and so on. Frame projects the intentional of semantic structure of proverb. Script projects the implicational of semantic structure of proverb. The national-cultural specificity of paremiis exposes by means of their comparison to proverbial formations at the another Slavic languages.

KEY WORDS:

Discourse, paremiis, proverbial semantics.

Актуальность проблемы когнитивно-прагматического исследования пословиц обусловлена тем, что на фоне бурного развития когнитивистики практически отсутствуют фундаментальные исследования паремиологического фонда русского языка в аспекте когнитивной культурологии, принципиально отличающейся от страноведения. Традиционно паремии рассматривались в системно-структурном (Г.Л. Пермяков) или культурологическом ракурсах [Савенкова 2007, Семененко 2004]. Кроме этого, появление такого рода исследования объясняется необходимостью конкретизации и совершенствования основополагающих положений когнитивной лингвистики, их адаптации к анализу паремиологического фонда языка.

Методологической основой когнитивного подхода к паремиологии служат работы Ф. Джонсон-Лэрда, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье и др. Особенно ожидаемой в науке является разработка методики осуществления дискурсивно-когнитивного моделирования пословично-поговорочных речений. Когнитивная модель пословицы (когнитема) представлена дискурсивно-когнитивными уровнями её значения и внутренней формой. Обосновывается когнитивно-прагматический базис пословиц: (а) фрейм фокусирует прошлый предметно-чувственный опыт народа, (б) сценарий воплощает прагматические свойства пословицы: аксиологические, эмотивные, культурно-коннотативные, ил-

локутивные и др. Первый проецирует интенционал семантической структуры пословицы, а второй – её импликационал.

Теоретическая платформа такого рода исследования опирается на исходные принципы когнитивно-дискурсивной парадигмы, заложенные в работах Ф. Джонсон-Лэрда, Д. Герартса, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье. В русистике эти идеи обогащаются в трудах В.З. Демьянкова, В.Б. Касевича, Е.С. Кубряковой, Р.М. Фрумкиной и др. При этом следует признать, что их работы представляют собой моделирование лексико-семантической подсистемы языка и не учитывают специфики идиоматических образований, в том числе и паремиологических. Устранение столь очевидного белого пятна требует прежде всего разработки методики лингвокогнитивного анализа на фоне сопоставительного анализа когнитивно-прагматических свойств пословиц близкородственных языков. Это, в свою очередь, требует не только уточнения базовых понятий когнитивной лингвистики с целью их применения к паремиологическому фонду русского языка, но и обоснования новых когнитивно-прагматических категорий. Это позволит открыть путь к лингвокогнитивному моделированию паремиологических единиц, являющихся, наряду с фраземами, основным средством репрезентации косвенно-производной языковой картины мира. В русле такого исследования приобретают новое осмысление метафорические механизмы конституирования паремий. Это важно прежде всего потому, что в традиционной паремиологии, обращая внимание на метафоричность пословицы, не раскрывается специфика пословичной метафоры, которая может быть вскрыта с помощью таких категорий, как «фреймовая модель пословицы», «провербиальный код», «паремиологический прототип», «когнитема» и др.

Введение первого понятия позволяет выделить в когнитивной структуре паремий разные ее уровни и подуровни, описать динамику их взаимодействия как на этапе формирования пословиц, так и в коммуникативно-прагматической реализации их когнитивно-дискурсивного потенциала. Специфика пословичной метафоры обуславливается особенностями когнитивной структуры паремии. Для её описания вводятся понятия *когнитемы* и *провербиального кода*, синергетически объединяющие в себе лингвокреативные смыслы когнитивной и культурологической природы. Такой подход позволяет увидеть этнокультурную специфику паремий даже в тех случаях, когда пословично-поговорочные речения близкородственных языков кажутся идентичными. При тождественности их когнитивной структуры открываются их скрытые лингвокультурологические особенности и, наоборот, культурологическая идентичность может порождаться разными когнитивными процессами. Благодаря такому подходу становится понятной специфика паремий аллегорического типа – одного из самых распространённых в русском провербиальном пространстве.

Векторы исследования когнитивной структуры паремий – схемы репрезентации предметно-чувственного опыта в их смысловом содержании – могут быть двуправленными. В центре внимания **первого направления** находится индивид, постигающий мир, или языковая личность. В таком случае моделирование когнитивной структуры не может не использовать теорию языковой личности, что позволяет уяснить работу механизмов усвоения говорящими паремиологического фонда, продуцирования и восприятия ими пословиц, а также раскрыть роль ког-

нитивных структур в процессе порождения, переработки информации и хранения её в языковом сознании в виде смыслового содержания паремий. В связи с тем, что когнитивные структуры паремий – образования идеальные, средством объективации служит анализ их лингвокогнитивные аналоги, такие как (а) когнитивная модель понимания связного текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча, (б) пропозициональная структура строения памяти Дж. Андерсона и Дж. Бауера, (в) ментальная модель Ф. Джонсона-Лэрда. На основе этих лингвокогнитивных образований осуществляется понимание, умозаключение и принятие решений при употреблении и восприятии паремий. Ментальная модель Ф. Джонсона-Лэрда напоминает ментальное пространство Ж. Фоконье. Обе категории явно взаимодействуют в процессе возникновения паремий. Поэтому понять сущность такого взаимодействия – значит получить доступ к скрытым механизмам концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения паремий, представляющих различные типы этнокультурного знания. Важным подспорьем для такого рода исследований могут служить экспериментальные приёмы. Более того, экспериментальное подтверждение правильности моделирования когнитивной структуры паремии, отражающей специфику провербиального смыслового содержания, является важным условием создания когнитивно-прагматической теории современной паремиологии, направленной на осмысление того, что происходит в языковом сознании говорящего в момент возникновения паремий. Проведённые исследования убеждают, что когнитивные механизмы универсальны, поэтому осуществляемое в них моделирование этих механизмов даже не предполагает учёта этнокультурных особенностей близкородственных языков.

В фокусе исследований, осуществляемых в рамках **второго направления**, находятся когнитивные структуры, ретроспективно восстанавливаемые на основе анализа дискурса, в рамках которого они вербализуются. При этом становится более доступной национально-культурная специфика репрезентации действительности провербиальными единицами того или иного языка. Обнаруживается общее и особенное в способах и средствах провербиальной концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины мира. Такого рода подходы реализуются в работах Н.Н. Кирилловой, Т.В. Топоровой, Е.С. Яковлевой, Н.Н. Семененко и др. В данном направлении органично сопряжены собственно семасиологический анализ и лингвокультурологические и этнолингвистические изыскания. При этом не стоит резко противопоставлять первое и второе направления: они не только не противоречат, но и предполагают друг друга.

В процессе совмещения двух подходов новым содержанием наполняются основные понятия когнитивной паремиологии: «категория», «мыслительная категория», «когнитивная структура», «когнитивная модель», «ментальная модель», «концептуальная схема», «фрейм», «сценарий», «пропозициональная сеть» и др. Несмотря на специфику каждого из названных понятий, их объединяет понятие категоризации, без которого невозможно восприятие, понимание и упорядочение действительности, образующей концептосферу того или иного языка. Именно в ходе категоризации новый опыт сопоставляется с уже зафиксированным этноязыковым сознанием и включается в соответствующий когнитивный блок, или категорию. При этом, как отмечает Э. Рош, границы между когнитивными категориями размыты, сами категории неоднородны. В центре категории находятся ее типич-

ные представители, позволяющие достаточно легко отличить одну категорию от другой. Категориальные признаки периферийных единиц могут существенно видоизменяться [Rosh 1978: 36]. Понятие «категория», понимаемое в общем плане, можно применить как родовое ко всем остальным вышеперечисленным единицам представления знаний. В целом указанные выше понятия, отражающие структуры представления знания, в значительной степени используются как синонимы, хотя и могут отличаться по степени сложности своей внутренней организации или степени обобщенности. Воспользуемся в качестве рабочего понятием «когнитивная структура», которое в современной когнитивной лингвистике используется достаточно часто и широко как при анализе крупных информационных блоков, так и при рассмотрении информации, заключенной в одном предложении. Это понятие можно определить как некую схему представления знания, соотносящуюся с языковыми категориями, хотя с точки зрения Н. Хомского противопоставление когнитивных и языковых структур некорректно, так как язык представляет собой одну из когнитивных структур [Chomsky 1983: 33-35]. Эту точку зрения поддерживают В.Б. Касевич [Касевич 1989: 10-11], Р. Лангакер [Langacker 1987: 12-13] и др. Согласно нашей концепции ближе к истине те исследователи (С.Д. Кацнельсон, Р. Джекендофф, Ч. Филлмор), которые полагают, что языковые и когнитивные структуры представляют собой две отдельные, хотя и взаимосвязанные формы репрезентации знаний. Их нельзя отождествлять уже хотя бы потому, что, как в своё время доказывал Л.С. Выготский, часть процессов мышления и речи совпадает, образуя сферу речевого мышления, но речевое мышление всё же не исчерпывает ни всех форм мысли, ни всех форм речи.

При таком подходе вербализованные, языковые, знания делятся на (а) собственно языковые, ограниченные рамками соответствующей языковой системы, и (б) дискурсивные, представляющие собой открытый формат, по информационному объёму значительно превосходящий собственно языковые. Открытость дискурсивных знаний предполагает сопряжение в семантике паремий языковых и экстралингвистических знаний, которые в когнитивно-семантической теории провербальных образований (пословиц, поговорок, загадок) не только не противопоставляются, но и являются прямым объектом исследования, отличающимся высоким уровнем этноязыковой синергетики. Синергетика провербиальных единиц создаётся слиянием двух предполагающих друг друга энергетических потоков: (а) семантического (энергетики языковой семантики) и (б) смыслового (энергетики когнитивной семантики). В её эпицентре обычно находятся те провербиальные компоненты-когнитемы, которые обозначают бытовые реалии (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т.д.), (б) компоненты-они-мы (антропонимы, топонимы): рус. *наварила, напекла Акулина на Петра; наготовить, как на Маланьину свадьбу*; укр. *вискочити як Пилип з конопель; за царя Панька, як земля була тонка; Химині кури (розводити) 'говорить несуразности'*; (в) названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции: *пустить козла в огород, укр. наче кобила в спасівку 'кивать головой'*; (в) слова коннотативно-номинативного характера, характеризующиеся этнокультурной обусловленностью интенционала своих лексических значений. Такие слова отражают специфический этнокультурный вектор закреплять за анималистическими названиями разные когнитемы (*свинья* – амер. 'грубиян', 'жадина'; русск. – 'неряха, грязну-

ля'). Ср.: рус. *кому свинья (прибыль), а нам семья; свинья в ермолке; не свиным рылом лимоны нюхать, свинью подсунуть (подложить, подпустить) кому*; укр. *свині не до поросят, коли її смалять (патрають)*; *коли б свині роги* 'опасно давать власть деспоту'; *у свинячий голос* 'несвоевременно'.

Изучение когнитивно-прагматического дискурса порождения и функционирования провербальных образований, отражающих менталитет народов с разными национально-культурными традициями, позволит выявить особенности их дискурсивной природы, связанной со спецификой восприятия, познания и интерпретации действительности, характером её отображения и членения мира в той или иной языковой картине мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Савенкова, Л.Б.: *Взаимосвязь фразеологического и паремиологического уровней языковой системы: деривационный и функциональный аспекты*. In: Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 2. София 2007, с. 268-272.
- Семененко, Н.Н.: *Языковой и когнитивный аспекты механизма формирования обобщённого значения пословицы*. In: Языки и транснациональные проблемы : материалы 1 Междунар. научн. конф. (22-24 апреля 2004 г.). Москва-Тамбов 2004, с. 279-284.
- Rosh, E.H.: *Principles of Categorization*. In: Rosh E. H., Lloyd, B.B.: *Cognition and categorization*. Hillsdale 1978. P. 27-48.
- Langacker, R.W.: *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press 1987.

ХАРРИ ВАЛЬТЕР

Германия, Грайфсвальд

О РУССКО-НЕМЕЦКОМ СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ

Мотто:

Баран не околица, а глупая речь не пословица.

[Снегирев 1848: 477]

Добрая пословица не в бровь, а прямо в глаз.

[Разумов 1957: 121]

ABSTRACT:

This paper concerns the problem of making the Russian-German dictionary of proverbs. The dictionary is based on the material of the group of researchers in St.-Petersburg, who are working on a Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs. The Russian-German dictionary will have etymologies of the Russian Proverbs and the parallel idioms from the Slavonic and West-European languages.

KEY WORDS:

Proverb, Russian-German, dictionary, equivalents, problems, etymology, word-list, the history of the term Proverb, sources.

Пословицы и поговорки издревле интересуют всех, кто неравнодушен к живому народному Слову. В них отразился опыт, граненый веками и передаваемый из уст в уста, из поколения в поколение. И в русской, и в немецкой книжной и литературной традиции пословицы пользуются особым авторитетом.

Популярность этого малого жанра фольклора не случайна: ссылка на пословицу подытоживает смысл сказанного, придает ему особую доказательную силу, заставляет запомнить особо важную мысль. Именно поэтому пословицы во всем мире любовно собирались и собираются любителями «красного слова», книжниками, филологами, ораторами, фольклористами.

Немало занимались пословицами и ученые-фольклористы, этнографы, литературоведы, лингвисты. Если в прошлом веке основной целью изучения пословиц и поговорок было познание «духа народа», то теперь многих интересуют и чисто языковые особенности этих единиц, их употребление в художественной речи, взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки.

С течением времени менялась и точка зрения на термины *пословица* и *поговорка*. И число терминов для обозначения соответствующих фольклорных единиц уже в конце XVII — первой половине XVIII вв. превышало несколько десятков. Терминологические разночтения вызывало смешение понятий «пословица» и «поговорка». Прежде (как, впрочем, и в современном обиходном употреблении) их не различали. Конечно, и сейчас не все ученые и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно [Đurđo 2005: 20-32].

В составляемом нами русско-немецком словаре пословиц описываются как образные, так и безобразные пословицы. Последние именуются не поговорками, а пословицами. Включение их в словарь оправдано той дидактической ролью, которую они издревле играют наравне с пословицами образными. Ср. нравственную ценность таких безобразных пословичных рекомендаций, как *Учиться — всегда пригодиться*; *Труд кормит, а лень портит*; *Ученье лучше богатства*. Несмотря на то, что образа в них нет, их афористичность, ритмичность и смысловая ёмкость делает их пословицами, вполне адекватными образным — типа *Ученья корень горек, да плод сладок*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *Ученье — свет, а неученье тьма*.

Авторы настоящего словаря, следовательно, термин *пословица* понимают традиционно — как законченное образное или безобразное изречение, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией.¹ Поговорки же, понимаемые авторами как фразеологизмы в узком смысле слова, из корпуса словаря исключаются.

Корпус составляемого «Русско-немецкого словаря» складывался постепенно, с ориентацией на интерес немецких студентов, гимназистов, преподавателей русского языка и переводчиков к русской паремиологии. Основным критерием отбора материала служило употребление пословиц в произведениях русских писателей XIX–XXI вв., подкрепленное регулярной употребительностью в художественной литературе и публицистике. Частотность пословиц экспериментально корректировалась опросом учащихся и студентов. Основу словаря составляет сводная паремиологическая картотека Санкт-Петербургского университета, составленная членами Фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина и насчитывающая свыше 500 тысяч карточек. В наш словарь вошло около 500 пословиц.

Цель «Русско-немецкого словаря пословиц» — последовательно отразить основные характеристики избранных русских пословиц в зеркале немецких паремиологических эквивалентов. Инструментом предлагаемого описания стала дифференциация пословичного корпуса по двум основным параметрам: 1) параметру употребительности (или частотности) и 2) параметру эквивалентности (или соотносимости немецкой пословицы с описываемой русской).

Первое отличие представлено 3 группами пословиц, маркируемых в словаре соответствующими условными обозначениями:

- ★ — актуальные
- — понятные, но не очень употребительные
- 📖 — понятные, но малоупотребительные.

Второе отличие представлено 3 другими группами пословиц, маркируемых в словаре соответствующими условными обозначениями:

- = тождества
- ≈ эквиваленты с близким образом
- ≠ эквиваленты с не близким образом.

Ср. лексикографическое воплощение такой группировки в конкретных словарных статьях:

БОГ

- ★ **Бережёного [и] Бог бережёт.** Жуков 1966, 43-44. С
- ≈ ★ **Vorsicht ist besser als Nachsicht.** Kožemjako 1997, 3; Zwilling 2001, 20; Anutei 1978, 164.
- ≈ ★ **Vorsicht ist die Mutter der Weisheit** (scherzh. **der Porzellankiste**). Frey 1988, 67; Zwilling 2001, 20; Anutei 1978, 164.
- ≈ ☛ **Vorsorge verhütet Nachsorge.** Anutei 1978, 164; Simrock, 11064. Dän.: *Forvidenhed spør tidinger*. Frz.: *Qui de loin se pourvoit, de près jouit*. Holl.: *Voorzorg komt achterzorg vóór*. It.: *Colpi proveduti, fan no manco male*. Wander 4, 1703.
- ≈ ☞ **Wenig Vorsorge, viel Nachsorge.** Mhd.: *Je minner sorge, ie groezer vâr*. Wander 4, 1703.
- ≈ ☞ **Besser Vorsorge als Nachsorge.** Dän.: *Bedre at have forsorge end eftersorge*. Wander 4, 1702.
- ≈ ☛ **Der bessere Teil der Tapferkeit ist Vorsicht.** Zitate 2003, 463. (nach W. Shakespeare).

Одно из основных отличий нашего Словаря от словарей предшественников – стремление по возможности полно представить в нем культурологическую и историко-этимологическую информацию о русских (и частично немецких) пословицах. Нужно сказать, что условия для реализации этого параметра были созданы в русской паремиографии относительно недавно. Такая работа во многом стимулировалась составлением справочников «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» [БМС 2005], и «Большой словарь крылатых слов русского языка» [БМШ 2000], а в эквивалентной части – составлением справочника «Почему немцы так говорят?» [Вальтер, Мокиенко 2007]. Благодаря самостоятельным разысканиям и обращению к имеющемуся опыту историко-этимологического анализа русских и европейских паремий составители предлагают читателю немало справок о происхождении и культурологическом фоне русских и пословиц.

Историки культуры справедливо видят в пословицах один из ценных источников изучения нашего прошлого. Одна из первых книг о русских пословицах – книга И. Снегирева «Русские в своих пословицах», изданная более чем полтора века назад [Снегирев 1848] – ставила перед собой именно такую цель. До сих пор еще идет поиск объективной методики этимологического анализа пословиц; зачастую погоня за историческими и этнографическими фактами препятствует строго языковой аргументации достоверности той или иной гипотезы. И тем не менее многие пословицы уже расшифрованы достаточно достоверно, чтобы служить надежным путеводителем по лабиринтам русской национальной культуры.

Для большинства русских пословиц в Словаре приводятся ряды иноязычных параллелей, демонстрирующих европейскую основу и межъязыковой универсализм исходных паремиологических образов и структур. Ср. славянские и другие пословичные параллели к пословице *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*:

★ **Лучше синица в руках, чем журавль в небе.** Жуков 1966, 214, 301-303; Мелерович, Мокиенко 1997, 653-656; ИСП 2002, 222-224.

= ★ **J Lieber (besser) ein Spatz (den Sperling) in der Hand als die Taube auf dem Dach.** Frey 1988, 13; Fritz 2003, 39. Engl.: *A bird in [the] hand is worth two in the bush.* Lat.: *Plus valet in manibus passer quam sub dubio grus.* Poln.: *Lepszy wróbel w rękę niż sokół (cietrzew, bażant) na sęku.* // *Lepszy grosz dany niż złoty obiecany.* Tschech.: *Lepší vrabec v hrsti, nežli holub na střeše.* Schmelz 1990, 55. In einer Berliner Zeitung las man 1864: *Besser ein Commissionsrath in der Hand, als ein rother Adler auf dem Dache.* Frz.: *Il ne faut jamais quitter le certain pour l'incertain.* It.: *E meglio un fanello in gabbia che un falcone in campagna.* Lat.: *Capta avis est melior, quam mille in gramine ruris.* Ung.: *Jobb ma egy veréb mint sem holnap egy tüzök.* Wander 4, 669.

= 📖 **Besser ein Spatz in der Hand, als ein Kranich, der fliegt, über Land.** Wander 1, 330.

= 📖 **Besser ein Sperling in der Hand, als ein Rebhuhn im Strauche.** Wander 1, 330.

≈ 📖 **Besser ein Vogel im Bauer als [denn] Tausend in der Luft.** Kožemjako 1997, 19.

≈ 🐦 **Ein Vogel in der Schüssel ist besser als zehn in der Luft.** Fink-Henseler 1996, 576.

≈ 📖 **Besser eine Grundel auf dem Tisch als im Teich ein großer Fisch.** Fink-Henseler 1996, 262.

≈ 📖 **Lieber eine Laus im Kraut als gar kein Fleisch.** Kožemjako 1997, 19.

≈ 📖 **Haben ist gewiss, Kriegen ist miss.** Kožemjako 1997, 19.

Эквивалентная и сопоставительная часть словаря служат также и более углубленной семантизации описываемой русской пословицы, расширяют ее ассоциативные рамки. Таким образом, вся структура словаря подчинена задаче комплексного описания русских пословиц в зеркале немецких и европейских паремиологических параллелей. Читатель, осознающий и любящий русское образное Слово, сможет тем самым не только просветить его рентгеновским лучом своего родного языка, но и убедиться, что «загадочная русская душа» широко открыта не менее загадочным душам других народов Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ср. принятое нами толкование пословицы и поговорки в кн.: Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А.: Словарь-справочник лингвистических терминов. М. 1985, с. 222, с. 211; Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М. 1974, с. 276-277, с. 272-273.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г.: *Большой словарь крылатых слов русского языка.* Около 4000 единиц. Русские словари, Астрель, АСТ. Москва 2000. (БМШ)
 Бинович, Л.Э., Гришин, Н.Н.: *Немецко-русский фразеологический словарь.* Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. второе, испр. и доп. «Русский язык». Москва 1975.
 Бирих, А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.* Издание 3-е, исправленное и дополненное. Около 6000 фразеологизмов. Под ред. доктора филол. наук, проф. В.М. Мокиенко. М.: «Астрель», «АСТ», «Люкс» 2005. (БМС)
 Вальтер, Х., Мокиенко, В.М.: *Почему немцы так говорят? (Загадки немецкой фразеологии).* Greifswald 2007.
 Даль, В.И.: *Пословицы русского народа.* Т. I-II. Москва 1984.
 Разумов, А.А.: *Мудрое слово: русские пословицы и поговорки.* Государственное издательство детской литературы. Москва 1957.

- Снегирев, И.М.: *Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*. Москва 1848.
- Đurčo, P.: *Sprichwörter in der Gegenwartssprache*. Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Trnava 2005.
- Walter, H.: *Sprichwörter sind die Münze der Nation. Oder: Sprichwörter breiten sich überall aus.* // Die Ukraine zwischen Ost und West. Rolf Göbner zum 65. Geburtstag. Greifswalder Ukrainistische Hefte. Heft 4. Hrsg. v. U. Jekutsch und A. Kratochvil. Shaker Verlag. Aachen 2007, 220-245.

РЕНЕЕ ГРЕНАРОВА

Чехия, Брно

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ И С СОЮЗОМ КАК В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

The article analyses some Russian and Czech fixed comparisons with the conjunction *as* and with adjectives. The author also analyses and researches into classifications of the components of the comparisons. The analysis considers the evaluation of a functionally-stylistic and emotionally-expressive distinction, i.e. connotative elements of phraseological meaning.

KEY WORDS:

Russian and Czech languages, phraseology, idioms, comparisons, conjunction *as*, adjectives, classifications.

Фразеология представляет собой раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему в ее современности и историческом развитии. Фразеологические обороты русского языка привлекали внимание его исследователей давно и под различными названиями (речения, крылатые слова, афоризмы, пословицы и поговорки, выражения, обороты речи, идиомы, идиоматизмы и т. д.). Они объяснялись как в специальных сборниках, так и в толковых словарях начиная с конца 18 века.

Фразеологические обороты – это устойчивые сочетания, состоящие из двух или больше слов. Возникновение фразеологизмов относится к далекому прошлому. Они дошли до нас, хотя их мотивация с течением времени стала неясной. Фразеологизмы отличаются устойчивостью и их смысловая и формальная связь настолько тесна, что отдельные слова теряют самостоятельное значение и их надо понимать как одно неделимое целое. Й.В. Бечка [Ве́шка 1979: 322] отмечает три типа фразеологических оборотов:

- 1) Интенсификационные фразеологические обороты;
- 2) Глагольные фразеологические обороты;
- 3) Конкретизационные фразеологические обороты.

Они отличаются содержанием, формой, объемом употребления и эффективностью. Устная и письменная речь часто требует усиления или ослабления значения

слов. Этого можно достигнуть употреблением интенсификационных фразеологических оборотов, например, словного сравнения (*белый как мел, сильный как бык, volný jako pták, silný jako tambor*), устойчивого сравнения с именем прилагательным или с наречием (*драная кошка, воронено-черный, travenčí píle, slepě důvěřovat*), сравнения с именем существительным (*талиа в рюмочку, po zuby ozbrojený, bačkoru tomu rozumí*).

Наше внимание направлено на первый тип фразеологических оборотов, компонентами которых является имя прилагательное, союз *как* и имя существительное, например: *круглый как арбуз, пугливый как заяц, zeleněj jak sedma, zmrzlý jako preclík*. Таким образом мы называем качества или свойства на основе общего признака, характерного для человека, животного, предмета, явлений природы и т. п. Доклад рассматривает проблематику интенсификации сравнительных оборотов с именами прилагательными и с союзом *как* в русском и чешском языках.

Компоненты сравнительной конструкции в чешском и русском языках можно выразить следующим образом: Cd – R – Tc – C – Ct (Cd – comparandum, R – relator, Tc – tertium comparationis, C – comparator, Ct – comparatum). Правая сторона сравнительной конструкции не ограничена, встречаются здесь имена существительные, имена прилагательные, числительные и глаголы. Например: *тихий как мышка, ходить как потерянный, быть на седьмом небе, стоять как громом пораженный, zkrouceněj jako paragraf, chodit jako svázaný, spát se jako čtyři, lže jako když tiskne*. Из вышеприведенного вытекает, что нами рассматриваемые обороты возникли трансформацией из более полных и общих структур глагольных (в чешском языке, напр., *ten sládek je tlustý jako sud*). Общий признак – имя прилагательное – относится к существительному, дополняемому контекстом, и к существительному, являющемуся основой конструкции, на правой стороне оборота.

Сравнительные обороты можно рассматривать самостоятельно или в контексте. Тогда мы говорим о «внутреннем» или «внешнем» контексте. С этим связана проблематика синонимичных оборотов. Сравнительные конструкции можно разделить на несколько групп по существительному на правой стороне оборота:

- 1) Сравнительные зоосемантические конструкции, напр.: *упрямый как баран/осел/козел – tvrdohlavý jako beran/ osel/ mezek; живучий/ влюблена как кошка – odolný (životaschopný)/ nezmar jako kočka, 'по ушам замилovaná', hluchý jako tetřev*.
- 2) Сравнительные обороты с названиями предметов анорганической природы, напр.: *тонкий как паутина – tenký jako pavučina, сладкий как патока/ мед – sladký jako cukel/ cecsek/ med, красный как медный самовар, vožralej/ namazanej jako kára*.
- 3) Обороты с названиями растений, напр.: *стройный как береза/ кипарис – urostlý jako jedle, скромная как лилия – skromná jako fialka/ chudobka, крепкий как орех, красный как свекла, kyselý jako šťovík, opilej/ nalitej jako slíva*.
- 4) Обороты с именами людей и топонимами, напр.: *пьяный как сапожник – opilý jako Dán, толстый как боров/ бочка – tlustý jako bača/ sud (soudek), черный как трубочист, длинный как коломенская верста, chytrý jako žid, černý jako mouřenín, velký jako Brno*.

- 5) Обороты с абстрактными и архаическими названиями, напр.: *страшен/ дурен как смертный грех – ošklivý/ šeredný jako pos, худой как щепка/ нитка – hubený jako lunt, (комната) большая как сарай – (místnost) velká jako ratejna, dlouhej jako pracovní den/ týden/ týden před výplatou, protivnej jako činže.*

В сравнительных оборотах чаще всего встречаются названия тех животных, которых человек очень хорошо знает, напр., собака, свинья. Конструкции с названиями животных часто включаются во внешний контекст с лексемой «человек». Они называют физические, нравственные и психические свойства человека.

Некоторые фразеологизированные компоненты – существительные на правой стороне оборотов – сочетаются во внутреннем контексте с большим количеством имен прилагательных. Когда они называют свойства из одного семантического поля физических, психических или нравственных свойств, можно говорить об однородных членах – о членах с одним (общим) значением, напр.: *кроткий как овечка, тихий как овечка*. Многозначные члены вступают в связь с прилагательными из разных семантических рядов, напр.: *ленив как сивый мерин, глуп как сивый мерин*.

Зоосемантические фразеологизированные компоненты мотивированы свойством, которым животные отличаются, напр.: *ловкий как обезьяна/ кошка/ вьюн/ пантера* – ловкость, юркость. Приведенные конструкции являются синонимичными, во внешнем контексте могут свободно заменять друг друга. Сравнительный оборот *гол как сокол* является типично русской конструкцией, возникшей на русской почве из сравнения со старинным стенобитным орудием «сокол», представлявшим собой совершенно гладкую чугунную болванку, закрепленную на цепях.

В большом количестве сравнительных оборотов мы встречаем названия предметов из области анорганической природы. Это, например, названия *алебастр, башня, мед, стелька* и т.п. Когда сравнивается типично человеческое свойство с выше описанными предметами, мы говорим о немотивированных фразеологизированных компонентах, напр.: *глупой как пень, пьяный как стелька, трезвый как стеклышко* и т.п. Конструкции *глупой как пробка* и *глупой как дерево* являются синонимичными. Существует синонимичность между мотивированными и немотивированными членами.

Колокабельность, т.е. способность связываться с внешним контекстом, у разных оборотов не всегда одинакова. Например, имя прилагательное «длинный», описывает размер и вступает в связь с разными существительными. Возникают конструкции: *длинный как кишка/ кедр/ телеграфный столб/ коломенская верста* и т.п. Во внешнем контексте первый сравнительный оборот относится к комнате, к коридору, к большому предмету, но никогда не может относиться к человеку. Конструкция *высокий как башня* может относиться к человеку, дому, дереву, т.е. к именам существительным из разных семантических рядов. Типично русскими конструкциями являются обороты *красный как медный самовар, плоский как блин*, чешский язык эти конструкции не употребляет.

Значение фразеологии в русском и чешском языках большое, особенно в последнее время фразеология получает новый аспект. Сравнительные обороты – яркое стилистическое средство, они могут сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной. Сравнения оживляют язык, при их помощи он становится более сочным и эмоциональным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И.: *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-н/Д. 1996.
- Горбачевич, К.С.: *Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке*. М. 2004.
- Даль, В.И.: *Пословицы русского народа I, II*. М. 1989.
- Зимин, В.И., Ашурова, С.Д. и др.: *Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь*. М. 1994.
- Ковалева, С.: *7 000 золотых пословиц и поговорок*. М. 1999.
- Михельсон, М.И.: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. М. 1994.
- Мокиенко, В.М., Николаева, Е. К.: *Структурно-семантическая и стилистическая систематизация польских и русских сравнений*. In: *Synteza w stylistyce slowiańskiej*. Opole 1991, s. 149-156.
- Молотков, А.И.: *Фразеологический словарь русского языка*. М. 1986.
- Огольцев, В.М.: *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. Ленинград 1978.
- Орлова, В.И.: *Фразеологические обороты со сравнительными союзами*. In: *Русский язык в школе*, 1966, № 3, с. 83-90.
- Снегирев, И.М.: *Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах*. Н. Новгород 1996.
- Телия, В.Н.: *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. М. 2006.
- Bečka, J.V.: *Slovník synonym a frazeologismů*. Praha 1979.
- Čermák, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha 1983.
- Fink, Ž.: *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb 2006.
- Mokienko, V., Wurm, A.: *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc 2002.
- Mrhačová, E.: *Názvy zvířat v české frazeologii a idiomatice (Tematický frazeologický slovník I)*. Ostrava 1999.
- corpora.yandex.ru – корпус Центра лингвистической документации
- heckel.sfb.uni-tuebingen.de/cgi-bin/korkoi8.pl – Корпусы русских текстов в Тюбингене
- www.inforeg.ru/concord/index.htm – Словарь языка Грибоедова
- www.karelia.ru/~Dostoevsky/main.htm – Весь Достоевский
- www.sfb441.uni-tuebingen.de/bl/rus/korpora.html – Тюбинг. корпусы русских текстов
- www.slovari.ru/lang/ru/ – Русские словари

КАТАРЖИНА ДЕМБСКА

Польша, Торунь

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕМ ЖАРГОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПОПЫТКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОПРОСА)

ABSTRACT:

This paper presents names of women in Russian slang in sociolinguistic perspective. The author discusses the relationship between language and reality and tries to analyse these names in connection with situation of women in Russia today. In this article the author proposes to research into discussed problems in the other slavonic languages in order to compare them with Russian language.

KEY WORDS:

Women in Russia, Russian slang, language and reality, sociolinguistic, situation of women, names of women.

В последние годы в русских средствах массовой информации всё чаще появляется тема положения женщины в постперестроечном русском обществе. Все эти материалы посвящаются проблеме дискриминации женщин на работе, их зарплаты, составляющей 64 % заработка мужчины в такой же должности [см.: Bielecki 2006], или безработицы женщин с высшим образованием. Однако множество опубликованных информации затрагивает также тему унижительного отношения и домашнего насилия против женщины. Проблема становилась настолько серьёзной, что интерес к ситуации женщин в России проявила правозащитная организация Международная Амнистия (далее МА).

Отношение к женщине у каждой нации обусловлено традицией и культурой. Известно, что в России издавна патриархальный строй и «мужская» культура. Включение России в разряд стран с мужской культурой объясняется хотя бы тем, что в культурах этого типа – как подчёркивают социологи – у мужчин сильнее позиция в обществе, больший доступ к структурам власти и возможность контролировать поведение женщин [см.: Chybicka, Kaźmierczak 2006: 135]. Все эти элементы наблюдаются и в российском обществе, но следует добавить – как и в других обществах, поскольку матриархальный строй и культура сегодня в мире не встречаются.

Часто, однако, забывается, что важным компонентом культуры каждого народа является язык. Настоящие рассуждения касаются именно современного русского

языка и встречаемых в нём названий женщин. Материалом для исследований послужил общий жаргон (сленг) русского языка, поскольку именно здесь наиболее ярко отражаются языковые изменения. Жаргон даёт огромные описательные возможности, а его часто метафорический характер позволяет соединять или смешивать разные образные прототипы, передавать информацию не только о языке, но также о культуре. Конечно, надо помнить, что многие лингвисты относятся к жаргону как к узкой, специализированной, часто нежеланной отрасли языка. Учитывая этот подход, можно сомневаться, является ли жаргон представительным материалом для такого рода исследований. Надо, однако, помнить о немалом количестве работ по влиянию жаргона на литературный язык и доказательствах, что он – в особых моментах общественно-политической ситуации – потоком проникает в официальный язык.¹

Стоит подчеркнуть, что в настоящей статье имеется в виду и более существенный вопрос, а именно проблема воздействия языка данного общества на восприятие и оценку этим обществом окружающего мира. Придерживаясь точки зрения Яна Бодуэна де Куртенэ, что не только наше мышление формирует язык, но противоположное направление также допустимо [цит. по: Karwatowska, Szpyta-Kozłowska 2005: 254], можно принять тезис, что язык в какой-то степени формирует культуру и – по словам Э. Сапира – реальный мир в значительной мере бессознательно построен на языковых обычаях (навыках) данной группы носителей языка [см.: Hawkes 1998: 36].

Исследуя названия женщин в русском общем жаргоне,² стоит подчеркнуть интересную многозначность этих выражений. Оказывается, что их можно разместить по следующим группам:

1. Выражения с одновременным значением «женщина» и «проститутка», например: *бороха, калле, киса, кобра, кожа, кобыла, красючка, лялька, мара, марьяна, маруха, метла, млёха*.³
2. Выражения со значениями: «женщина», «женский половой орган» или «задница», например: *балалайка, булка, Вагина Клиторовна, колода, котлета, кошёлка*.
3. Выражения со значениями: «женщина», «гомосексуалист» или «лесбиянка», например: *двустволка*.
4. Выражения со смешанными перечисленными выше значениями, например: *маруся* (женщина/ лесбиянка, гомосексуалист/ женский половой орган), *жучка* (женщина/ проститутка/ женский половой орган), *машка* (женщина/ проститутка/ женский половой орган/ менструация).

Рассмотрев вышеуказанные примеры, можем прийти к выводу, что женщина всё чаще ассоциируется с проституткой, органами телесного низа, физиологическими процессами или сексуальным меньшинством. Так что не будет преувеличением тезис о пейоративизации русским сленгом названий женщин,⁴ а вслед за тем – о его возможности передавать унижительное отношение к женщине.

Среди жаргонных выражений появляются и такие, которые ставят женщину в один ряд с предметом, подарком, игрушкой, например: *канашка* – положительное определение симпатичной девушки, но также название предмета и подарка. Девушку или сожительницу в жаргоне называют также *забавой* или *игрушкой*, так

что по жаргонной лексике функция современной женщины в обществе имеет скорее всего развлекательный характер.

Интересным может оказаться замечание по поводу слова *кадр* и образованного от него существительного женского рода *кадра*: первое из них несёт значение «человек», «мужчина» – второе же: «девушка», «любовница», «подруга», но значение «человек» при нём уже не перечисляется.

Подчинённость женщины по отношению к мужчине видна и по выражениям, называющим половой акт. Как пример следует проанализировать ряд предикатов, называющих совокупление, совершаемое мужчиной. Рядом с этими предикатами стоят названия женщин, выполняющие роль аргументов – объектов, на которые направлено действие (конечно, предикаты являются по крайней мере двухаргументными), например: *Брать/взять кого-л., вдуть кому-л., вставить пистон кому-л., завафлить кого-л., качать кого-л., пилить кого-л., пихать кого-л., пульнуть кого-л., пырнуть кого-л., сунуть кому-л., тараканить кого-л.*

Названия же полового акта, совершаемого женщиной, также подчёркивают её подчинённость, поскольку женщина или *кому-л. даёт* или *кому-л. отдаётся*. Из вышеуказанного вытекает, что названия полового акта часто представляют женщину в качестве предмета мужской деятельности.

Встречаются, конечно, в русском языке (в его литературном варианте и жаргоне) названия полового акта, где роль объекта, на который направляется акт, могут выполнять названия обоих полов, например: *быть с кем-л., встречаться с кем-л., выпаться с кем-л., пихаться с кем-л., пилиться с кем-л., почикаться с кем-л., слипаться с кем-л., спать с кем-л.* Кроме двух выражений, остальные из перечисленных выше представляют собой возвратные глаголы. Это замечание является настолько важным, что отсутствие постфикса *-ся* может вести к переходу выражения в разряд предикатов, обозначающих половой акт, совершаемый мужчиной. Такое происходит в случае слов: *пилить(ся), пихать(ся), пульнуть(ся), пырнуть(ся).*

Несомненно, выражения, принадлежащие русскому сленгу, в большинстве представляют женщину в невыгодном свете, прежде всего отождествляя её с объектом сексуальных утех. Следует, однако, чётко подчеркнуть, что такое наблюдается и в других славянских языках (хотя б в польском и чешском). Сравнительный анализ (на который, к сожалению, на страницах настоящей статьи – по техническим требованиям – нет места) кажется здесь обязательным, чтобы уйти от тенденциозной оценки проблемы. Однако остаётся фактом, что МА почему-то занялась женской проблемой именно в России. На страницах опубликованных этой организацией материалов можем между прочим прочесть, что *каждый день 36 тысяч женщин в Российской Федерации избиваются мужьями или партнёрами. Каждые 40 минут женщина погибает в результате домашнего насилия* [www.amnesty.org.ru/pages/ruseur460192003]. Российские социологи, которые пытаются найти причину этой трудной ситуации, подчёркивают влияние вооружённых конфликтов на психику сегодняшнего российского мужчины (за последние годы ассоциация семей солдат, возвращающих из Чечни, всё чаще просит помощи у психологов и совета, как справиться с агрессией дома).⁵ Это, конечно, только один элемент этой сложной, актуальной и тонкой российской проблемы.

В жаргонных выражениях, несомненно, трудно найти положительные⁶ характеристики женщин, хотя к таким можно отнести существительное *бабочка*, которое передаёт образ женщины, как нежной, мягкой, эфирной. Таких названий однако минимальное количество. Красивая женщина, например, определяется как *красючка*, но трудно это название отнести к одобрительной характеристике (см. элемент *сючка*).

Подытоживая эти рассуждения, ещё раз стоит напомнить о сходствах русского языка с другими языками мира в этой области. Поэтому интересным могла бы оказаться попытка сравнительного анализа концепта женщины, передаваемого избранными языками.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См., например: Крысин, Л.П.: *Взаимодействие литературного языка и неcodифицированных подсистем*. In: Ширяев, Е.: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык*. Opole 1997, s. 29-43; Колесов, В.В.: *Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра*. Москва 1998; Елистратов, В.С.: *Арго и культура*. In: *Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.)*. Москва 2000, с. 574-683.

² Термин *общий жаргон* я употребляю за: Ермакова, О.П., Земская, У.А., Розина, Р.И.: *Слова с которыми мы все встречались: толковый словарь общего жаргона*. Москва 1999. Однако, не вступая в чисто терминологические дискуссии, употребляю и термин *сленг*.

³ Все примеры жаргонных выражений по: Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.: *Толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург 2000.

⁴ Такое явление замечается и в польском. См.: Karwatowska, M., Szpyra-Kozłowska, J. 2005: 22.

⁵ См.: T. Bielecki, *Gazeta Wyborcza*. In: www.newww.org.pl/pl.php/news/news/1.html?&nw=1932&re=1.

⁶ Конечно, можно разделять точку зрения, что жаргон вообще не даёт никаких положительных характеристик. Однако можно в нём найти и немало примеров с пометой «*одобр.*». Она часто встречается при названиях алкогольных напитков, состояний после употребления наркотиков или при названиях человека или животного, доставляющих приятные эмоции.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Bielecki, T.: *Kobiety w Rosji nie chcą bronić swoich praw*. In: *Gazeta Wyborcza* 07-03-2006 (www.oska.org.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=151&Itemid=154).

Chybicka, A., Kaźmierczak, M.: *Kobieta w kulturze – kultura w kobiecie*. Kraków 2006.

Hawkes, T.: *Strukturalizm i semiotyka*. Warszawa 1998.

Karwatowska, M., Szpyra-Kozłowska, J.: *Lingwistyka płci. Ona i on w języku polskim*. Lublin 2005.

КИРА ДУБРОВИНА

Россия, Москва

СЛОВАРЬ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКО-ГО ЯЗЫКА (ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ ЕГО СОСТАВЛЕНИЯ)

АБСТРАКТ:

The article introduces the idea of compiling a dictionary of Russian Bible's phraseology. The criteria for selection of the material are determined, the content and the structure of the dictionary entry are examined. The selection of entries is given as examples, including header Bible phraseological units, stylistic notes, illustrations, as well as etymological and linguo-cultural commentaries.

KEY WORDS:

Dictionary of Russian Bible's phraseology; dictionary content; dictionary entry; the structure of a dictionary entry; etymological and linguo-cultural commentaries.

Судьба библейской фразеологии русского языка (фразеологических единиц, восходящих по своему происхождению к Библии и связанных с её образами, сюжетами, текстами) весьма необычна и даже драматична.

Будучи широко распространённой во всех сферах языка до 1917 г., библейская фразеология значительно сократилась в объёме и утратила былую употребительность за годы советской власти, во времена атеистической пропаганды и запрета Библии и других религиозных книг. В результате многие библейские фразеологизмы (БФ) утратили свою мотивированность, так как потеряли связь с хорошо известными прежде библейскими сюжетами и образами, а потому стали забываться и исчезать из языка.

Однако с началом перестройки, когда были сняты все запреты и ограничения, в обществе вновь возник интерес к книгам Священного Писания и к библейской фразеологии, причём не только среди специалистов-филологов, писателей, журналистов, книгоиздателей и других деятелей культуры, но и среди широкого круга россиян. Поэтому сейчас назрела настоятельная необходимость создания наиболее полного словаря библейской фразеологии.

Конечно, русская библейская фразеология была отражена в лексикографических трудах как дореволюционного, так и советского периода (см., например, сло-

вари М.И. Михельсона, В.И. Даля, Н.С. и М.Г. Ашукиных, В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой и др.), но в них библейские обороты разбросаны по разным словарям, построенным по весьма отличным друг от друга принципам, а потому в них представлена очень разнородная информация.

За последние 5 – 10 лет стало выходить довольно много словарей библеизмов. См., например, словари Н.Г. Николаюк, Л.М. Грановской, М.А. Загота, Л.А. Ракова, Л.Г. Кочедыкова и др. Каждый из этих словарей имеет много несомненных достоинств, но они не лишены и существенных недостатков, как, например, отсутствие стилистических помет, примеров на употребление БФ, дифференциации фразеосемантических вариантов многозначных БФ и др.

Наиболее интересным и информативно насыщенным является словарь Н.Г. Николаюк «Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник». СПб. 1998. Однако, наряду с указанными выше недостатками, в нём можно отметить ещё и следующее: в него не включены многие из широко известных и употребительных библеизмов (например, *беден как Лазарь, петть Лазаря, добрый самаритянин, каменное сердце, скрежет зубовный, со страхом и трепетом* и др.), а кроме того, этот словарь выполнен с уклоном в богословие, а не в лингвистику и культурологию, как хотелось бы.

Исходя из сказанного, представим свою концепцию словаря библейской фразеологии.

- I. Этот словарь включает в себя устойчивые, воспроизводимые и, как правило, наделённые экспрессивностью и эмоционально-оценочными характеристиками библейские обороты. По структуре они делятся на непредикативные сочетания, т.е. собственно фразеологизмы, и предикативные единицы (пословицы, афоризмы, крылатые изречения и т.п.). В состав словаря не входят библеизмы-слова, т.е. лексические единицы, представляющие собой в основном имена собственные – антропонимы, топонимы и т.п.: Адам, Ева, Каин, Ной, Соломон, Ирод, Хам, Иуда; Вавилон, Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иерихон, Иордан и т.д.
- II. В словарь включены не только активно употребляемые в современном русском языке обороты, но и устаревшие (*взыскующие града, гробы повапленные, вопиять гласом велиим, купель Силоамская* и др.), так как в XIXв. и даже в начале XXв. они были востребованы и встречались в разных стилях литературного языка и использовались в разных жанрах художественной литературы.
- III. Словарная статья, как и положено, начинается с заголовочного БФ, который представлен в его различных узуальных вариантах (если таковые имеются) – лексических (в круглых скобках), формальных (в квадратных скобках), факкультативных (в угловых скобках). Например: **Заснуть (почить, уснуть) вечным (мёртвым, могильным, непробудным, последним, смертным) сном; Сложь [сложив, сложивши] руки; Добрый (милосердный) самаритянин [самарянин]; Десять <библейских> заповедей** и т.п.
- IV. После заголовочного БФ даются стилистические пометы: сначала указывается общестилевая принадлежность БФ (например, *книжн., разг.*), затем более

конкретная характеристика книжного стиля (например, *публ.*), и, наконец, следует указание на эмоционально-экспрессивную окраску данного оборота (например, *высок.*, *одобр.*, *неодобр.*, *ирон.*, *шутл.*).

- V. Далее следует толкование данного выражения, а затем – иллюстративный материал (примеры на употребление). При этом сначала приводятся примеры из художественной литературы, публицистики, научных и эпистолярных произведений XIX – XX вв., а затем – из современных СМИ. Если БФ многозначный, то примеры даются к каждому значению, т.е. после каждой дефиниции. Например:

Дар Божий. Книжн.

1. Нечто самое дорогое, ценное, необходимое, дарованное Богом.

◆ В тюрьме и в путешествиях всякая книга есть *Божий дар*... и покажется вам занимательна, как арабская сказка. *А.С. Пушкин*. Путешествие из Москвы в Петербург.

2. Выдающиеся способности, талант, дарование.

◆ Ему был дан ... *дар Божий* – сильный, красивый голос. *В.А. Солоухин*. Капля росы.

3. *Устар.* Хлеб.

◆ Он [Овсянников] почитал за грех продавать хлеб – *Божий дар*. *И.С. Тургенев*. Однодворец Овсянников.

В иллюстративном материале отражаются не только общеупотребительные, но и индивидуально-авторские варианты БФ. Например:

Превратиться в соляной столп [столб].

◆ ... Поручаешь исследовать прекрасную женщину, как будто б она была *соляной обломок* Лотовой жены... *А.А. Марлинский*. Испытание.

- VI. Следующая часть словарной статьи – этимологический комментарий, в котором указывается, к какому библейскому тексту или сюжету восходит данный БФ, приводятся соответствующие цитаты, даются необходимые пояснения (исторические, географические, этнографические и др.). Так, например, историко-географический комментарий к статье *Содом и Гоморра* выглядит следующим образом:

- Выражение восходит к библейскому преданию о двух городах, погрязших в распутстве и уничтоженных за это огнём и серным дождём, посланными с неба Господом. *Содом* ('горящий') и *Гоморра* ('погружение, потопление'), входившие вместе с городами Адма, Севоим и Сигор в пятиградье земли Ханаанской, были расположены «в долине Сиддим, где ныне море Солёное» (Быт. 14:3). Сиддимская долина некогда была цветущей, хорошо орошаемой равниной, «как сад Господень» (Быт. 13:10). Солёное море греки и римляне называли Асфальтовым по обилию находящейся в нём горной смолы, или асфальта, а арабы – морем Лота. Это самое большое озеро западной Азии длиной почти 11 км, шириной около 3 км и глубиной около 400 м. В настоящее время оно известно под именем Мёртвого моря, так как из-за огромной концентрации соли в нём почти полностью отсутствует органическая жизнь. С севера в Мёртвое море впадает река Иордан, а

в юго-восточной части в него вдаётся низменный мыс, к югу от которого озеро резко мельчает, достигая глубины не более 4-5м. Некоторые географические и исторические источники указывают на то, что эта мелкая южная часть озера покрывает уничтоженные небесным огнём города Содом, Гоморру, Адму и Севоим.

Рассказ о гибели Содома и Гоморры, по-видимому, имеет под собой исторически достоверные корни, так как вполне соответствует природным особенностям южной части Мёртвого моря. Местность эта, хранящая следы вулканической деятельности, изобилует месторождениями серы, нефти и газа, а также вся изрыта «смоляными ямами» (Быт. 14:10) для добывания асфальта. При землетрясении в результате воспламенения нефтяных и газовых источников вполне могла произойти описанная в Библии катастрофа.

VII. В ряде словарных статей приводятся лингвистические комментарии, в которых говорится об особенностях формы, семантики, употребления БФ, об изменении их в русском языке и т.д. Например:

Под спуд (класть, прятать). *Книжн.*

В скрытое, потаённое место, куда-либо подальше.

- Выражение восходит к высказыванию Иисуса, в котором Он призывает Своих учеников служить обществу и людям, неся им свет истины. Нельзя *зарывать свой талант в землю, класть, прятать его под спуд*, но следует использовать все свои духовные силы и знания во благо людям: «Вы – свет истины. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, *не ставят её под сосудом*, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного» (Мат. 5:14-16). См. также притчу о зажжённой свече: «Никто, зажегши свечу, *не покрывает её сосудом*, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет» (Лук. 8:16; см. также Лук. 11:33; Мар. 4:21).

В др.-рус. языке и церк.-слав. варианте Библии *спуд* означал '**сосуд**, который использовали для тушения пламени свечи, светильника'. В переносном, метафорическом значении, которое зафиксировано в 1794 г. в «Словаре Академии Российской», *спуд* – 'скрытое место, тайник'. В «Толковом словаре» В.И. Даля *спуд* – '**сосуд**, кадочка или ведёрко как мера сыпучих тел'.

В современном русском языке слово *спуд* является устаревшим, но широко используются производные от него: прилагательное *подспудный* ('скрытый, спрятанный, потаённый'), наречие *подспудно* ('внутренне, в глубине души, сознания') и фразеологические обороты: *под спуд* (класть, прятать); *под спудом* (держат, оставлять, хранить; оставаться, лежать); *из-под спуда* (вынимать, доставать, извлекать).

VIII. В некоторых словарных статьях приводятся сведения о произведениях изобразительного искусства, сюжеты и названия которых связаны с соответствующими БФ. Например, «Блудный сын», «Возвращение блудного сына», «Кающаяся Магдалина», «Что есть истина?», «Явление Христа народу» и др. Так, в основе известного автопортрета Рембрандта с Саский (1835 г.) лежит притча о блудном сыне, который «... расточил имение своё, живя распутно»

(Лук. 15:13). Живописец изобразил себя с бокалом в руке и свою жену Саскию, сидящую обнажённой у него на коленях (Майкапар 1998, 180-181).

IX. В ряде словарных статей указаны синонимы или антонимы заголовочных БФ, а также делаются отсылки к тематически близким словарным статьям.

Таким образом, основная задача данного словаря – представить наиболее полную этимологическую и лингвокультурологическую информацию по каждому включённому в него библейскому фразеологизму.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. Изд. 2-е. М. 1988.

Майкапар, А.Е.: *Новый Завет в искусстве.* М. 1998, с. 180-181.

ЙОЛАНТА ИГНАТОВИЧ-СКОВРОНЬСКА, ЙОЛАНТА МИТУРСКА-БОЯНОВСКА
Польша, Щецин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЛОВИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ABSTRACT :

The object of description are proverbs functioning in contemporary Polish literature. According to research they undergo various formal transformations. Some of the transformations produce a modification of the proverbs' semantics.

KEY WORDS:

Phraseology, proverb, innovation.

Объектом наших исследований являются пословицы, функционирующие в прозаических произведениях польских писателей конца XX века. Мы учитывали лишь тексты тех авторов, творческая деятельность которых начинается не раньше 1989 года. Общественно-политические изменения, которые произошли в то время в Польше, оставили свой отпечаток также в истории литературы. В конце 80-х гг. исчерпались темы и художественные приемы, характерные для литературы предыдущего периода (1977-1989 гг.). В конце 80-х гг. в творчестве многих писателей появляются новые мотивы, темы, техники, которые стали началом т.н. молодой польской прозы [Czapliński 1997: 112].

Центральное место в наших наблюдениях отведено анализу трансформаций пословиц, обнаруженных в текстах художественной литературы указанного периода. С целью их характеристики мы использовали широко распространенную в польском языкознании типологию фразеологических инноваций, автором которой является С. Бомба. Следует подчеркнуть, что польский языковед фразеологической инновацией считает любое отклонение ФЕ от фразеологической нормы, которая, в свою очередь, находит фиксацию в нормативных словарях. В зависимости от того, какой характер имеют изменения во ФЕ, С. Бомба выделяет соответственно несколько типов инноваций: пополняющие, модифицирующие и расширяющие.

Пополняющими инновациями считаются ФЕ, которые функционировали до сих пор за пределами языковой нормы. К ним относятся внешние и внутренние заимствования, а также неологизмы.

Модифицирующие инновации, в свою очередь, возникают в результате преобразования нормативных ФЕ на уровне лексики или/и морфологии. Обновление фразеологизма происходит путем чередования, расширения, сокращения компонентного состава ФЕ, в результате объединения двух или более фразем, а также путем модификации их грамматической категории, например, категории числа, вида, залога или в результате словообразовательных процессов.

Расширяющие инновации, как их называет С. Бомба, возникают в результате изменения, расширения лексико-семантической сочетаемости фразеологизма с ненормативными компонентами [Bąba 1989: 46].

С грамматической точки зрения пословица имеет структуру предложения (простого или сложного) и в связи с этим не подвергается таким изменениям, в результате которых появляются расширяющие инновации [Lewicki 2003: 156]. За пределами нашего внимания остаются также пополняющие инновации. Следовательно, анализу подверглись лишь модифицирующие и семантические инновации.

Пословицы вводятся в тексты современной художественной литературы относительно часто. На страницах свыше 200 произведений мы нашли около 230 единиц. Паремии в художественных текстах служат типичным средством стилизации произведения под разговорную речь, индивидуализации языка героев. Несомненно, такую функцию выполняют инновации. Наш иллюстративный материал насчитывает 90 паремий – модификационных инноваций. В единицах такого типа преобразования происходят на уровне лексики и связаны с заменой, пополнением или сокращением их компонентного состава. В нашем материале в количественном отношении преобладают инновации, в которых происходит замена одного компонента пословицы другой лексемой, напр.: *Nauka nie poszła w las* > *Muzyka nie poszła w las* [Filipiak 1995: 239]. Реже встречаемся с одновременной заменой двух или более компонентов: *Nie od razu Kraków zbudowano* > *Nie od razu kość wykopano* [Kreutzinger 2003: 71].

Применение актуализаторов возможно или в определенном контексте или с целью повышения экспрессивности. Наглядным примером является инновация *Nadzieja matką wariatek* [Grochola 1997: 5], прототипом которой является пословица *Nadzieja matka (matką) głupich*. Замена нейтральной лексемы *głupi* стилистически окрашенным существительным *wariatka* усиливает экспрессивный характер преобразованной единицы и придает высказыванию разговорный оттенок.

В некоторых случаях именно контекст, конкретная обстановка способствует замене компонентов. В результате трансформации канонической пословицы *Robota nie zając, nie ucieknę* появляется инновация *Listy nie zając, nie ucieknę* [Grochola 2001: 68]. В данном случае замена компонента *robota* словом *listy* связана с конкретной работой, которую выполняет Юдифь – героиня рассматриваемого произведения К. Грохоли. Она работает редактором в одном из журналов и занимается перепиской с читателями. Иногда у Юдифи нет соответствующего настроения, чтобы этим заниматься, откладывает дела в долгий ящик. Тогда она оправдывает себя подходящими для этой ситуации словами *Listy nie zając, nie ucieknę*.

Следующий тип преобразований, заключающийся в сокращении компонентного состава, так же как и упомянутый выше тип инноваций, не меняет коренным образом смыслового содержания пословицы. Он служит средством стилизации

под разговорную речь, для которой характерна экономия средств языкового выражения [Wilkoń 2000: 43].

Во многих случаях в пословицах со структурой сложного предложения сокращение компонентного состава связано с устранением одного из простых предложений: *O wilku mowa, a wilk pode drzwiami* > *O wilku mowa* [Szolc 2004: 12]; *Kiedy wejdiesz między wrony, musisz krakać jak i one* > *Kiedy wejdiesz między wrony* [Pisarzewska 2004: 18]; *Przyganiał kociół garnkowi, a sam smoli (a obydwu smolą)* > *Przyganiał kociół garnkowi* [Głębski 1998: 81]; *Czym chata bogata, tym rada* > *Czym chata bogata* [Tokarczuk 1998: 142-143]. Реже сокращение компонентного состава сводится к сохранению лишь осколка пословицы: *Strzeżonego Pan Bóg strzeże* > *Strzeżonego* [Bogusławski 2004: 118].

В художественной литературе широко распространены пословицы, в которых обнаруживаются и структурно-семантические преобразования, т.е. когда расширение компонентного состава паремии связано с одновременным преобразованием ее семантики. Таким образом обновляется не только ее экспрессивный характер, но также конкретизируется, уточняется или интенсифицируется ее смысловое содержание. Инновация *Ściany mają uszy, a dzieci oczy* [Kosmowska 2002: 70] является результатом расширения компонентного состава канонической фразы *Ściany mają uszy* простым предложением *a dzieci oczy*. Преобразование структуры привело к уточнению, конкретизации значения пословицы ('дети могут увидеть и услышать нежелательное').

В некоторых паремиях расширение компонентного состава происходит путем распространения отдельных компонентов словами свободного употребления. Такой процесс способствует интенсификации канонического значения. Эффектом таких преобразований являются инновации: *Strach ma zbyt wielkie oczy* [Głębski 2000: 96] < *Strach ma wielkie oczy* и *Miarka się całkiem przebrała* [Zaremba 2004: 105] < *Miarka się przebrała*.

В наших материалах обнаруживаем единичный пример контаминации: *Pierwsze koty zawsze robaczywe* [Kreutzinger 2003: 22], которая является результатом объединения двух пословиц *Pierwsze koty za płoty* и *Pierwsze śliwki robaczywki*.

Согласно нашим наблюдениям, видно, что относительно часто преобразования происходят также на уровне морфологии и связаны со словообразовательными процессами, видовыми изменениями, а также с изменением внутренней структуры предложения. Структурные модификации произошли в инновациях: *Wyszło szydło z wora* [Blaut 2004: 17] < *Wyszło szydło z worka* (*wór* аугментатив лексемы *worek*); *Jak się mówi „a”, to trzeba powiedzieć „b”* [Zielonka 1998: 301] < *Jak się powiedziało „A”, to trzeba powiedzieć „B”* (замена глагола совершенного вида формой несовершенного вида); *Cierp ciało, jak się chciało* [Lachowicz 2000: 168] < *Cierp ciało, kiedy ci się chciało* (замена относительного слова *kiedy* компонентом *jak*).

Последний тип преобразований пословиц – полное изменение ее смыслового содержания – явление крайне редкое не только в кругу паремии, но также и среди фразеологизмов. В нашем материале переосмыслению подверглась фраза *Pierwsze koty za płoty*. Согласно традиции она имеет значение 'pierwsza próba zwykle nie udaje się, początki są zawsze trudne'. В произведении В. Ляхович она появляется в следующем окружении: *Pokazuję maleńką zgrzewkę z białym proszkiem. Biorą cztery porcje, nie targują się o cenę, widocznie jest stała. Po chwili ławeczka pustoszeje.*

No, pierwsze koty za płoty! [Lachowicz 2000: 110]. Приводимый контекст показывает, что конструкция *Pierwsze koty za płoty* приобрела новое значение, а именно 'pierwszy krok mamy już za sobą'. Значение это, возможно, появилось под влиянием свободной синтаксической конструкции *zrobić pierwszy krok*.

В нашем выступлении мы пытались обратить внимание на трансформации пословиц в современной польской художественной литературе. Проведенный анализ подтверждает, что в текстах они подвергаются разного типа преобразованиям. Однако наиболее типичными являются модифицирующие инновации, окказионально преобразования связаны с полным изменением семантики пословицы. Все эти преобразования подчинены одной цели – стилизации под разговорную речь, индивидуализации языка героев а также изменениям в области экспрессивности единиц. Некоторые трансформации, как показывают примеры, связаны с модификациями в плане семантики пословиц.

Источники:

- Blaut, M.: *Dolina-4*. Wydawca Blaut Marek, Katowice 2004.
Bogusławski, R.: *Modlitwa za skazańca*. Philip Wilson, Warszawa 2004.
Filipiak, I.: *Absolutna amnezja*. Wydawnictwo Obserwator, Poznań 1995.
Głębski, J.: *Kryminalista*. Wydawnictwo L&L, Gdańsk 2000.
Głębski, J.: *Kuracja..* Wydawnictwo Znak, Kraków 1998.
Grochola, K.: *Nigdy w życiu!* Wydawnictwo W. A. B., Warszawa 2001.
Grochola, K.: *Przegryźć dżdżownicę*. Wydawnictwo W. A. B., Warszawa 1997.
Kosmowska, B.: *Teren prywatny*. Zysk i S-ka, Poznań 2002.
Kreutzinger, K.: *Ja, Puchacz*. Agencja Wydawnictw i Reklamy, EWO, Warszawa 2003.
Lachowicz, W.: *Przeklinam cię, ciało*. Wydawnictwo Dolnośląskie, Katowice 2000.
Pisarczyńska, K.: *Wikta, ratuj!* Świat Książki, Warszawa 2004.
Szolc, I.: *Lęk wysokości*. Zysk i S-ka, Poznań 2004.
Tokarczuk, O.: *Podróż ludzi Księgi*. Wydawnictwo W.A.B., Warszawa 1998.
Zaremba, P.: *Plama na suficie*. Wydawnictwo W. A.B., Warszawa 2004.
Zielonka, J.: *Antypody*. Wydawnictwo Muza, Kraków 1998.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Бирх, А.К., Волков, С.С., Никитина, Т.Г.: *Словарь русской фразеологической терминологии*. Verlag Otto Wagner, München 1993.
Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М.: *Фразеологизмы в русской речи*. «Русские словари», М. 1997.
Bąba, S.: *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1989.
Czapliński, P.: *Ślady przełomu. O prozie polskiej 1976-1996*. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1997.
Lewicki, A.M.: *Studia z teorii frazeologii*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM, Łask 2003.
Wilkoń, A.: *Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2000.

Руфия Мидхатовна Козлова

Россия, Москва

СЕМАНТИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВОМ-КОНЦЕПТОМ «ГЛАЗА»

АБСТРАКТ:

In the report the comparative analysis of Russian and Polish phrases with concept word “eyes” is submitted. The special attention is given to semantics, the internal form of phrases. The role of the concept word “eyes” in structure of phraseological value is examined. Productive structural-semantic models of phrasalisms and types of interlanguage conformity are analyzed.

KEY WORDS:

Phraseologism, phrase-semantic groups, structural-semantic modelling of phraseologisms, concept, eyes, semantic, comparative analysis.

Соматическая фразеология широко представлена в любом семантическом поле, которое вербализирует базисный концепт «Человек»: состояние человека, способности человека, внешность, возраст человека, отношения между людьми, физическая и речевая деятельность. *«Знания, получаемые через тело и фиксируемые соматической фразеологией, обнаруживают единство психической, душевной и телесной конституции человека»* [Горды 2002: 118]. Этнопсихологи и лингвокультурологи утверждают, что соматический код является базовым, основным, который стоит на первом месте среди кодов культуры, так как он наиболее древний из существующих.

Соматическая фразеология занимает особое место в системе фразеологии любого языка. Многие подобные единицы возникли в глубокой древности, так как человек начал изучать окружающий мир с познания своего тела.

Компоненты-соматизмы обладают большой фразообразовательной активностью, так как обозначают концептуально важные понятия для носителей языка. Соматизмы являются своеобразными общечеловеческими концептами, которые реализуют себя в составе ФЕ, в их образной основе. Концепт всегда соотнесен с определенной областью человеческого опыта. Такие слова отражают символическое осмысление реалий мира, могут закрепить общечеловеческое восприятие

предметов и событий, тогда возникает ФЕ с общим значением во многих языках. По нашим наблюдениям, ФЕ, в составе которых есть соматизмы, являются самыми моделируемыми и имеют разветвленную систему межъязыковых соответствий.

Во фразеологии чаще всего встречаются компоненты *голова, сердце, душа, глаза, уши, рука, нога, язык*. Общее количество фразеологизмов с этими компонентами пропорционально и сопоставимо во многих славянских языках.

Рассмотрим подробнее польские и русские фразеологизмы с продуктивным компонентом *глаз*. В русской и польской фразеологии компонент «глаз» имеет множество разновидностей: *глаза разбегаются, одним глазком, запускать глазенаны (прост.), проглядеть все глазоньки, продавать глаза (диал.), вращать белками (прост.), плятить зенки, чичи протаранить (жарг.), вылупить шары (прост.), в мгновение ока и др.; oczy wypłakać, być solą w oku, leżć w ślepiu komuś, przewracać ślepiami, świdrować oczkami, wytrzeszczyć gały*. Естественно, что просторечные, жаргонные, диалектные варианты компонента *глаз* маркируют весь фразеологизм стилистически, делают его сниженным, грубым.

Слово *глаз* в значении «орган зрения» фиксируется в памятниках русской письменности с конца 16 – начала 17 веков. М. Фасмер отмечает, что русское *глаз* «связано, очевидно, с польск. *glaz* «камень, скала», *gładny* «гладкий, ловкий» [Фасмер 1986: 409]. Древнерусское слово *глазъкъ* образовано от корня *-глад-* (гладкий, гладить) с помощью суффикса *-зъ-* и имело первоначальное значение «шарик, кругляш». На основе этого позднее образовалось диалектное слово «шары» в значении «глаза», польское *gały*. Это нашло свое отражение во фразеологии русского языка: *сорочьи шарики, вылупить шары, шары под лоб, wytrzeszczyć gały*.

В польском языке слово *glaz* имеет значение «скала, валун, камень», а в значении «орган зрения» закрепилось общеславянское слово *oko*. В современном русском языке это слово является устаревшим и чаще становится компонентом устаревших и книжных фразеологизмов (*недреманное око, в мгновение ока, беречь как зеницу ока*).

Семантика фразеологизмов с компонентом-соматизмом непосредственно связана с функцией органа или части тела человека или животного, обозначаемого данным соматизмом. Так, фразеологизмы с компонентом *глаз* называют человека по его зрительным особенностям, т.е. по его способности правильно оценивать, распознавать кого-либо или что-либо, по его проницательности: *меткий глаз, наметанный глаз, ненаметанный глаз, опытный глаз, doświadczone oko, wprawne oko, niezawodne oko, mieć dobre oko*. В подобных фразеологизмах у соматизма *глаз* развивается новое значение, а именно, название части тела переносится на целый предмет, т.е. на человека. Таким образом, в семантической структуре фразеобразующего соматизма содержится сема «человек»: *опытный глаз* или *глаз наметан* – так говорят об опытном человеке. Глаза могут заменять человека или восприниматься как живое существо. Глаз (глаза) подобно человеку может отдыхать, радоваться, обманывать, говорить, забегать, загореться (*глаз отдыхает, глаз радуется, глаза забегали, глаза говорят, глаза загорелись, глаза обманывают, глаза потухли, oczy świecą się, oczy kleją się*). Большинство фразеологизмов с компонентом *глаз* связаны как с самим органом зрения, так и со способностью человека видеть и воспринимать окружающую действительность. Так, во фразеосемантической группе (ФСГ) «Обман» ярко проявляет себя концепт «глаза». Чтобы обмануть

человека, нужно воздействовать на глаза, т.е. лишить способности хорошо видеть, мешать адекватно воспринимать мир. Поэтому продуктивной фразеологической (или структурно-семантической – ССМ) моделью является «ослеплять + глаза = обмануть»: *затемнять глаза кому, закрывать глаза кому, ослеплять глаза кому чем, втирать глаза кому, замазывать (замазать) глаза кому, заливать глаза кому, заслепить (заслеплять) глаза кому, темнить глаза кому; mydlić (zamydlić) oczy komuś, zaślepić oczy komuś, sygnąć w oczy komuś*.

По ССМ «бросать (ставить) + что + в глаза = обмануть» построены ФЕ: *туман в глаза напустить кому, подпустить туману в глаза кому, надевать (надеть) шоры на глаза кого, пускать (пустить) пыль в глаза кому, подпускать пыли кому; puszczać komu tumanu w oczy, w oczy puszczyć mydło, zasypać oczy komu piaskiem, rzucać piaskiem w oczy, stawiać komu ambalki na oczy, dym w oczy puścić, puszczać blichtry w oczy*.

В качестве ослепления, затемнения обманщик использует пыль, туман, шоры, piasek, tuman, mydło.

Семантическую модель «мешать зрительному восприятию» наблюдаем и во ФСГ «нервировать кого-либо»: *как (будто, словно, точно) бельмо в глазу, как (будто) спица в глаз, być solą w oku*. Во ФСГ «Надоедать кому-либо» также выявлена модель: «находясь очень близко, мешать зрительному восприятию = надоедать, постоянно находясь рядом, стараясь быть замеченным»: *вертеться на глазах (перед глазами); настрять в глазах (диал.); мозолить (намозолить) глаза кому-либо, лезть в глаза, вертеться перед глазами, sterczeć komu przed oczyma, leżeć w oczy, leżeć w ślepiu komuś*. Когда человек постоянно находится перед глазами, это в конце концов надоедает, утомляет. Вариантом этой модели является модель «быть + чем-то мешающим + в глазах = надоедать»: *быть бельмом в глазах, być solą w oku*. Во ФСГ «злиться, показывать свой гнев» выделяется ССМ «смотреть зло + глазами = злиться»: *колоть глазами кого-либо, сверкать глазами на кого-либо, полоснуть глазами (взглядом) кого-либо (прост.), łupać (łupnąć) na kogo oczami, łupać (łupnąć) na kogo ślepiami (прост.)*. В польском и в русском языках есть фразеологизмы с этим же значением, но без компонента *глаза*, хотя указывается на функции органа зрения: *смотреть косо, чертом глядеть, смотреть зверем (волком), смотреть как удав на кролика, patrzeć na kogo wilkiem, oglądać na kogo jak wilk na owse* и др.

Глаза – это орган зрения, «смотрения», именно поэтому во фразеологии отражена способность глаз (зрачков) к движению: *обвести глазами, смерить глазами, таращить глаза, отводить глаза* и т.д. Глаза можно закрывать, открывать, смыкать, таращить, выпучить, *zamknąć, otworzyć*; ими можно моргать, хлопать, вращать, обводить, стрелять, пожирать, *pożerać, strzelać, zerkać, zawracać, latać, wybałuszyć, mrugać*. Неслучайно большинство русских и польских фразеологизмов с компонентом *глаза* входят во ФСГ «Действия человека». Например, продуктивна ФСГ «смотреть внимательно, неотрывно»: *не сводить глаз, пялить глаза, выплунуть шары (груб.-прост.), mieć oczy otwarte, wytrzeszczyć ślepią, wpiąć się ślepiami*.

Внутренняя форма подобных фразеологизмов прозрачна. Мы их часто используем в речи, в художественной литературе можно встретить приемы трансформации, обыгрывания внутренней формы ФЕ, например: в юмористическом рассказе Теффи «Два Вилли» ярко обыгрывается ФЕ *играть глазами*:

«... та села с ним рядом и, не имея возможности играть в рулетку, играла глазами, плечами и фальшивыми бриллиантами».

А в рассказе Тэффи «Свой человек» талантливо обыгран фразеологизм *видеть невооруженным глазом*:

«В прошлом году, говорят, расстреляли одного учителя за то, что он очки носил...

– Ему говорят: «Снимите очки». А он говорит: «Я, мол, ничего не могу невооруженным глазом». Вот его за вооружение глаз и расстреляли».

Концепт *глаза* реализует в составе фразеологии еще несколько своих сем. Так, В.А. Маслова отмечает: *«Солнце и луна в мифологиях многих народов считались глазами могущественного божества. С этой мифологемой связаны фразеологизмы хозяйский глаз (надежный присмотр за чем-либо), без глаза (без присмотра)»* [Маслова 2001: 133]. Трудно сказать, насколько тесно связаны эти ФЕ с солнцем и луной, но очевидно, что в подобных фразеологизмах (*не сводить глаз, на глазах* и др.) реализуется еще одно языковое значение слова *глаза* «надзор, присмотр». В польском языке это значение слова отражается во ФЕ *pod czyimś okiem, mieć oczu otwarte, mieć oczko, nie spuszczać z oka*. Кроме того, глазам *«приписывается таинственная магическая сила»* [Маслова 2001: 133]. Действительно, третье значение слова *глаза* словарь Д.Н. Ушакова толкует так: *«Только со словом дурной или без него. В суеверных представлениях – таинственная магическая сила зрения, взгляда, являющаяся источником зла»* [Ушаков 1935: 566]. Это значение концепта реализуется во ФЕ *дурной глаз, недобрый глаз поглядел, глаз нечист (диал.), с глаза пропадающий (диал.)*.

Итак, концепт *глаз-око* широко отражен в русской и польской фразеологии, имеет большое количество разновидностей, обладает богатой выразительностью, играет важную роль в формировании фразеологического значения. Рассматриваемые фразеологизмы входят в несколько продуктивных фразеосемантических полей: действия человека и их характеристика, отношения между людьми, состояние человека, качественная оценка лица, характеристика ситуации. Большинство русских и польских фразеологизмов со словом *глаза* эквивалентны между собой (полностью или частично), построены по одинаковым продуктивным структурно-семантическим моделям.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Горды, М.: *Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков*. В: Слово. Фраза. Текст. М. 2002. С. 115-125.

Маслова, В.А.: *Лингвокультурология*. М. 2001.

Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М. 1935.

Тэффи, Н.А.: *Юмористические рассказы*. М. 1990.

Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*. Под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. В 4-х т. Т.1. М. 1986. С. 409.

ЕЛЕНА КОРОЛЁВА

Латвия, Даугавпилс

ЛАТЫШСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ИХ РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

ABSTRACT:

The article examines proverbs from Latgale Old Believers' language and their analogues in Latvian. The idioms are supplied with necessary cultural commentary and context. The Russian material is recorded by author from present-day Latgale Old Believers and orthodox family natives of Pytalovo (Pscov region). The Latvian proverbs are quoted from dictionaries. In some cases the proverbs are completely identical because of close contacts between Russian and Latvian. In other cases only form of proverbs coincides but meaning is different. The divergence of form may be explained by compression and ellipse of Russian proverbs.

KEY WORDS:

Russian, Latvian, dialects, proverbs, comparison, variants, specific character, key words, word life.

В эпоху приоритета антропологических исследований интерес к пословицам вполне закономерен, поскольку *«пословица – это изречение, которое в сжатой форме излагает народные верования и воззрения как плод интуитивной философии народа и его многовекового житейского опыта»* [Фтичев: 169, цитир. по: Занглигер 2007: 14]. Интересен сам этот опыт с точки зрения универсальности и самобытности, мало изучены языковые способы его представления, образность и поэтика, этимология. Сравнительное изучение пословиц, к которому с полным правом можно было бы отнести и лингвогеографическое описание диалектных пословиц одного языка и близкородственных языков, открывает новые перспективы для дальнейших научных поисков. Так, важным аспектом паремиологических штудий при сравнительном анализе близкородственных языков являются поиски инвариантов, или «универсальных атомов смысла» (А. Вежбицкая).

Изучая взаимодействие русских и латышей в процессе их длительного совместного проживания на одной территории на материале диалектного языка русских, появившихся в Латгалии по официальной версии с 18 века, а реально еще раньше, мы пришли к выводу, что взаимодействие языков и культур наиболее ярко отразилось в сфере фразеологии [Королёва 2005]. Предметом нашего изучения является анализ соотносительных латышско-русских пословиц. Неразработанность вопроса

отграничения пословиц от фразеологизмов приводит к тому, что в лексикографической практике одни и те же единицы оказываются включенными как во фразеологические словари, так и в сборники пословиц. Латышская лексикография в этом отношении не является исключением. Мы не берем на себя решение этого сложного вопроса, а пользуемся материалом, представленным в сборниках латышских пословиц [LS], [LSP] и фразеологическом словаре [LKFL]. Русский материал собран нами на территории современной Латгалии (юго-восточная часть Латвии) и в Пыталово Псковской области (эта территория входила в состав Латвии до 40-ого года).

Б.Н. Путилов пишет о диалектной специфике фольклора: *«Она есть не наличие редких (или даже уникальных) форм, но скорее специфическая интерпретация общего, что в свою очередь представляет собой частный случай более общей вариативности народной культуры как ее неотторжимого качества»* [Путилов 1994: 145]. Русские и латышские пословицы могут не совпадать по образности, являясь носителями общего универсального смысла, они взаимодополняют друг друга, могут быть и полностью идентичными в случае калькирования, а могут совпадать по смысловому наполнению, имея расхождения в структуре и наборе лексем.

Все пословицы можно считать своеобразным кодексом народной жизни. Они *«не сочиняются, а вынуждаются силою обстоятельств»* [Даль 1999: 11]. Черпая образы из повседневной обыденной жизни, пословицы наполнены «реальными подробностями и деталями». Нерешенным является вопрос о том, почему, говоря о вполне конкретных вещах, пословица является отражением всеобщего знания, актуального для всех членов человеческого общества. Понятно, что пословицы – это суждения, поэтому они должны быть представлены в форме предложений. А вот подняться над действительностью им позволяют синтаксические структуры обобщенно-личных предложений с обобщенным субъектом и всевременными или вневременными глагольными формами. *«От конкретных деталей народного быта, в номинативном значении этих предложений, фольклорная традиция и речевая функция поднимают их на высокий уровень обобщения и дают основание видеть в этом типе пословиц регистровый вариант, совмещающий черты генеритивного и волюнтивного регистров»* [Золотова 2004: 448].

«Категориальность культуры обнаруживается в словах, ставших ключевыми для языкового сознания той или иной эпохи» [Вендина 2004: 352]. Ключевые слова пословиц нагружены культурными коннотациями. В рамках статьи рассмотрим пословицы с ключевыми словами *жизнь, каша, цыган*. Наиболее философский взгляд на жизнь представлен в пословицах с ключевым словом *жизнь*. Жизнь отличается разнообразием, в речевом узусе русских, принято выражение *жизнь в полоску*. В латышском языке этот смысл заключен в пословицах с ключевым словом *raibs* ‘пестрый’: *cilvēka mužs raibs kā pupas zieds* <жизнь человека пестра, как цветок фасоли>, *cilvēka mužs raibs kā dzeņa vēders* <жизнь человека пестра, как живот дятла>, *cilvēka mūžs tik raibs kā dzenis* <жизнь человека пестрая, как дятел> [LS: 45], *dzenis raibs, bet cilvēka mūžs vēl raibāks* [LSP: 282] <дятел пестрый, но жизнь человека еще более пестрая>, *mūsu dzīvība raibāka nekā puku ziedi* [LS: 64] <наша жизнь более пестрая, чем букет цветов>, *dzīve raiba kā cimds* [LSP: 282] <жизнь пестрая как варежка>, *nekur neiet tik raibi kā pasaulē* [LSP: 282] <нигде не получается так пестро, как в мире>. Национальную специфику отражает послови-

ца *dzīve raiba kā cimds* ‘жизнь пестрая как варежка’, поскольку варежки у латышей вяжут с национальным орнаментом из разноцветных ниток. Слово *raibs* ‘пестрый’ в русских говорах Латгалии употребляется очень активно: *Рябые такие* (олени). Зуи.

Mūžu nodzīvot ne lauku pāriet [LSP: 281] <жизнь прожить не поле перейти> – калька с русского языка. В говорах Латгалии и псковского пограничья, входившего до 40-ого года в Латгалию (Пыталовский район), широко распространена пословица *mūžu dzīvot ne maisu šūt* [LSP: 281] <жизнь прожить не мешок сшить> – *жизнь прожить – не мех сшить*. У старообрядцев мех ‘мешок’. Зафиксирован и более поздний вариант, возникший под влиянием литературного языка: *жизнь прожить – не мешок сшить*. Фольклорные записи более ранних экспедиций в Латгалию фиксируют пословицу *жизнь прожить – не мутовку облизать*, совершенно вышедшую, по нашим наблюдениям, из употребления в настоящее время. Сравним эти пословицы с архангельскими аналогами.

В архангельских говорах, судя по данным Архангельского областного словаря [АОС-13], представлены четыре варианта этой пословицы:

1. *Жизнь прожить – не ниткой шить./ Жизнь прожить – не нитка исшить*. Эти варианты наиболее близки латгальскому варианту *жизнь прожить – не мех сшить*, отличаясь от латгальского аналога актантами. Их образность основана на сопоставлении жизни с простейшими операциями и результатами шитья.
2. Варианты общенародной пословицы *жизнь прожить – не поле перейти* в архангельских говорах возникают вследствие варьирования глагола, существительного и управляемой падежной формы: *жизнь прожить – не поле переехать, жизнь пройти – не поле перебежать, век – не поле бежать, век жить – не в поле ехать*. Образность этих пословиц связана с локусом – местом, где трудится крестьянин.
3. Варианты связаны с преодолением водного пространства, являющегося во многих культурах символический границей между жизнью и смертью. *Жись-то жить – не река брести/ жись прожить – не реку брести*.
4. *Век прожить – не волок перейти. Жись-ту жить – не волок переехать* [АОС-5: 45]. Волок ‘место между водоемами, по которому перетаскивают по земле лодки и груз’, ‘отрезок пути, расстояние между двумя населенными пунктами’ [АОС-5: 45, 43]. Условно можно считать волок промежуточным локусом между полем и водой.

Таким образом, сфера жизни – это пространственная область между домом, полем и путем к воде, переход через которую и знаменует завершение жизненного цикла. Четыре локуса соответствуют четырем возрастным периодам жизни человека: детство (1), зрелый возраст (2), пожилой возраст (3), старость и смерть (4).

Ko pats vārīsi, to pats ēdīsi <что сам сваришь, то сам и будешь есть> [LKfV: 498], *kādu putru ievārīsi, tādu izstrēbsi* <какую кашу заварил, такую и выхлебаешь> ‘как замешал, так и выхлебаешь’ [LKfV: 389], *kādu putru vārīsi, tādu izēdīsi* <какую кашу сваришь, такую и съешь> [LSR: 191] – *хоть пересолить, но выхлепать* ‘совершить решительный поступок и пережить последствия’: *Бабушка говорила: «Хоть*

пересолила, но выхлебала» – про эту Дуньку-то! (едва не убила из-за ревности соперницу, но в результате вернула мужа). Пыт. [ДСОС,1: 50].

Как видим, в данном случае не наблюдается полного соответствия сопоставляемых пословиц. Во-первых, латышские пословицы имеют более широкое значение. Правда, в латышском языке отмечается пословица *kur nu putra bez sāls!* <какая каша без соли!>. Во-вторых, используются разные синтаксические структуры. В латышском языке местоименно-соотносительное придаточное предложение, в русском – противительное-уступительная конструкция. Значения ‘сварить’ и ‘каша’ в русском фразеологизме уходят в пресуппозицию, зато в структуру вводится глагол-конкретизатор с отрицательным значением *пересолить*. В говорах, кроме прямого значения, этот глагол имеет еще и переносное: ‘совершить решительный поступок, противоречащий общественной морали’. Соль в народной культуре может не только использоваться как оберег, но и связываться с негативными коннотациями. «Во время обеда на крестинах отцу ребенка давали ложку сильно подсолненной каши, чтобы он знал, как ‘солоно и горько рожать’» [Топорков 1995].

Maina kā čigāns zīrgus [LS: 51] <меняет как цыган лошадей> *maina kā čigāns zīrgus* ‘меняет как перчатки; меняет как цыган лошадей’ [LKfV: 113] – *менять* как цыганы коней ‘очень часто менять’: *Не ровные бабы, так и меняет как цыганы коней*. Згм. Эту же ситуацию отражает Архангельский областной словарь [АОС-13]: *Да вот живут, как цыган конями, всё меняют, мужиков всё меняют*. Пин. Квр. Это очень показательный контекст. Архангельские говоры находятся в значительном отдалении от говоров латгальских староверов, однако взгляд на цыган полностью совпадает и отражается в пословицах. Второй вариант этой пословицы зафиксирован у русских староверов в таком виде: – *как у цыгана лошадей* <много>. В этих пословицах отражается представление о цыганах как людях, любящих лошадей, имеющих много лошадей, воруящих лошадей и продающих лошадей, т.е. постоянно сменяющих их на новые.

Источники:

- АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 5. Москва 1987, вып. 13 (в печати).
 ДСОС – Королева, Е.Е.: *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Часть 1, 2. Даугавпилс 2002.
 LKfV – Caubuliņa D., Ozoliņa N., Plēsuma A.: *Latviešu-krievu frazeologiskā vārdnīca*. Rīga 1965.
 LS – Niedre, J., Ozols, J.: *Latviešu sakāmārdi un parunas*. Rīga 1955.
 LSP – Kokare, E.: *Latviešu sakāmārdi un parunas*. Rīga 1957.
 Список мест записи диалектной речи: Зигманы (Згм.); Зуи; Псковская область: Пыталово (Пыт.); Архангельская область Пинежский район: Кеврола (Квр).

Использованная литература:

- Вендина, Т.И.: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. Москва 2002.
 Даль, В.И.: *Пословицы русского народа*. Москва 1999.
 Занглигер, В.: *Определение пословицы как перемиологическая проблема*. In: Болгарская русистика 2007, N 1-2. с. 5-30.
 Золотова, Г.А.: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 2004.
 Королева, Е.: *Фразеологические сравнительные конструкции в латышском языке и русских говорах Латгалии*. In: Valoda dažādu kultūru kontekstā. Valoda-2005. Zinātnisko rakstu krājums, XV. Daugavpils 2005.
 Путилов, Б.Н.: *Фольклор и народная культура*. СПб. 1994.
 Топорков, А.Л.: *Соль*. In: Славянская мифология. «Эллис лак» Москва 1995, с. 364-365.

ИРИНА КУЗНЕЦОВА

Россия, Чебоксары

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРЕМИЙ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

ABSTRACT:

Interlingual paremiological equivalents of various types are considered in the article from the point of view of their usage in translation and paremiography, as well as in the comparative typological research and in teaching the second language.

KEY WORDS:

Pemie, identity, typology of paremiological equivalents, paremiography.

Единой дефиниции паремии (ПЕ) нет. Это и синоним термина *пословица* [Назарян 1987: 20], и «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, пригодное для употребления в дидактических целях», выступающее как родовой термин к терминам *пословица* и *поговорка* [Савенкова 2002: 67], но и присловья, загадки, афоризмы [Воркачев 1996: 17]; сентенции, крылатые выражения, прибаутки, выражения народного предсказания [Млсcek 1984: 125-134] – «малые фольклорные жанры, которые с точки зрения языка принадлежат к фразеологии, т.е. имеют характерные признаки фразеологических единиц (ФЕ)» [Млсcek, Ёurĉo 1995: 97]. ПЕ могут быть национальными и интернациональными; идиоэтническое проявляется на фоне универсального. Установление межъязыковых ПЕ-эквивалентов разных типов важно в практике перевода и при изучении неродных языков.

Общепринятых терминов у ФЕ-эквивалентов нет. Выделяют эквиваленты – ФЕ, равноценные переводимым по смыслу, эмоционально-экспрессивной и стилистической окраске, с тождественными и приблизительно одинаковыми компонентами: рус. *Хороший товар сам себя хвалит*, укр. *Хороший товар сам себе хвалить*, бел. *Добры тавар сам сябе хваліць*, болг. *Добрата стока сама се хвали*, нем. *Gute Ware lobt sich selbst*; аналоги – ФЕ с полной или частичной заменой образа [Влахов 1986: 235]: рус. *Каждый повар (кухарка) свою стряпню хвалит*, бел. *Кожны старац сваю торбу хваліць*, *Кожны стралец сваю стрэльбу хваліць*; рус. *Всякая лисица свой хвост хвалит*, польск. *Każda pliszka /трясогузка/ swój ogon*

chwali, *Každy ptak swe piórka chwali* и контекстуальную замену – применение при переводе ФЕ с иным составом лексем, но точно передающей смысл и стилистическую окраску переводимой ФЕ: рус. *выйти сухим из воды* и фин. *pasta kuin koira veräjästä* /выбраться как собака через калитку/. Есть и другие термины: моноэквиваленты (полные ФЕ-эквиваленты: рус. *Всякая птица свое гнездо любит*, болг. *Всяко птиче свойто гнездо обича*, англ. *Every bird likes its own nest*; рус. *Каждый повар свой бульон хвалит*, англ. *Every cook praises his own broth* и частичные – грамматические, лексические, ФЕ с разной образностью при тождестве смысла и стилистической окраски) и выборочные – ряд ФЕ-синонимов к переводимой ФЕ [Кунин 1967: 8–10]. Частичные ФЕ-эквиваленты определяют как отношения неполного (частичного) тождества – промежуточные ступени, существующие наряду с отношениями полного тождества и полного различия ФЕ [Райхштейн 1980: 24]. ФЕ-эквиваленты фиксируются в дву- и многоязычных словарях (общих, фразеологических, паремиологических).

Полные ПЕ-эквиваленты имеют тождество смысла, лексем и структуры: рус. *Всякая птица свое гнездо хвалит*; укр. *Кожда птиця свое гніздо хвалит*; болг. *Всяко птиче свойто гнездо хвали (гнездото си хвали)*; слов. *Každý vták svoje hniezdo si chváli*. Гнездо – символ дома, семьи, поэтому так говорят о человеке, который доволен своим домом, независимо от того, хорош он или плох. Неполные грамматические ПЕ-эквиваленты обнаруживают полное тождество лексем при неполном структурном: нем. *Jeder Vogel lobt sein Nest*, что обусловлено особенностями синтаксиса (в немецком языке в повествовательном предложении глагол стоит на втором месте). Неполные лексические эквиваленты обнаруживают тождество структуры при частичном тождестве компонентов: ср. рус. *Всякая птица свое гнездо любит* с болг. *Всяко птиче свойто гнездо харесва* и нем. *Jedem (einem jemanden) Vogel gefällt sein Nest* (любить ≠ нравиться). Они часто относятся к одной тематической группе (в нашем случае – представитель фауны и место его обитания): нем. *Jedem Fuchs gefällt sein Bau* (птица ≠ лиса, гнездо ≠ нора) или варьируются по родо-видовому принципу – ср. приведенные выше ПЕ с рус. *Всякий кулик (всякая кукушка) свое гнездо хвалит*; укр. *Кожда сорока свое гніздо фалит*; болг. *Всякоя (всяка) лястовица /ласточка/ своето (свойто) гнездо хвали*.

Тождеством аспектной организацией обладают рус. *Каждый (всяк, всякий) кулик свое болото хвалит*; укр. *Кожний (усяк) кулик свое болото хвалить*; бел. *[И] кожны кулік сваё балота хваліць* – ‘каждый хвалит то, что ему хорошо знакомо, близко и дорого, является родным’. При тождестве конструкции образы могут различаться: укр. *Кожна жаба свое болото хвалить* и полным: рус. *Каждая курица свой насест хвалит*; при этом может быть и неполное тождество структуры: нем. *Jeder Fuchs lobt seinen Bau* /Каждая лисица хвалит свою нору/. На ПЕ как единицы вторичного образования влияют первичные системы (лексическая и грамматическая) => для отдаленно родственных и неродственных языков полные эквиваленты не совсем типичны. Поэтому при описании ПЕ-универсалий можно пренебречь их чисто грамматической спецификой, мало значимой прагматически и семантически. Важно, что ПЕ имеют общую относительно устойчивую структурно-семантическую модель с качественным или количественным варьированием компонентов, не влияющим на их семантику. Эти ПЕ объединяет образная модель «каждый представитель фауны свое жилище хвалит», в которой не всегда струк-

турно соотнесенные компоненты семантически эквивалентны, но все относятся к одной тематической группе. Но объем значения ПЕ может меняться: рус. *Всяк кулик свое болото хвалит* прежде связывали с местом, где живет человек, поэтому В.И. Даль в своем собрании пословиц поместил ее в рубрику «Родина – чужбина»; в XX в. ПЕ употребляют и в том случае, когда кто-нибудь расхваливает дело, которым занимается [Фелицына, Прохоров 1980: 36]. У белорусской ПЕ, судя по контекстам [Лепешаў, Якалцэвіч 1996: 107], этого значения нет => здесь неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счет развития у русской ПЕ дополнительного признака.

Межъязыковая эквивалентность высока в ПЕ, близких в разных языках по функциям, типовой семантике, механизму образования, компонентной и структурной организации, стилистической принадлежности: рус. *Всяк (всякий) цыган свою кобылу (своего коня) хвалит*; укр. *Кожний циган свою кобилу хвалить*; бел. *Кожны (усякі) цыган сваю кабылу хваліць*; *Каждый цыган сваю кабылку хваліць*; болг. *Всеки циганин своя кон хвали*; серб. *Сваки циго свога коња хвали*; хорв. *Svaki Čiga svoga konja hvali*; польск. *Każdy Cygan swego konia chwali*; словц. *Každý Čigán svojho koňa chváli*; венг. *Minden cigány a maga lovát dicséri*; эст. *Iga mustlane kiidab oma hobust*. Полные эквиваленты часто интернациональны: рус. *Всякий купец свой товар хвалит (расхваливает)*; укр. *Усяк купец свій товар хвалить*; бел. *Кожны купец свой тавар хваліць*; словц. *Každý kupec svoj tovar (svoju partieku) chváli*; польск. *Każdy kupiec swój towar chwali*; нем. *Jeder Kaufmann (Krämer) lobt seine Ware (seinen Kram)*. Семантические аналоги отличаются образами: укр. *Кожний Циган свої діти хвалить*; болг. *Всеки мечкар своята (свойта) мечка хвали* /*Всякий вожак медведя своего медведя хвалит*/. Среди них очень много ПЕ, не имеющих параллелей: бел. *Кожная курыца свайго пёўня хваліць*; болг. *Всяка циганка своите вретена хвали (пешета си хвали)*; нем. *Jeder Gärtner lobt seinen Kohl*; *Jeder Töpfer lobt sein Geschirr*; *Jeder Schäfer lobt seine Keule* /*Каждый огородник хвалит свою капусту*; *Каждый горшечник хвалит свою посуду*; *Каждый пастух хвалит свой кострец*/.

ПЕ *Всякая лисица свой хвост хвалит* зафиксирована в сборнике «Пословицы и присловицы, каковы в народе издавна словом употреблялися...» – рукописи, написанной скорописью н. XVIII в., но восходящей, по мнению исследователей, к более ранним собраниям; есть она и в «Пословицах русского народа» В. Даля. Естественно, что она возглавляет ряд синонимов к *Każda liszka swój ogon chwali* в польско-русском словаре XIX в. [Словарь польско-российский 1841: 353]. Но в современном языке эта ПЕ, в отличие от славянских тождеств, почти не употребляется и фиксируется отдельными сборниками [РНПП 1986: 188; СППП 2001: 133]. Межъязыковая эквивалентность предполагает приблизительно одинаковую степень речевой употребительности => основной функциональный эквивалент. укр. *Кожда (кожна) лисиця свій хвіст (хвостик) хвалить*; *Кожна (кожда) лисичка свій хвостик хвалить*; чеш. *Každá liška svůj ocas chváli*; словц. *Každá liška svoj chvost chváli* – не тождественная структурно-семантически, но устаревшая русская ПЕ, а *Всякий кулик свое болото хвалит* (ее и приводят в дву- и полиязычных словарях).

Описание ПЕ – одна из сложных задач, что отражается на практике составления словарей, где толкования ПЕ вообще нет или оно дано непоследовательно. В паремиографии три основных подхода: дается значение ПЕ; даются ситуации, ког-

да ПЕ употребляют; объяснения нет – все это может быть в одном словаре. При отсутствии толкований ПЕ распределяют по рубрикам или главному слову, часто бессистемно. Так, ПЕ *Всяк кулик свое болото хвалит* дана под словом «Кулик», *Всякая лиса свой хвост хвалит* – под «Лиса», *Всякая птица свое гнездо хвалит* – в рубрике «Самохвальство» [РНПП 1986: 179; 188; 359]. В тематическом указателе к разделу «Пословицы» *Всяк кулик свое болото хвалит* и *Всякая лисица свой хвост хвалит* даны в рубрике «Хвастовство», а *Всякая каша сама себя хвалит* – в «Еда, питье, продукты питания» [СППП 2001: 173; 164] (у Даля ПЕ *Ржаная (ячная, гречная) каша сама себя хвалит* дана в рубрике «Похвала – похвальба» с указанием, что прежде ПЕ имела значение 'что хорошо, не нуждается в похвале', а теперь 'самохвальство'). Паремиологи, занимающиеся функционированием ПЕ, считают, что дать ее толкование можно лишь при наличии контекстов.

Адекватная интерпретация пословичного значения особенно необходима для переводных словарей ПЕ. Ряд ПЕ-синонимов и вариантов с указанием на актуальность употребления и некоторая информация о мере эквивалентности и характере расхождений между ними позволит выбрать наиболее подходящий вариант. Разделение функциональных и структурно-семантических (полных и неполных) ПЕ-эквивалентов и вариантов требует введения дополнительных символов. При таком подходе учитываются мало- и высокочастотный обороты. Подход актуален для практики перевода и разноаспектных сопоставительно-типологических исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Влахов, С.: *Непереводимое в переводе*. М. 1986.
 Воркачев, С.Г.: *Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках*. In: Языковая личность: культурные концепты. Волгоград 1996.
 Кунин, А.В.: *Англо-русский фразеологический словарь*. М. 1967.
 Лепешаў, І.Я.; Якалцэвіч, М.А.: *Слоўнік беларускіх прыказак*. Мінск 1996.
 Назарян, А.Г.: *Фразеология современного французского языка*. М. 1987.
 Райхштейн, А.Д.: *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. М. 1980.
 РНПП: *Русские народные пословицы и поговорки*. Составитель А.М. Жигулев. Устинов 1986.
 Савенкова, Л.Б.: *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону 2002.
Словарь польско-российский (по словарю польско-немецкому I.K. Троянского). Составленный Домиником Бартошевичем. Т. 1 (А – О). Варшава 1841.
 СППП: *Словарь псковских пословиц и поговорок*. Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. 2001.
 Фелицына, В.П.; Прохоров, Ю.Е.: *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь*. М. 1980.
 Mlacek, J.: *Slovenská frazeológia*. Bratislava 1984.
 Mlacek, J.; Ďurčo, P.: *Frazeologická terminológia*. Bratislava 1995.

ЧЕСЛАВ ЛЯХУР

Польша, Ополе

НА РУБЕЖЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И СИНТАКСИСА: ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВРЕМЕННАЯ ОСЬ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

АБСТРАКТ:

Axis of time is perceived in the consciousness of users of Slavonic languages of today as horizontal line oriented from the future (what is ahead of us) towards the past (what is behind us). Linguistic facts, however, prove that the axis of time used to be perceived as vertical line. Thus, this article presents an attempt of philosophical interpretation of the category of time and characteristics of selected means which account for determinants of vertical axis of time in Slavonic languages. These determinants are mainly constructions with prepositions, which for many reasons should be treated as periphery of phraseology.

KEY WORDS:

Category of time, axis of time, phraseologism, syntax, construction with preposition, linguistic worldview, Polish language, Russian language.

Категория времени является одной из наиболее интересных лингвистических категорий. Время выступает во всем своем значении лишь тогда, когда речь идет о предметах, взятых в процессе их движения. Познание временных свойств мира человеческим мышлением нашло закрепление в языке (глагольные времена, наречия, беспредложные и предложные формы существительных, фразеология, деепричастия, система лексики и др.).

Различные языковые формы могут довольно сильно влиять на содержание понятия времени. Данное понятие соотносительно с системой любого языка. Одно-временно оно не свободно от некоторых ограничений, налагаемых системой описания, то есть языком. Это связано с тем, что языки различаются между собой не только лексикой и грамматикой, но и набором и системами тех значений, которые при помощи лексики и грамматических правил каждого языка могут (или не могут) быть выражены. Такое своеобразие семантического пространства (иначе: содержательного аспекта языка, понимаемого как способность отражать в языковом сознании его носителей внеязыковую объективную действительность) создает языковую картину мира носителей данного языка.

В современной науке принято считать, что время и пространство имеют объективный характер, они неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью. Пространство трехмерно, время имеет одно, и только одно, измерение. Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, время же – последовательность существования сменяющих друг друга явлений. Время необратимо, то есть всякий материальный процесс развивается в одном направлении – от прошлого к будущему. Кроме необратимости (однонаправленности), к универсальным свойствам времени принадлежат следующие: размерность, непрерывность, связность, длительность, неповторяемость, упорядоченность [Аскин 1966: 70 и след.; 124 и след.; 147 и след.]. Необходимым условием восприятия и осознания человеком всеобщей временной связи, существующей в объективной действительности, и своего места в ней, является понятие оси временной ориентации (временной оси, точки отсчета). Временная ось – одно из важнейших в системе понятий времени. С ним связано понятие момента речи. Момент речи определяется как минимальное расстояние на оси времени, существующее между результатами наших действий в прошлом и ожидаемыми результатами в будущем, которые релевантны для данного акта коммуникации. Современным носителям славянских языков временная ось символически представляется как горизонтальная прямая линия, направленная от прошлого – через настоящее – к будущему. Прошлое мыслительно воображаем себе как нечто, находящееся за нами, за нашей спиной, позади. Будущее, наоборот, как нечто, стоящее перед нами, к чему мы стремимся, продвигаемся. Настоящее – это то, что находится где-то рядом с нами, которое окружает, охватывает нас. Это видно из высказываний типа *Все трудности и все лишения остались позади* (Арсеньев), то есть ‘в прошлом’. *Об этом речь впереди* ‘в будущем’.

Но не всегда так было. Например, наиболее древние представления о времени, которые были засвидетельствованы русским языком, не были в той мере эгоцентричны, как современные представления. Тогда время казалось существующим независимо от человека. Как пишет Д.С. Лихачев, *«Летописцы говорили о ‘передних’ князьях – о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносился с воспринимающим его субъектом. ‘Задние’ события были событиями настоящего или будущего. ‘Заднее’ – это наследство, остающееся от умершего, это то ‘последнее’, что связывало его с нами. ‘Передняя слава’ – это слава отдаленного прошлого, ‘первых’ времен; ‘задняя же слава’ – это слава последних деяний»* [Лихачев 1979: 254–255].

Данную ориентацию оси времени мы видим и в польском слове *przodek* ‘лицо, являющееся предшественником в семье, племени’ или русском *предок* ‘древний предшественник по роду, а также соотечественник из прежних поколений’ и *предки* ‘поколения, жившие задолго до настоящего времени’.

Из этого вытекает, что еще несколько сот лет назад русские (и вероятно, славяне вообще) в отличие от их современного языкового состояния были «обращены» в прошлое. Оказывается, что такая же обращенность свойственна и современному армянскому языку. Например, в письме немолодой армянки встретилось выражение: *«А обвинять себя уже поздно, когда **за плечами** осталось так мало времени»* [Всеволодова 2000: 137]. У современного носителя польского (и русско-

го) языка «за плечами» вся прожитая жизнь, перед ним остается еще неизвестная пока часть этой жизни. Ср. также высказывания: *За плечами – годы странствий. За спиной – целая жизнь.*

В свою очередь, данные многих языков доказывают, что временная ось может быть вертикальной. В латинском языке, например, *superior* – это ‘предшествующий, идущий впереди’ (буквально: ‘более высокий, высший’), *inferior* – ‘более поздний’ (буквально: ‘более низкий’) [Мурьянов 1978: 54]. Ср. также *infernus* ‘ад’ (‘закрытая пропасть, подземное царство’).

Воображение о вертикальной ориентации временной оси возникло, по всей вероятности, из наблюдений небесных светил. Круговая модель движения времени соответствует характеру видимого движения солнца: клонящееся к закату солнце спускается все ниже. Это может обуславливать выражения типа древнерусского *нижним временем* (графика современная). Вертикальная ориентация времени известна и из греческой философии.

В славянских языках вертикальная ось времени подразумевается также в выражениях типа *оутроу глоубокоу, глоубокою старостью* (в польском языке: *głęboką nocą, głęboką jesienią*). Такое же восприятие временной оси подтверждается наличием в современных славянских языках конструкций типа польских *nad wieczorem* (и *nad wieczór*), *nad ranem, nade dniem, pod wiosnę, pod północ, pod południe, pod ranem, pod świt, pod noc, pod dzień* и т.д. или русских *под ночь, под полночь, под зиму, под весну* и т.д. Более подробно об этих группах см. [Lachur 1993] и [Lachur 1994].

Если принять, что фразеологизм – это семантически связанное сочетание слов, которое, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производится в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов, а воспроизводится в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава (ср. [ЛЭС 1990: 559]), то как современные конструкции с определенным кругом существительных типа *głęboką jesienią* (*наступила глубокая зима*), так и предложно-падежные формы существительных типа *nad wieczorem, pod wieczór, pod jesień*, (*под утро, под полночь, под осень*) можно включить в состав фразеологии. По крайней мере, последний тип предложно-падежных конструкций окажется не в ядре, а на периферии фразеологии, на рубеже фразеологии и синтаксиса. Данное положение подтверждают специфические свойства этих групп, ограниченное количество лексем, которые образуют данные конструкции, а также (частично) их семантика.

К средствам синтаксического времени, выражающим идею вертикальной временной оси, принадлежат предложно-падежные конструкции с предлогами *pod* и *nad*. В польском языке они функционируют в группах *pod* + винит., *nad* + творит. и *nad* + творит.: *pod dzień, nad wieczorem, nad ranem, nade dniem, nad wieczór*. В русском языке встречается лишь одна синтаксическая схема, а именно *под* + винит.: *под утро, под вечер, под ночь, под зиму* и др. Говоря об этом, Л.С. Малаховская в работе «Творительный падеж в славянских языках» пишет следующее: «Временное значение не утвердилось за конструкцией *над* + твор. В отдельных языках оно сохранилось в виде выражений *над утром, над вечером*» [Творительный 1958: 286].

Данное значение в русском языке, как правило, выражают другие группы типа *перед* + творит., *к* + дат., *около* + родит. и другие: *перед тремя часами, перед войной, к вечеру, к утру, около трех часов* и т.д.

Названные синтаксические схемы являются показателями следующей семантики 'приблизженный к прямому времени (то есть определенному временному локализатору) с собственно-временным значением' (или иначе: непосредственное предшествование во времени момента действия и временного локализатора). И вместе с тем их следует считать специфическим проявлением существующего в славянском языковом сознании определенной модели времени.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Аскин, Я.Ф.: *Проблема времени. Ее философское истолкование*. Москва 1966.
- Всеволодова, М.В.: [рецензия на кн.:] Cz. Lachur, *Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim*, In: *Przegląd Rusycystyczny*, 2000, № 1 (89).
- Лихачев, Д.С.: *Поэтика древнерусской литературы*. Изд. третье, дополненное, Москва 1979.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. Главный ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990 (ЛЭС).
- Мурьянов, М.Ф.: *Время (понятие и слово)*. В: «Вопросы языкознания», 1978, № 2.
- Творительный падеж в славянских языках*. Под ред. С.Б. Бернштейна, Москва 1958.
- Lachur, Cz.: *Relikty pionowej osi czasu w językach słowiańskich (na materiale języka polskiego i rosyjskiego)*. *Model dobowy*. In: *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska*, XXXI, Opole 1993.
- Lachur, Cz.: *Pionowa orientacja osi czasowej i jej ślady w polszczyźnie i języku rosyjskim. Model roczny i inne środki językowe*. In: *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska*, XXXII, Opole 1994.

МИРОСЛАВА МАЛОХА

Польша, Кельце

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ САД – ЛЕС В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

ABSTRACT:

The paper presented shows Russian, Byelorussian, and Ukrainian idioms and idiomatic expressions connected ethnoculturally with forest and garden, which are illustrated with folkloristic texts of different genres. The forest is considered an element settled by forces feud with humans and their activity, the garden is regarded as symbolical embodiment of paradise so very positively. At the same time, forest and garden are seen as bright images to describe a wide range of metaphorically connected with humans' qualities, actions and states, so reality.

KEY WORDS:

Phraseology, idioms and idiomatic expressions, folklore, metaphor, picture of the world, cultural apposition, forest, garden

Пословицы с компонентами *лес* и *сад*, демонстрируя собой яркий пример корреспонденции языка и культуры, выявляют довольно широкий спектр значений, основанных на восприятии совокупности деревьев как определенного места – денотата, способного быть носителем знаковости. В народном сознании лес представлялся как место, не созданное человеком, как стихия необъятная и человеком не контролируемая. Лес – дар и творение природы, где растения и животные неподвластны человеку. Одновременно лес – одна из основных обителей враждебных человеку сил. В устно-поэтических произведениях лес представлялся как место, находящееся за пределами «своего», человеческого мира, населенное хищными животными и птицами, змеями и разными мифическими существами.

Ритуально маркированным становилось уже само вхождение в лес, которое предусматривало установление договорных отношений с его обитателями. При входе в лес славяне читали предупредительный заговор от змеи: «*Шкулятея, гарапея, ня кусай мойго грешного тила, бяжи за бильый город, лизни билаго камня, а тогда раба Божяго*», опоясывались, соблюдали молчание как способ уклонения от контакта со злыми силами (на вербальном уровне). В народной традиции подробно регламентированы отношения с лесными духами и животными. В славянской традиции существует запрет называть демона или другой источник опас-

ности «настоящим» именем, при встрече с волками здоровались, употребляя своеобразные формулы вежливости: *«Здравствуйте, молодцы! Вы идите своей дорогой, а я пойду своей»*; здоровались и при входе в лес, чтобы не заблудиться: *«Дзень добрый тому, хто у етым дому!»*.

Результат похода человека в лес часто бывал непредсказуемым: человек мог заблудиться, попасть в лапы диким животным, столкнуться с какой-либо опасностью. Народная мудрость замечает, что не человек в лесу хозяин и для достижения положительного результата человеку нужно везение и удача: *Без счастья в лес по грибы не ходи!; Счастливому по грибы ходить; с долею в лес по грибы*. На основе представления о лесе как о стихии опасной для человека, иногда даже враждебной, возникло сопоставление его с чужбиной: *В чужом месте что в лесу; Чужая сторона – дремуч бор*.

С функционированием древней метафоры «дерево – человек» соотносится представление о лесе как совокупности деревьев и соотнесение его с обществом как совокупностью людей: *В лесу лес не ровен, в миру – люди; В лесу Бог лесу не уравнил, в народстве – людей; Чем верить люду мирскому, верить темному лесу*, а также с индивидуальностью каждого человека: *Чужая душа – темный лес; Чужая душа – потемки; Чужая душа – дремучий бор*. Одно дерево или группа деревьев воспринимаются как составная леса, лес им как бы родня и вышестоящий: *Всякая сосна своему бору шумит (своему лесу весть подает); Далеко сосна стоит, а своему лесу веет (шумит, говорит); Где сосна выросла, там она и красна; Слушай, дубрава, что лес говорит*.

Компонент *лес* появляется в многочисленных пословицах, характеризующих поведение человека и разные черты его характера, например, смелость – отвага – трусость: *Волка бояться, так в лес не ходить*, оплошность: *Лесом шел, а дров не видал; в лесу дров не нашел; Из-за лесу дерева не видит*, бестолковость: *в лес дров не возят, в колодезь воды не льют; Воров в лесу сторожили, а они из дому выносили*, неблагодарность: *Сколько волка ни корми, он все в лес глядит*, ненадежность: *Он волком глядит, в лес глядит*, оправдание безделья: *Дело не медведь, в лес не уйдет*, критику: *В лес не съездили, так и на полатах замерзнем*.

Более метафорические контексты прослеживаются в пословицах типа *Недорубленный лес опять подрастает* – о необходимости основательного искоренения чего-нибудь нежелательного, замечания в адрес завистливого или оплошного человека: *Под лесом соломинку видишь, а под носом бревна не видишь; Под лесом видишь, а под носом нет*, предупреждения: *Каково в лесу кликнется, таково и откликнется*.

Привлекает внимание использование образа леса для создания неожиданных, ярких, порой комических образных выражений: *Взглянет, так и лес вянет; В лес идут, а на троих один топор берут; Сыр бор загорелся* (беда, шум из пустыков), формул отказа: *Пошла было баба в лес за грибами, да навстречу ей медведь с зубами*. Безрезультативность и бессмысленность такого действия как боронование леса прослеживается в пословице, характеризующей упорство человека: *Его учить, что по лесу с бороной ездить*. Ироническое белорусское сравнение *З жонкай як з бараной у лесе* намекает на трудности жизни женатого мужчины.

Отгон опасности в никуда, за пределы «своего», человеческого мира на акциональном уровне выражен рядом действий, символизирующих удаление опасно-

сти на межу, в лес, в болото, на перекресток, на воду, вывешивание ее на дерево и вообще помещение ее в другие места, ассоциирующиеся в народной традиции с «иным» миром. В пословицах *Беда не по лесу ходит, а по людям; Болезнь не по лесу ходит, а по людям* оба явления персонифицируются, а сам лес является местом, куда человек охотно выселил бы их. В контексте изгнания болезней в нежилые места или передачи их дереву интересны также выражения: *На сухой лес, на большую (полную) воду* (заклинание от порчи), бел. *няхай ідзе на сухі лес*.

Иногда в художественной системе фольклорных текстов образ леса десакрализуется, лес представлен как уголье: *На лес и поп вор* (т.е. всякий дрова ворует), *Леса на земли — как корову дой; Степь лесу не лучше. В степи простор, в лесу уголье; В лесу дуб — рубль; в столице по рублю спица*; место бегства: *Обманет — в лес уйдет*. Представление о лесу как масштабном органическом единстве прослеживается в поговорке *Лес по дереву не плачет*.

На основе представления о лесу как чем-то высоком, живучем, густом, обильном, темном возникли выражения: *Лес — в небо дыра; Такой лес, что в небо дыра*, бел. *жыта як лес* — про густую, высокую рожь; *зарасці як лес* — пренебрежительно про огород, заросший травой; *Дальше в лес — больше дров*. Как насмешка над необразованными или недалекими людьми употреблялись обороты: *в лесу живут, пенью богу молятся* (намек на языческих идолов), *В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате молимся*; бел. *як у лесе гадаваны (гадаваны, гадаваўся); як у лесе вырас* — характеристика плохо воспитанного человека, а также несмелого, необщительного. В языке запечатлено также поверье о происхождении этнических групп: *Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу сидят*.

В паремиях сохранились некоторые рекомендации-суеверия: *В новолуние дерева не валяют (не рубят); Строевой лес руби в новолуние: вырубленный на ущербе сгнивает; Дрова, лес, хворост рубить в полнолуние — сгниет, червь поточит*, приметы: *Когда собака перебежит дорогу, то беды нет, но и большого успеха в лесу не будет; Кто в лесу поет и увидит ворона, тому наткнуться на волка и поверья: Столяры и плотники от Бога прокляты; за то их проклинали, что много лесу перевели*.

В отличие от леса, стихии, чужой человеку, образ сада в народном сознании имеет исключительно положительную оценку. Все произрастающие в саду растения посажены человеком, нужны и хорошо ему известны. Они являются ценностью, добром, богатством: укр. *Купи сад, вернеш гроші назад*. Растения, которые вместе образуют сад, в мифопоэтических воззрениях могут пониматься как рай. В славянской мифологической традиции символика рая, через образ которого представляется идея вечной жизни и плодородия, связана также с райским деревом и с растительной силой, урожаем. Сад закономерно начинает ассоциироваться с достатком и выступать как зона контактов человека с богом. В пословицах, почти идентичных в восточнославянских языках, утверждается подчеркнуто позитивное восприятие сада: бел. *Не глядзі мяжы ды сад садзі*; укр. *Не гляди межі, та сад сади*; укр. *Садок літом — як кожух зимою*; бел. *Садок летам, што кажух зімою; Быў би сад, а салаўі прыляцяць*, укр. *Був би сад, а солов'ї прилетять*; бел. *Не лажыся рана спаць, а старайся сад саджаць*, в толкованиях снов: *Обмеривать землю под новое здание — плохой знак, под сад или огород — счастье*. Сад является одним из важнейших составляющих благосостояния семьи, вместе с домом пред-

ставляется своеобразным продолжением хозяина. Семиотически важными выступают разные состояния сада, когда актуализируется то или иное его состояние: сад растет, расцветает/не цветет, осыпается, красуется, зеленеет, радует, сохнет.

Сад является одним из устойчивых маркеров в ряду метеорологических предсказаний: бел. *Сей смела, калі ў саду бела* (то есть когда сад цветет); *Калі ў марцы сад пакрываецца інеем, то будзе вялікі зраджай ігруш і яблык, але прападуць арэхі*; *Калі вясною сады добра цвітуць, то ў летку будзе шмат грыбоў*. В песнях и толкованиях снов цветение сада обычно интерпретируется как знак счастливой жизни, женитьбы/ замужества. Посадить и вырастить сад в жизни и в фольклорном мире – одна из тяжелейших задач. Чтобы получить хороший урожай, за садом ухаживали, не только поливая его, защищая от разного рода вредителей, но и совершая ряд ритуальных действий: на Новый год деревья обвязывали соломой, осыпали кутей, пеплом, подливали под корень кровь жертвенной рождественской свиньи.

В фольклорных произведениях сад предстает не только как сакральный объект, но и как мера красоты, величия, благосостояния и безопасности, упорядоченности, совершенства. По саду гуляют, собирают росу, сажают растения, ожидают возлюбленного /возлюбленной, гадают. Наконец, сад является местом любовных встреч. В песнях нередко состояние сада соответствует настроению героя или изменению его статуса. Таким образом, сад в большинстве фольклорных текстов – один из устойчивых символов-маркеров культурного пространства, плодородия, благосостояния, любви, сакральный статус сада усиливается за счет соотнесения его с раем.

Оппозиция сад – лес является реализацией одного из основных культурологических противопоставлений своего и чужого, упорядоченного и неупорядоченного, культуры и природы.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

Россия, Санкт-Петербург

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ «ПОСЛОВИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

ABSTRACT:

This paper concerns the problem of making a Russian dictionary of proverbs. The dictionary is based on the material of the group of St.-Petersburg researchers, who are working on Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs. The Russian dictionary of proverbs will provide etymologies of Russian proverbs and parallel idioms from Slavonic and West-European languages.

KEY WORDS:

Proverb, Russian, dictionary, problems, etymology, word-list, the history of the term Proverb, sources.

В Санкт-Петербургском университете по инициативе ректора Л.А. Вербицкой издаётся серия словарей «Давайте говорить правильно» [Вербицкая, Богданова, Скияревская 2002; Зыкова, Мокиенко 2005 и др.]. Частью этой серии является и наш краткий словарь-справочник «Давайте говорить правильно. Пословицы в современном русском языке». Предназначен он для широкого читателя и его целью – как и в других справочниках этой серии – остается компактная информация о трудных для понимания и употребления языковых единиц случаях. В настоящем словаре такими единицами являются русские *пословицы*.

Термин *пословица* здесь понимается традиционно – как меткое (как правило образное) изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл, напр.: *Кто сказал «А», должен сказать и «Б»*; *Авось да небось до добра не доведут*; *Волков бояться – в лес не ходить*; *Москва слезам не верит*; *Язык до Киева доведёт*. Пословица, в отличие от других языковых единиц, которые уже стали предметом описания петербургской словарной серии для широкого читателя, не является столь целостной в формальном и семантическом отношении единицей, как слово или фразеологизм. Она имеет замкнутую синтаксическую структуру – структуру законченного предложения, что во многом определяет ее языковые и смысловые качества.

Отбор **словника** для данного Словаря так же, как и в нашем фразеологическом словаре и словаре русских крылатых слов, подчинён принципу расшифровки не-

понятного для среднего русскоговорящего читателя образа пословицы. Как показывает опыт, «правильность» её употребления обычно предстаёт именно как проблема исходной мотивации и того исторического и культурологического содержания, которое в пословице заложено при её возникновении.

Информации такого рода, к сожалению, ни в общих толковых словарях русского языка, ни в большинстве фольклорных собраний русских пословиц и поговорок, ни в специальных словарях пословиц Читатель практически не находит. В истории русской *паремиографии*, т.е. словарного описания пословиц, исключениями, пожалуй, являются монументальный двухтомный труд «Опыт русской фразеологии» М.И. Михельсона [Михельсон 1902-1903], а в новейшее время – собрание пословиц В.И. Зимина и А.С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа» [Зимин, Спирин 2006], где даются краткие этимологические объяснения к некоторым пословицам. Разумеется, в богатейшем наследии русского фольклора малого жанра немало ценного материала для таких комментариев. Так в классическом, постоянно переиздаваемом «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [Жуков 1966, 1991] немало важных данных для подобного комментирования фактов: относительно точная хронологизация, регистрации вариантов, имплицитный учет степени употребительности и т.д. Однако, задачи последовательного анализа внутренней формы русских пословиц до сих пор, к сожалению, ни один источник не ставил, несмотря на неизменный интерес читателей к этой ипостаси нашего малого фольклора.

Попытка целенаправленного историко-этимологического комментирования русских пословиц на широком фоне европейской паремиологии была предпринята в «Школьном словаре живых русских пословиц», составленном членами Петербургского фразеологического семинара Ю.А. Ермолаевой, А.А. Зайнульдиновым, Т.В. Кормилицыной, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстовой, Н.Я. Якименко [Школьный словарь 2002]. В качестве главного редактора этого словаря такую задачу выполнял именно автор этих строк. В издаваемом ныне словаре серии «Правильно» поэтому обобщен и усовершенствован этот опыт историко-этимологического комментирования русских пословиц, уточнены некоторые параметры их лексикографирования, значительно расширен словник и европейские проекции сопоставления. Главное же – основной упор сделан не на презентации пословиц в современных текстах (что было главной целью Школьного словаря пословиц), а на расшифровке неизвестной (или недостаточно известной) Читателю мотивировки пословиц.

Объектом описания в этом словаре становится поэтому корпус русских пословиц, исходный образ который требует комментария. Хорошо известные, актуальные и часто воспроизводимые в литературном языке и живой речи пословицы с прозрачным образом и ясным происхождением (напр., *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*, *Простота хуже воровства*, *Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше*, *Сердце не камень*, *Ум хорошо, а два лучше*) в словник поэтому не включены.

Взаимодействие «корректная этимологическая расшифровка» ⇔ «правильность» в паремиологии, как и при описании фразеологии и крылатых слов, разумеется, не всегда столь однозначно, прямолинейно и категорично, как этого бы хотелось нормализаторам. Хотя и для пословичного материала, как для фонетики,

морфологии и лексики, «правильность» написания в целом действительно определяется этимологически корректной формой, соотносимой с другими формами языковой единицы, один лишь этимологический критерий здесь не всегда является самодостаточным для корректных рекомендаций в русле прямолинейной «культуры речи».

Разумеется, и здесь имеются случаи прямого искажения формы и содержания языковой единицы. Так, незнание происхождения и исходной формы пословицы *Не так страшен чёрт, как его малюют* приводит к «смешной» ошибке (как в детской речи, так и в речи мало осведомленных русских и русскоязычных) – *Не так страшен чёрт, как его малютка*. Ещё более казусным является искажённое употребление пословицы *Терпи казак – атаманом будешь: Терпи коза, а то мамой будешь*. Такого рода употребления кажутся анекдотичными, – да и нередко подаются в речи как пословичные анекдоты – однако, они зафиксированы и на улице, и в средствах массовой информации, и в современной литературе именно как факт языковой безграмотности. Так, один из патриархов отечественной фразеологии профессор Л.И. Ройзензон в начале 70-х годов XX в. экспериментально выявил в речи русскоговорящих узбеков весьма «осовремененное» понимание старой русской пословицы *Назвался груздем – полезай в кузов*. Оказалось, что слово *кузов* у большинства говорящих уже не связывается с народным бытовым значением – ‘короб, корзина для грибов, ягод и т. п. из лыка, прутьев или березовой коры’, а воспринимается как актуальное ныне обозначение части грузовой автомашины, служащей для размещения людей или грузов.

В таких случаях панацеей от возможных ошибок и является последовательный комментарий пословицы, причем комментарий не только «вещественный», но и лингвистический. Так, для последней пословицы в нашем словаре предлагается целый комплекс сведений, которые, как кажется, заинтересованному читателю помогут воссоздать всю лингво-культурологическую ауру пословицы о любимых русскими и многими славянами грибах:

«Пословица в народной речи имеет варианты *Назався груздем, лезь в кузов; Назвавшись груздем, полезай в кузов; Назвался грибом, полезай в кузов; олон. Ялся быть грибком, полезай в бурачок* (где *бурачок* – небольшой берестяной кузовок и др. Известна она и другим восточным славянам: бел. *Назваўся груздок, лезь у кош; Назвайся груздом – хутчэй у кошык; Падняўся грыбком – лезь у каробку; Калі назвайся грыбам, то лезь у каробку; Абазвайся грыбам, то лезь у боршч*; (полесск.) *Калі не грыб, не лезь у каробку; укр. Коли назався грибом, то лізь у кузов; Коли ся обрав грибом, то лізь у кошіль; Коли обрався грибом, то лізь у коробку; Набрався грибом – лізь у кіш; Коли-сь не гриб, не лізь у ківи; Обібрався грибом –лізь же в ківи; Коли обібрався грибом, то лізь у борщ*. Польские параллели тождественны по образу, но имеют несколько иную синтаксическую структуру: *Jeśliś grzyb, leż w kosz* (букв. Если ты гриб, – лезь в кузов); *Taki to na świeczie tryb: masz do kosza, kiedyś grzyb* (букв. На свете так заведено: тебе нужно полезать в корзину, если ты – гриб). Варианты показывают возможность широкой замены областного слова *кузов* – ‘короб, корзина для грибов, ягод и т.п. из лыка, прутьев или березовой коры’. В русской пословице более общее название гриба заменено конкретным, которое, видимо, произошло от сочетания *груздь гриб* – букв.

ломкий гриб (ср. рус. *груда* и лит. *gruzdūs* 'ломкий', объясняющие мотивировку прилагательного). Замена слова *гриб* именно *груздем* вызвана созвучием ритмического характера: *груздем* – *кузов*. Немаловажно, однако, и то, что *грузди* считались и считаются у русских одним из ценных видов грибов: уже в памятнике литературы XVI в., «Домострое» рекомендуется «грузди и рыжики соли» [гл. 45].

Разумеется, каждая из выбираемых для такого рода комментариев пословица требует специального подхода, что определило как количество, так и качество излагаемых Читателю информации. В случае с заимствованной пословицей *Не так страшен чёрт, как его малюют*, напр., центр тяжести сделан на собственно языковой ее характеристике:

«Пословица – не исконно русская, о чем свидетельствует глагол немецкого происхождения *малевать* 'рисовать, изображать' (ср. нем. *malen* – 'рисовать, красить'). Не исконна она и в других славянских языках, например, в польск.: *Nie taki diabeł straszny, jak go malują*. Широко распространена пословица в европейских языках – ср. нем.: *Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihm malt*; англ. *The devil is not so black as he is painted* и др. В русский язык она попала в XVIII веке и активно распространилась в городском просторечии. Пословица отражает здоровый народный скептицизм и неверие в демонологические вымыслы».

Для пословицы же *Терпи, казак – атаманом будешь* историко-культурологическая информация выдвигается на передний план, хотя языковые детали – в первую очередь взаимодействие близкородственных языков и влияние украинского и русского фольклора на соседние славянские – конечно же, не упускается из виду:

«Пословица в русском языке – заимствование из украинского, где есть множество её вариантов, уточняющих исходный образ: *Терпи, козак, отоманом будеш; Терпи, хлопче, козаком будеш; Терпи, козаче, отоманом будеш; Терпи, козак, будеш їсти мед; Терпи, козак, будеш пити мед; Терпи козаче, горе, мед будеш пити*. Она восходит к XIV-XVII вв., когда крепостные крестьяне, холопы, обнищавшие горожане убегали и селились на окраинах (*украинах*) Русского государства. Этих людей, не признающих никакой зависимости, и называли *казаками* или *вольными казаками*. Позднее вольные казаки стали особой сословной группой со своим самоуправлением из выборных лиц. *Атаман (отоман)* – выборный начальник казачьего войска и военно-административной казачьей области в старину. Слово *казак* (как и *атаман*) – тюркского происхождения, буквально значащее «вольный, свободный человек».

На Украине вольный казак был одним из самых популярных героев фольклора. В трёхтомном собрании пословиц М.М. Пазыка зафиксировано 97 пословиц и поговорок о казаке с массой вариантов: *Де козак, там і слава; Життя собаче, зате слава козача; Козак без біди не заплаче; Коли козак у полі, то він на волі; Степ та воля – козацька доля* и др. В русском языке также издавна были известны пословицы о казаках: *Купленный холоп, а не купленный – вольный козак; Бог не без милости, казак не без счастья; Лакома овца к соли, а казак (коза) – к воле* и т.п.

В русском языке пословица стала популярной благодаря повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», где её употребляет главный герой: «Терпи, казак, атаманом бу-

дешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, ... кто всё вытерпит». О популярности пословицы свидетельствуют как постоянное употребление в современной литературе и публицистике, так и её шуточные переделки типа *Терпи, коза, а то – мамой будешь*.

Пословица, кроме русского, попала и в другие славянские языки: бел. *Цярні, казак, атаманам будзеш; Цярні казак а то будзець мак*; польск. *Cierp, Kozacze, atamanem będziesz*; чеш. *Trp, kozáče, budeš atamanem*. Близки по смыслу и собственно русские пословицы, напр.: *Терпение и труд все перетрут; Бей галку и ворону, руку набьешь, сокола убьешь*.

Как видим, именно «дозированная» и соизмеримая с внутренним содержанием пословицы информация и оказывается доминантным признаком «правильности» для пословиц, совмещающих в себе собственно языковые и самодовлеющие текстовые свойства.

Комбинация толкования, стилистических помет и синонимов, как кажется, создает относительно полную картину реального функционирования пословиц в современном русском языке.

Таким образом, предлагаемый словарь ориентирован на такие параметры описания русских пословиц, которые позволяют не только обратить внимание на случаи ошибочного употребления, но и демонстрируют мощный культурологический потенциал малого жанра русского фольклора. Малого, но весьма весомого и ценного. Поскольку, как гласит одна из старых русских пословиц – *Мал золотник, да дорог*.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Вальтер, Х., Мокиенко, В.М.: *Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. Карикатуры Регина Вальтер. Экспериментальный выпуск*. Griefswald 2006. 176 с.
- Вербицкая, Л.А., Богданова, Н.В., Скляревская, Г.Н.: *Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2002. 160 с.
- Жуков, В.П.: *Словарь русских пословиц и поговорок*. М.: Сов. энциклопедия 1966. 535 с.; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) М. 1967; 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык» 1991. 534 с.
- Зимин, В.И., Спирин, А.С.: *Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь*. Изд. 3-2, стереотипное. Ростов н/Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд 2006. 544 с.
- Зыкова, Е.И., Мокиенко, В.М.: *Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке. Краткий словарь-справочник*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2005. 352 с.
- Иллюстров, И.И.: *Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках*. СПб 1915. 480 с.
- Котова, М.Ю.: *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. Под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: изд-во СПбГУ 2000. 360 с.
- Михельсон, М.И.: *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. М.: «Русские словари» 1994. Т. 1 779 с. Т. 2. 580 + 250 с.
- Мокиенко, В.М.: *Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии. Краткий словарь-справочник*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2003. 286 с.
- Скляревская, Г.Н., Ваулина, Е.Ю.: *Давайте говорить правильно! Трудности грамматического управления в современном русском языке. Краткий словарь-справочник*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ 2002. 176 с.
- Школьный словарь живых русских пословиц*. Сост.: Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов, Т.В. Кормилицына, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, Н.Я. Якименко. Гл. ред. В.М. Мокиенко, редакторы: Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова. СПб.: «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС» 2002. 352 с.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВА

Россия, Санкт-Петербург

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ: ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА, ИТОГИ РАБОТЫ

ABSTRACT:

This paper concerns the problem of making a dictionary of proverbs. Currently a group of researchers in St.-Petersburg is working on a Comprehensive Dictionary of Russian Proverbs that will include over 47000 proverbs with their variants. The paper lists the primary sources used for the Dictionary and discusses the principles of writing the dictionary entries.

KEY WORDS:

Proverb, Russian, dictionary, structure, problems, variants, word-list, dictionary entry, sources.

История русской паремиографии достаточно хорошо известна и неоднократно описывалась учеными-паремиографами, несмотря на это современные исследователи не предпринимали попыток свести все сборники воедино и создать обобщенный свод русских пословиц XVII-XX вв. (а теперь уже и начала XXI в.). Составители сборников пословиц второй половины XX в., как правило, использовали предшествующие словари выборочно, в зависимости от своих целей, а также пристрастий и возможностей либо/и представляли собственный, собранный ими материал. Алфавитная или тематическая систематизация материала в существующих русских словарях пословиц весьма затрудняет пользование ими, учитывая особенности этих единиц, в частности, их широкую варьированность в живой речи и сложности отнесения их к определенным рубрикам (не говоря уже о сложностях выделения самих рубрик). Более 10 лет назад в Санкт-Петербурге по инициативе В.М. Мокиенко был создан творческий коллектив (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева), задачей которого была подготовка насколько возможно полного свода русских пословиц XVII – начала XXI вв. и обработка и систематизация его по новым параметрам, наиболее приемлемым для этих языковых единиц и облегчающим читателям пользование словарем, т.е. – составление Нового большого словаря русских пословиц (название условно).

К моменту начала работы над словарем членами фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факуль-

тета СПбГУ были полностью расписаны около 40 фразеологических и паремиологических словарей (изданных до 1986 г.). Работа над обсуждаемым Словарем началась с подготовки электронной картотеки пословиц, которая в дальнейшем расширялась и дополнялась авторами-составителями. С тех пор список источников увеличился в 2,5 раза, главным образом за счет диалектных и новых словарей, а также дополнительных источников, которые не подвергались методу сплошной выборки.

Источниками словаря являются только печатные издания. Самые ранние опубликованные собрания пословиц – это два списка XVII в.: 1) «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», вошедшие в сборник П.К. Симони (1899 г.); 2) Отрывок из сборника пословиц XVII в. (буквы Н-Ч), опубликованный Л.А. Дмитриевым в 1972 г. Этот список был известен П.К. Симони и И.М. Снегиреву, однако 50 пословиц (из 727), по наблюдениям Л.А. Дмитриева, не вошли ни в один из опубликованных сборников пословиц XVII – нач. XVIII вв., напр.: *Ты барин, а и я не татарин* [Сб. посл. XVII в.: 48]; *Уплыли муде по вешней воде* [Сб. посл. XVII в.: 49].

Примечательно, что одна из подобных пословиц, которая позволяет проследить истоки образования всем известного фразеологизма, и во всех последующих сборниках эта пословица уже трансформировалась в ФЕ: *Как от козла, ни шерсти, ни молока – Татищ. 54; Д 2, 131.* О туняядцах – Д 2, 131; встречается в словаре А.М. Жигулева [Жигулев 1969] в форме, зафиксированной в XVII в.: От козла ни молока, ни шерсти* [Сб. посл. XVII в.: 55]. Ср.: *От козла ни шерсти, ни молока* [Жигулев 1969: 53]. Значит, пословица все еще жива? Вряд ли Жигулеву была доступна рукопись, а опубликован список был после выхода словаря. Некоторые из этих 50 пословиц позволяют наблюдать самый ранний (и более полный) вариант известных пословиц: *Ум говорит: пора идти с двора, хмель говорит: дождемся побой да вместе домой – Сим. XVII-XIX вв., 147; Ум говорит – посидим! а хмель говорит – попьем да пойдем, а безумье говорит – дождемся побой, да вместе пойдем домой! – Сб. посл. XVII в., 50; Ум говорит: посидим! а хмель говорит: пойдем попьем! а безумье говорит: дождемся побой, да вместе пойдем домой! – Снег. 1848, 418.* Таким образом, даже незначительные на первый взгляд дополнения по рукописным сборникам XVII в. (а такие ранние списки на вес золота) расширяют наши знания о составе русских пословиц и представляют особый интерес для фольклористов, историков паремиологии и культуры в целом. В настоящее время корпус словаря насчитывает более 47000 единиц и продолжает увеличиваться.

Под пословицей в Словаре понимается логически законченное суждение афористического характера, основанное как на образном, так и безобразном представлении. Такое достаточно широкое определение оставляет место и для единиц типа: *Гостя Федосья! Сиди на печи да жуй калачи.* При отборе материала мы старались охватить максимально возможное число пословиц и при сомнениях предпочитали оставлять спорную паремию в корпусе Словаря. Поэтому в Словарь попали развернутые сравнения (особенно, если они зафиксированы в ранних источниках): *Сон в кручине, что корабль в пучине – Сим. 141; Все беды пропали, что в воду упали – Снег. 1999, 67; некоторые переходные случаи фразеологизмов: Шкуру на сапожки, язык на подошву – ДП 1, 319; Слегка, да досыта – ДП 2, 63.* Стремясь к полноте представления материала, авторы включили в словарь и самые разнообразные в стилистическом отношении пословицы, зафиксированные в различных сборниках и словарях: от книжных до бранных, даже обценных единиц.

При подготовке словаря пословиц неизбежно встает проблема, проблема систематизации материала. В русской паремиографической практике обычно используется алфавитный или тематический принцип систематизации и отсутствует гнездовой. По мнению составителей, именно этот принцип является оптимальным для пословиц, т.к. перед пользователем возникают целые гнезда пословиц, построенных по единому принципу, связанных общностью основных образов, предметной близостью. В такой словарной статье четко высвечивается концептосфера паремийных образов, сохраняются вариантные ряды, которые неизбежно будут распадаться при алфавитном расположении материала. Кроме того, гнездовой способ систематизации облегчает пользование словарем, ведь в сознании пользователя чаще сохраняется образ, стержневое слово, а не форма пословичного выражения.

В основной корпус на настоящем этапе включаются лишь пословицы – носители стержневого слова. Отсылочные статьи с другими компонентами пока не обрабатываются – это задача следующего этапа. Внутри корпуса будут лишь отсылки, отражающие такие вариантные компоненты, которые заменяют стержневое слово: **МЕЧ ♦ Вот меч, вот голова моя – ДП 1, 167. Ср. Вот топор, вот голова моя (ТОПОР).**

Стержневым словом в Словаре считается первое существительное, в случае его отсутствия – прилагательное, далее – глагол, местоимение, числительное, наречие.

Все стержневые компоненты располагаются по алфавиту. Внутри гнездовой вокабулы пословицы даются по алфавиту стержневого компонента во всех его грамматических формах. Для четкого и наглядного распределения субвокабул вводится специальный знак (♦), а первый в ряду субвокабульный компонент дается перед этим знаком курсивом, например: *ГУЗНЕ ♦ Счастливому и в гузне вязнет – Петр. галер. нач. XVIII в., 35; Галиуллин, Мартъянов (XVII – XVIII вв.) 2006, 42; Богд. 1741, 117; Таланному и в гузне вязнет – Богд. 1741, 112.*

Субвокабула не выводится и знак ♦ не ставится, когда словоформа в гнезде одна. За текстом пословицы следуют указания на районы употребления пословиц (если в источнике указана диалектная паспортизация): **Хоть грузно, да про своё гузно. Новг. – НОС 2, 64**, а далее – ссылки на источники в хронологическом порядке: **Бережливость лучше прибýtка – Там. нач. XVIII в., 47; Богд. 1741, 66; Снег. 1848, 12; ДП 2, 76; Ил. 1915, 359; Раз. 1957, 170; Соб. 1961, 83; Спир. 1985, 36.**

За указанием источников следуют комментарии, предваряемые астериском – *. В комментариях сохраняется информация, которая содержится в использованных источниках: историко-этимологические справки; толкования редких слов, диалектизмов, архаизмов и др.; примечания составителей источников; стилистическая маркировка пословицы или ее компонента: **«Абие, абие!...», – а на уме бабие – Рыбн. 1961, 153; Танч. 1986, 15.** *Абие – церк.-слав. – отец, Бог – *Рыбн. 1961, 153.*

Первоначальной установкой было то, что своих дефиниций и пояснений в Словаре составители не дают, но если в источнике она приводится, то в раздел «Комментарии» после знака * ее следует включить: **Кто украл – у того (на том) один грех; у кого украли – у того (на том) десять (семь, сто) – Снег., 1848, 196; ДП 1, 121; Д 1, 433; Д 3, 174; Ил. 1915, 288.** * Т.е. он всех подозревает – *Д 3, 174.* Объем этой информации значительно возрастет после вливания в Словарь информации «Краткого словаря-справочника пословиц». Кроме того, начав редактировать первые словарные статьи, В.М. Мокиенко начал добавлять много информации в ка-

честве «Примечаний редактора». Так что, похоже, что первоначальная установка авторов может измениться к моменту подготовки Словаря к печати.

Контекстные иллюстрации в Словарь не включаются.

Много трудностей возникало и возникает до сих пор при обработке вариантов пословиц: что объединять, а что дифференцировать. Тотальное объединение вариантов (особенно лексических) может, по мнению авторов Словаря, привести к а) излишне усложненной, «многоярусной» структуре словарной статьи и б) неразграничению важных компонентных, региональных, хронологических, стилистических, культурологических и других различий, которые отражены в конкретных источниках. Поэтому в тексте словаря лексические и структурные варианты подаются отдельно, с указанием конкретных источников. Однако объединение некоторых вариантов прагматически необходимо. Не подрывая принципа дифференциации, авторы объединяют следующие типы вариантов: а) морфологические и словообразовательные: **Муженин (мужнин) грех за порогом останется (остается), а жена все домой несет; Чьи грехи закрыты, а наши все наружу (наружи);** б) фонетические и орфографические: **Грамоте не знает, а (да) цифирь (цыфирь) твердит; Вовремя грозой да лозой, а не в пору (не впору) колом да дубиной;** в) объединяются и такие лексические и структурные варианты пословицы, которые зафиксированы одним источником, где варианты объединены его составителем, напр.: **Государь – батюшка, надежда – православный (белый) царь – ДП 1, 190.**

Пословицы, извлеченные из дореволюционных изданий, даются в Словаре по правилам современной орфографии и пунктуации. В ряде случаев (обычно спорных, когда речь идет о редких словах-компонентах, раздельном или слитном написании и др.) сохраняется орфографический вариант первоисточника. В диалектных пословицах сохранялись написания, в которых отражались особенности народной речи: **Ноня атаман, взатра яман. Сев.-Кавк. (1908) – СРНГ 4, 237.**

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Дмитриев, Л.А.: *Отрывок сборника пословиц XVII в.* In: *Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома / Отв. редактор А.М. Панченко.* Л.: Наука 1972. С. 28-56.
 Жигулев, А.М.: *Русские пословицы и поговорки.* М. 1969.
 Мокиенко, В.М.: *Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: Краткий словарь-справочник.* СПб. 2006.

БАРБАРА ПЕРЧИНЬСКА

Польша, Люблин

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОГОДЫ В РУССКИХ, ПОЛЬСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦАХ

ABSTRACT:

The author of the article describes Russian, Polish and German proverbs forecasting the weather. Polish and German proverbs have been extracted from the bilingual dictionary and Russian proverbs mainly from the collection of the proverbs and from the folk calendar. The analysis has shown similarities in structure of the group of proverbs as well as in the ways of forecasting the weather they have described.

KEY WORDS:

Paremiology, proverb, the weather forecasting.

В данной статье приводятся результаты анализа пословиц, прогнозирующих погоду. Выделить их сравнительно легко, так как и ситуации, в которых они применяются, и выполняемые ими функции точно определены. Пословицы – прогнозы погоды лишены, как правило, дидактической функции [Bartmiński 2001: 324]. Анализу поддаются русские, польские и немецкие пословицы, т.е. употребляемые жителями территорий с умеренным климатом с четырьмя основными временами года.

По первичному замыслу автора статьи источником языкового материала должны были послужить двуязычные словари пословиц: русско-польский, польско-русский: R. Szypuła: Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa 2003 (далее: РППР) и немецко-польский, польско-немецкий: A. Wójcik, H. Ziebart: Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki. Warszawa 2001 (далее: НППН). Первый словарь содержит в обеих частях свыше 7 тысяч пословиц, второй – свыше 6 тысяч, что, казалось бы, обеспечивает объективный характер исследований. Собранный материал доказал, что количество пословиц, прогнозирующих погоду, в русско-польском, польско-русском словаре оказалось очень скромным; в нем нашлось лишь 17 русских и 29 польских пословиц. В немецко-польском, польско-немецком данная группа представлена 109 немецкими и 148 польскими пословицами. Это и вызвало потребность пополнить русский языковой материал, используя сборник пословиц: Русские пословицы и поговорки, под ред. В.П. Аникина. Москва 1988 (далее: Рпп) и Народный календарь на 2007 год. <http://www>.

hmn.ru/index1.php?code=48 (далее: Нар.кал.). Исследованию подверглась 91 русская пословица, прогнозирующая погоду.

Большинство пословиц – прогнозов погоды построено по модели: *Если А, то В*, где и член А, и член В содержат название отрезка времени (дня, нескольких дней, месяца, времени года, года) и, чаще всего, характеристику погоды в данное время. Характеристику, данную в члене В, обуславливает характеристика, помещенная в члене А. Большую часть пословиц можно сопоставить с долговременными метеорологическими прогнозами. Классификация языкового материала опирается на характер отрезка времени, на который определяется погода в члене В, что и позволяет раскрыть богатство и многосторонность справок, скрывающихся под формой самых кратких произведений народного творчества.

1. Прогноз погоды на весь год дается, главным образом, в немецких пословицах, причем в члене А выступает или название определенного дня, напр.: *Morgenrot an Neujahr, viel Unwetter das ganze Jahr* [НППН: 142]; *Wie das Wetter um Vinzenz (т.е. 22.01) war, wird es sein das ganze Jahr* [НППН: 193], или месяца, нем.: *Donnert's im Dezember gar, bringt viel Wind das nächste Jahr* [НППН: 43]; *Viel Regen im Februar, viel Sonnenschein das ganze Jahr* [НППН: 56]; польск.: *W grudniu grzmot i burze, wietrzny rok nam wróżą* [НППН: 263].
2. Погода на время года определяется на основании погоды, которая может характеризовать следующие отрезки времен (член А):
 - а) время года, напр., русск. *По холодной весне градобойное лето* [Рпп: 384]; польск.: *Ciepła jesień – długa zima* [НППН: 90]; *Słaba zima, kiepskie lato* [НППН: 448]; нем.: *Warmer Herbst – langer Winter* [НППН: 90];
 - б) месяц, напр., польск.: *Gdy październik ciepło trzyma, zwykle mroźna bywa zima* [НППН: 352]; *Zimny grudzień, wczesna wiosna* [НППН: 263]; нем.: *Im Februar Schnee und Eis, macht den Sommer lang und heiß* [НППН: 56]; в) один день, чаще всего, праздник в честь святого, напр., русск.: *Евдокия (т.е. 14.03/01.03) красна – и весна красна* [Рпп: 346]; *Каков Платон и Роман (т.е. 01.12/17.11), такова и зима* [Рпп: 369]; польск.: *Gdy wietrzno na Michała (т.е. 29.09), będzie mroźna zima cała* [НППН: 314]; *Święty Gaweł (т.е. 16.10) ręczy za to, jakie będzie przyszłe lato* [НППН: 256]; нем.: *Sankt Elisabeth (т.е. 08.07) sagt es an, was der Winter für ein Mann* [НППН: 51]; *Gießt St. Gallus (т.е. 16.10) wie ein Fass, ist der nächste Sommer nass* [НППН: 70].
3. Прогноз погоды на месяц опирается или на характеристику
 - а) другого месяца, напр., польск.: *Jaki wrzesień taki marzec* [НППН: 441]; нем.: *Warmer Oktober bringt kalten Februar* [НППН: 145]
 - б) одного дня – праздника, чаще всего, в честь святых, напр., русск.: *Какой второй Спас (т.е. 19.08/6.08), такой и январь* [Нар.кал.]; польск.: *Adam i Ewa (т.е. 24.12) pokazują, jaki styczeń i luty następują* [НППН: 219]; нем.: *Wie das Wetter um Kathrein (т.е. 25.11), wird auch der nächste Hornung sein* [НППН: 104] (древненем. Hornung – Februar).

В данном месте следует подчеркнуть, что в Польше и в Германии праздники в честь святых опираются на общий католический календарь (грегорианский); в России же в связи с поздним введением грегорианского календаря даты празд-

ников по старому и новому стилю не совпадают. Поэтому в статье время определяется и по новому, и по старому стилю.

Отдельную группу образуют пословицы, которые представляют собой долго-временные прогнозы погоды на время, определяемое точно, или без указания на предел. Пунктом отсчета является день – праздник. Чаще всего, если называется срок, погода характеризуется на несколько недель или месяцев, напр., русск.: *Сорок мучеников* (т.е. 22.03/9.03) – *сорок утреников* [Нар.кал.]; польск.: *Kiedy z Janem* (т.е. 24.06) *przyjdą deszcze, to sześć niedziel kropi jeszcze* [НППН: 269]; нем.: *Wie's wittert an Medardi Tag* (т.е. 8.06), *so bleibt's sechs Monat' lang danach* [НППН: 130]. Однако в большинстве случаев время, кроме общего значения 'с, после данного дня' не уточняется, напр., русск.: *Как придет Петро* (т.е. 12.07/27.06), *так будет и тепло* [Нар.кал.]; *С первого Снаса* (т.е. 14.08/1.08) – *холодные росы* [Нар.кал.]; польск.: *Po świętej Dorocie* (т.е. 6.02) *schną chusty na płocie* [НППН: 247]; *Po świętym Mateuszu* (т.е. 21.09) *zimno chodzi w kapeluszu* [НППН: 310]; *Regnet's am Magdalenentag* (т.е. 29.05), *folgt gewiss mehr Regen nach* [НППН, 126]; *Scheint zu Lichtmess* (т.е. 2.02) *die Sonne heiß, gibt's noch sehr viel Schnee und Eis* [НППН: 127].

К данной группе примыкают пословицы, указывающие на границу между временами года, напр., русск.: *Иван-постный* (т.е. 11.09) – *осени отец крестный* [Нар.кал.]; *Введение пришло* (т.е. 4.12) – *зиму привело* [Рпп: 369]; польск.: *Od świętego Marcina* (т.е. 11.11) *zima się poczyną* [НППН: 308]; *Na świętego Grzegorza* (т.е. 12.03) *idzie zima do morza*; нем.: *Nach Martini* (т.е. 11.11) *scherzt der Winter nicht* [НППН: 129]; *Joseph* (т.е. 19.03) *macht dem Winter ein Ende* [НППН: 100].

Предсказание погоды на определенный день, как правило, выражено с помощью параллельных конструкций, напр., русск.: *Вознесение* (т.е. 40 дней после Пасхи) *с дождем, Илья* (т.е. 2.08) *с грозой* [Рпп: 360]; *Какова погода 1 апреля, такова и 1 октября и наоборот* [Нар.кал.]; польск.: *Boże Narodzenie po wodzie, Wielkanoc po lodzie* [НППН: 227]; *Gdy na święty Antoni* (т.е. 13.06) *pogoda, to na Piotra* (т.е. 29.06) *poleje woda* [НППН: 220]; нем.: *Nasse Pfingsten, fette Weihnachten* [НППН: 148]; *Wie Sankt Kathrein* (т.е. 25.11) *wird's Neujahr sein* [НППН: 104].

Группа пословиц, в которых прогноз погоды выражен непосредственно, невелика, это, главным образом, характеристики месяцев, отличающихся в умеренном климате сравнительно высокой неустойчивостью атмосферных явлений – марта и апреля, напр., русск.: *И март на нос садится* [Рпп: 345]; *В апреле зима сзади и спереди* [РППР: 49] польск.: *W marcu jak w garncu* [РППР: 826]; *Kwiecień – plecień, bo przeplata, trochę zimy, trochę lata* [НППН: 295]; нем.: *April, April, er weiß nicht, was er will* [НППН: 23].

Пословицы, прогнозирующие погоду, и русские, и польские, и немецкие содержат результаты наблюдений над теми же самыми явлениями природы, и поэтому по содержанию они близки друг другу. Как правило, они указывают на один, реже два, признака погоды, который следует считать самым важным для человека. Данная группа пословиц обладает чаще всего лишь буквальным смыслом, что и мотивировано выполняемыми ими функциями. Надо помнить о том, что пословицы-прогнозы почти каждый день подвергались и все еще подвергаются проверке, и поэтому сравнительно часто применяются в наше время [Masiowski 2003: 5].

Вместо итогов приведем две пословицы: русскую – *Год на год не приходится* [РППР: 81] и польскую – *Rok do roku niepodobny* [РППР: 776], которые, казалось

бы, противоречат всему сказанному выше. По-настоящему же они указывают на один, едва ли не важнейший признак пословиц, охарактеризованный в одной из статей В. Хлебды словами Станислава Ежи Леца: «*пословицы противоречат друг другу. И в этом именно народная мудрость*».[Хлебда 1994].

Источники:

- Аникин, В.П.: *Русские пословицы и поговорки*. Москва 1988.
Stypuła, R.: *Słownik przysłów rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*. Warszawa 2003.
Wójcik, A., Ziebart H.: *Słownik przysłów niemiecko-polski, polsko-niemiecki*. Warszawa 2001.
Народный календарь на 2007 год. <http://www.hmn.ru/index1.php?code=48>. 2007-06-25 – 2007-08-10

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Bartmiński, J. (red.): *Współczesny język polski*. Lublin 2001.
Krzyżanowski, J.: *Mądrej głowie dość dwie słowie. Pięć centurij przysłów polskich i diabelski tuzin z ha-kiem*. Т.1, 2. Warszawa 1994.
Masłowski, D. i W.: *Przysłowia polskie i obce*. Wstęp K. Musiolek-Kłosińska. Warszawa 2003.
Świerczyński, D.A.: *Przysłowia w sześciu językach*. Warszawa 1996.
Православный календарь 2007. www.days.pravoslavie.ru/. 2007-07 – 2007-08-15.
Хлебда, В.: *Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу*. In: Русистика. Берлин, 1994, № 1/2, с. 74-84. <http://www.philology.ru/linguistics2/chlebd-94.htm>. 2007-08-06

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ПРОХОРОВА, ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВОЧ ЧЕКУЛАЙ

Россия, Белгород

ПОСЛОВИЦЫ С КОМПАРАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ В СЛАВЯНСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРАХ

ABSTRACT:

This article deals with the problem of the semantic structuring of proverbs in Slavonic and Germanic languages. The main idea is that both the semantic and syntactic structure of the proverb is of complex nature presupposed by the axiological character of the proverb itself based on comparison as the main logical tool of any evaluation in the mind and in the language. Concepts in the form of the lexical units, being the components of the proverb, are value concepts combining all possible evaluative interpretations of the facts of the outer world, and the proverbs are one of the main forms of evaluating different persons, things and facts as variable representations of the invariant value concepts. The phenomenon seems to be common in the Russian, Ukrainian and English languages.

KEY WORDS:

Proverbs, semantic structure, comparative component, value concepts, evaluative sense, value-semantic and structural-logical basis.

В контексте лингвосемантических исследований пословицы принято ассоциировать скорее с планом языка, нежели культуры. Это, несомненно, верно, поскольку фразеологическая единица, к которым относятся и пословицы, и поговорки – это единица, ассоциирующаяся, в первую очередь, с планом языка и речи, а уж затем рассматриваемая как языковая экспликация данных о культуре того социума, в языке которого присутствует данная пословица. Но нельзя забывать, что наряду с коммуникативной функцией для нормального функционирования языковой системы имеет и функция аккумуляции знаний, а пословицы как раз и аккумулируют знания о культурных ценностях данного социума. В них отражается отношение народа к различным фактам современной жизни и истории, различных сфер бытия.

Затронув проблему культурных ценностей, следует сказать и о ценностях в целом. В аксиологии ценность и оценка различаются, в то время как в большинстве исследований явления языковой оценочности данное различие редко принимается во внимание. Тем не менее, оно представляется достаточно серьезным основанием, задающим семантическую структуру пословицы. Данное различие, на наш взгляд,

состоит в том, что оценка – это внешнее выражение ценности [Анисимов 2001: 67]. Ценность концентрирует в себе всю совокупность аксиологических знаний – утилитарных, эстетических, морально-этических и проч. – о лице, предмете или событии того или иного семантического класса (т.е. относящимся к определенной семантической категории), а оценка эксплицирует определенную часть этих знаний применительно к типовой или конкретной ситуации квалификации качеств и свойств данного лица, предмета или события. Ценность и оценка свойственны всем значимым единицам языка, а тем самым и пословицам как определенному классу фразеологических единиц языка. Проблема того, насколько общекультурные и национальные ценности совпадают и различаются в языковом структурировании таких единиц, представляет, на наш взгляд, значительную актуальность, поскольку ее решение вносит существенный вклад в ответ на одну из центральных проблем сегодняшней семантики: в чем состоят особенности языковой картины мира для носителей различных языков?

Данная статья не претендует на всесторонний ответ в решении данной проблемы, но, как представляется, в ней предпринимается попытка найти более или менее адекватные пути такого решения.

За начальную посылку настоящего исследования мы принимаем следующее. Поскольку ценность является общим аккумулятором квалификативных знаний, независимо от их аксиологического «заряда», то она концентрируется в виде особых мыслительных структур, или, точнее говоря, структур знаний о внешнем мире, известных в когнитивной лингвистике как концепты. Концепты являются не составной частью фразеологических единиц в целом и пословиц в частности, а задают их ценностно-семантические основания. При этом в основе такого «фундаментирования» могут лежать ценности, с логической точки зрения рассматриваемые как контрарные, взаимно исключающие друг друга, но тем не менее имеющие общие понятийные основания [Асмус 1947: 48-49], например, *ВОЙНА* и *МИР*. Если одна из таких семантических составляющих тесно ассоциируется с положительной оценочной квалификацией, а другая с отрицательной, то они чаще всего встречаются в пословицах с синтаксической структурой антитезы, например: *Ломать – не строить, Худой мир лучше доброй ссоры, Дорого, да мило, дешево, да гнило, The spirit is willing but the flesh is weak* и т.п.

Контрарная семантическая составляющая пословицы является основанием наиболее эксплицитной структуры пословиц, но далеко не единственной. Кроме контрарной и близкой ей контрадикторной семантической структур, соответствующих антонимическим семантическим отношениям, в пословицах часто заложены как синонимическая основа, так и гиперо-гипонимическая или диспаратная, когда несвязанные эквонимическими отношениями понятия имеют общее родовое понятие, которому они подчиняются в качестве гипонимов. Такие ценностные основания представлены в большинстве пословиц русского, украинского и английского языков. Например: 1. при семантической общности понятий они обладают различным понятийным объемом (в русском языке: *Ум хорошо, а два – лучше, Двум смертям не бывать, а одной – не миновать, Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*; в украинском языке: *Тікав від вовка, а впаав на ведмедя, Малі дітки – малі бідки, а великі дітки – великі біди*; В английском языке: *A bird in the hand is worth two in the bush, Little pitchers have big ears* и т.п.); 2. при общих пара-

метрических показателях объекты, сопоставляемые в пословице, относятся к разным концептуальным классам (в русском языке: *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, Ты ему про Фому, а он – про Ерему, Жизнь прожить – не поле перейти*; в украинском языке: *В огороді бузина, а в Києві – дядько, Куди серце лежить, туди і око біжить*; в английском языке: *So many people, so many minds, Better feet slip than the tongue* и т.п.).

Если сопоставить пословицы этих языков, то нетрудно заметить, что в целом они не только оперируют общими ценностными концептами, такими как *БОГАТСТВО* и *БЕДНОСТЬ*, *КРУПНОЕ* и *МЕЛКОЕ*, *ДОСТУПНОЕ* и *НЕДОСТУПНОЕ*, *СЕРЬЕЗНОЕ* и *ПОВЕРХНОСТНОЕ* и т.п., но и при передаче того или иного ценностного отношения зачастую оперируют общими лексемами в составе пословицы, ср. например:

По одежке протягивай ножки :: Put your hand no further than your sleeve will reach

(общая семантическая основа – *ОДЕЖДА*);

Лучше синица в руке, чем журавль в небе :: A bird in the hand is worth two in the bush

(общая семантическая основа – *ПТИЦА*) и др.

О том, что семантическую основу пословицы составляет ценность как сумма объективных и субъективных взглядов на определенное лицо, предмет или явление, свидетельствует и тот факт, что в различных пословицах могут отражаться и диаметрально противоположные оценочные квалификации одного и того же объекта реальности, представляющего определенную понятийную категорию. Если подходить к данному явлению с позиций парадигматики и синтагматики языковых единиц, можно с достаточной долей основательности утверждать, что ценность представляет собой семантический инвариант суждения об определенном предмете, представляющем объект квалификации в составе пословицы, в то время как эксплицированное в виде пословицы оценочное суждение представляет вариант реализации данной ценности. Можно смело утверждать, что это явление носит если не универсальный для паремий характер, то, по крайней мере, свойственно германским и славянским языкам, материал которых рассматривается в настоящем исследовании. В этой связи наглядным примером является известная сцена из фильма Л. Гайдая «Операция Ы», когда прораб объясняет пятнадцатисуточнику необходимость трудиться на благо общества и при этом перечисляет русские пословицы о труде. Мимо воли, следуя парадигме мышления, среди пословиц, прославляющих труд, он приводит и явно относящуюся к данной ценностно-концептуальной парадигме пословицу, имеющую совершенно противоположный оценочный смысл *Работа не волк, в лес не убежит*. В украинском языке к одной парадигме относятся также если не противоположные, то, по крайней мере, передающие различные оценочные отношения к концепту *ЗРЕНИЕ* пословицы *Поки на власні очі не побачу – не повірю* и *Бачили очі, що купували – їсте, хоч повилазьте*.

В английском языке полную оценочно-семантическую противоположность демонстрируют следующие пословицы, характеризующие такие концепты, как *НАЧАЛО* и *КОНЕЦ*: *A bad beginning makes a bad ending* и *A good beginning makes a good ending*. Наиболее ближе всего к ценностному инварианту, на наш взгляд, является пословица *In every beginning think of the end*.

В результате данного анализа неизбежен и следующий вопрос: а имеют ли пословицы только ценностно-семантическую основу структурирования, или же, говоря о пословицах, как и о фразеологических единицах в целом, исходить надо из их собственно языковой структуры речевой модели? Имеет ли значение для структурирования пословицы то, по какой модели она строится с позиций языковых, а не семантико-аксиологических?

На наш взгляд, на эти вопросы следует отвечать однозначно утвердительно, но со следующей оговоркой: в семантическом структурировании пословицы равноправно взаимодействуют и ценностно-семантические, и структурно-логические основания. Несомненно, в настоящем исследовании взяты далеко не все пословицы исследуемых языков, но лишь те, в которых содержатся эксплицитные показатели сравнения. Именно сравнение как комплексная логическая и семантическая операция сознания и определяет такое взаимодействие. Это выражается, с одной стороны, в том, что большая часть пословиц, предполагающих оценочную квалификацию на основе сравнения, имеет в определенных языках достаточно обозримое количество основных моделей, которые, если и способны варьироваться, то варьируются в незначительном количестве случаев. В русском языке это, например, модели *Лучше/ хуже X, чем Y, X, а/ но*, *Скорее X, чем Y* и тому подобные. Но эти же компаративные структуры мы наблюдаем и в английском, и в украинском языках. Выше мы уже показывали, что в пословицах этих различных языков для передачи одной и той же оценочной информации используются одинаковые или близкие по своим онтологическим параметрам концепты, но при этом вместе с концептами часты случаи и совпадения синтаксического структурирования пословицы, например *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* – *Краще раз побачити, аніж стократ почути* – *One eyewitness is better than two hear-so's*.

Несомненно, языковая специфика, как и специфика определенной культуры, накладывает свой отпечаток на особенности формирования структуры пословицы в отдельном языке. Так, в английском языке в пословицах с компаративной комплексной (синтаксической и семантической) структурой часто встречаются сравнения по эквиваленту, передаваемые предикативом *to be worth smth*. Но и этому есть объяснение. Мы полагаем, что ценностные концепты релятивны по своей природе, и потому могут часто заменяться иными экспликатами отношений, передающими разные стороны ценностно-оценочных отношений [Чекулай 2006]. Так, английской пословице *Hear twice before you speak* в украинском языке соответствует *Перше ніж сказати, краще подумай*. В английской пословице отсутствует эксплицитно выраженный оценочный компонент, соответствующий лексеме *краще*, но ценностное содержание компенсируется прескрипционной формой высказывания (глагол в императиве). Кроме того, в таком семантическом контексте нейтрализуются семантические различия между концептами действий *ДУМАТЬ* и *СЛУШАТЬ*.

Таким образом, сравнение как логическая и структурная основа оценки задает достаточно близкие структурные и семантические параметры пословиц как максимум, носящих ярко выраженный аксиологический характер, в различных языках, являющихся родными для представителей разных европейских культур.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Анисимов, С.Ф.: *Введение в аксиологию*. «Современные тетради», М. 2001.

Асмус, В.Ф.: *Логика*. Госполитиздат, М. 1947.

Чекулай, И.В.: *Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке*. Изд-во БелГУ, Белгород 2006.

ЕЛЕНА ПУПЫНИНА, НАТАЛЬЯ ПУПЫНИНА

Россия, Белгород

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

ABSTRACT:

The paper presents comparative study of Russian and English proverbs and sayings verbalizing positive emotions. Two kinds of proverbs and sayings are analyzed: those ones that express emotions and those ones that represent knowledge about emotional states. This knowledge is considered culturally dependent.

KEY WORDS:

Positive emotions, concept, culture, Russian, English, proverbs, sayings.

Проблема «язык и культура» в несколько измененном вследствие новых достижений виде снова приобрела актуальность. В результате появился целый ряд терминов, среди которых, как отмечает С.Г. Воркачев, «*концепт*», «*лингвокультура*», «*мифологема*», «*логоэпистема*». Автор предлагает считать концепт «*зонтиковым*» термином, покрывающим предметные области нескольких научных направлений [Воркачев 2003: 6]. Конечно, существуют различные точки зрения на соотношение упомянутых терминов. Например, по замечанию Н.Ф. Алефиренко, лингвокультура является более сложным образованием, ядро которого составляет концепт [Алефиренко 2007: 4]. Несмотря на возможные расхождения во взглядах ученых, нужно признать, что концепт не теряет статус одного из стержневых терминов, применяемых для экспликации соотношения языка и культуры, языка и сознания.

В данной статье ставится цель рассмотреть в контексте упомянутой проблемы концепты положительных эмоций, которые нашли свою объективацию в пословично-поговорочном фонде русского и английского языков.

Прежде чем излагать результаты исследования, следует сделать несколько замечаний о возможности рассмотрения эмоций в контексте культуры. Считается, что универсальная основа психики человека дает повод относить эмоциональные состояния к универсальным феноменам, свойственным любому индивиду незави-

симо от того, представителем какой культуры он является. Выделяются шесть первичных или базовых эмоций, которые испытывают представители разных культур [Ekman; 1992, Izard 1993]. Тем не менее, «*распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность и способы их выражения специфичны для носителей разных языков*» [Мягкова 2000: 22]. Иначе говоря, с точки зрения единой природы человека, эмоции как врожденные биологические явления присущи всем людям. Для человека также характерны рефлексия, в определенной мере осознание своих переживаний и стремление их объяснить. В этом случае культура может играть детерминирующую роль. Кроме того, отношение к эмоциональным состояниям, их оценка могут быть культурно обусловленными, национально специфичными, что также может фиксировать язык. Как известно, в языке находит отражение то, что коммуникативно, социально значимо для определенного лингвокультурного сообщества. При таком понимании проблемы возможно проводить сопоставительное изучение эмоциональных концептов.

Наиболее очевидно национально-культурная информация проявляется в пословицах и поговорках. Ведь именно они выступают способом хранения жизненного опыта, наблюдений и мыслей, которые разделяются множеством представителей того или иного лингвокультурного сообщества. «*Такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших*» [Жуков 1966: 3]. Не менее значимым паремиологический фонд может оказаться для исследования эмоциональных концептов. «*Пословицы редко бывают спокойными. Они, как и люди их создавшие, гневаются, печалются, смеются, трунят, веселятся, плачут, охают, стонут, кричат, озорничают, балагурят, пугают, предостерегают, учат, негодуют [...]* Поговорка в еще большей степени, чем пословица, передает эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений. Поговорка и существует в речи ради того, чтобы выражать именно и прежде всего чувства говорящего» [Жуков 1966: 4-5].

В настоящей статье сравнение вербализации эмоциональных концептов проводится по трем параметрам, которые определяются наличием в концепте трех составляющих. Концепт имеет ценностную, образную и понятийную стороны [Карасик 2002: 129], в том числе эмоциональный концепт включает в себя, помимо понятия, образ и оценку [Красавский 2001: 29]. Описать понятийную, ценностную и образную составляющие концепта можно, ответив на три вопроса: О чем говорится в пословице? Что в ней об этом говорится? Как говорится?

Как русские, так и английские пословицы и поговорки можно разделить на два вида:

- Пословицы и поговорки, которые непосредственно выражают эмоциональное состояние. В этом случае информация о состоянии говорящего входит и в прагматический компонент плана содержания. Например: *Не было ни гроша, да и вдруг алтын*. В данном случае говорящий испытывает радость от неожиданной удачи, появления чего-либо.
- Пословицы и поговорки, которые передают знание о переживаниях, эмоциональных состояниях. Это утверждения, сообщения, содержащие широкие жизненные обобщения и носящие назидательный или дескриптивный характер. Например: *Не родись красивым, а родись счастливым. Не в деньгах счастье. A full cup must be carried steadily* («полную чашу нужно нести осто-

рожно», то есть счастье нужно беречь). *After rain comes sunshine/fair weather* («после ненастья – солнышко», то есть после горя – радость).

В ходе данного исследования нас интересовали оба вида пословиц, но не с точки зрения их экспрессивности, а с точки зрения передаваемого ими знания. Именно в этом плане нам кажется допустимым говорить о концептах положительных эмоций, так как концепт – это «квант знания».

Большинство пословиц и поговорок, выражающих информацию о положительном эмоциональном состоянии, содержат слова-номинанты эмоций. Доминирующим словом в русском пословично-поговорочном корпусе является *счастье* и его дериваты, затем следуют *хороший* и *радость*. В английских пословицах и поговорках примерно равно в количественном отношении употребляются *pleasure, good, fortune, joy*. Английское *happiness* обнаружилось в одной пословице. Кроме того, при различных видах перевода английских пословиц и поговорок на русский язык (аналоги, эквиваленты, описательный перевод) то содержание, которое передается в английском языке разными словами, может покрываться русским словом *счастье*. Приведем примеры: *Fools have fortune*. – Дуракам *счастье*. *He dances well to whom fortune pipes*. – «Кому *счастье* служит, тот ни о чем не тужит». *Unlucky in love, lucky at play*. – *Несчастлив* в любви – *счастлив* в игре. *Better be born lucky than rich*. – Не родись богатым, а родись *счастливым*. Возможно, это позволяет сделать вывод о том, что в русском языковом сознании *счастье* приобретает некий глобальный, обобщенный смысл, которым наделяется множество ситуаций и в котором определенным является только то, что это состояние со знаком «плюс».

Поскольку пословицы и поговорки характеризуются образностью, то можно проследить, с какими образами связаны положительные состояния в сознании носителей русского и английского языков. Следует отметить, что в этом отношении большого отличия не наблюдается. Так, и в русских, и в английских пословицах и поговорках обнаруживается ассоциация психологических состояний с вкусовыми ощущениями: положительное состояние связывается со вкусом сладкого, отрицательное – со вкусом горького. Например: *Ложка дегтю в бочку меда*. *Who has never tasted bitter, knows not what is sweet* (Не отведав горького, не узнаешь и сладкого). *Honey is sweet, but the bee stings* («Мед сладок, да пчелка жалит»). *No sweet without some sweat* (Не вкусив горького, не видать и сладкого).

Приведем примеры, иллюстрирующие связь с другими образами. См. выше *A full cup ...* В русском языке также существует выражение *полная чаша*. *Drunken days have all their tomorrows* («после пира наступает похмелье», ср.: *пьяный скачет, а проспался, плачет*).

Ассоциирование эмоционального состояния с погодными условиями характеризует языковое сознание англичан. Нельзя отрицать, что эта характеристика присуща и русским. Однако это не находит такого яркого отражения в русских пословицах, как в английских. Например, для следующей английской пословицы трудно подобрать русскую пословицу, в которой бы полностью или хотя бы частично сохранялась образная основа: *If there were no clouds, we should not enjoy the sun* («если бы не было туч, то мы не ценили бы солнце»).

Можно отметить и другие расхождения в образной основе пословиц. Так, аналогом английской пословицы *Every day is not Sunday* («воскресенье – раз в неделю, а не семь», то есть не всегда бывает только приятное, радостное) является русская

Не все кому масленица, <бывает и великий пост>. Как можно заметить для передачи одной и той же мысли в двух языках задействованы разные образы.

Рассмотрим еще одну составляющую эмоциональных концептов – оценку. В английских и русских пословицах и поговорках находит отражение информация об отношении носителей языка и культуры к эмоциональным состояниям, о фактах действительности, которые вызывают положительные эмоциональные состояния, о субъекте-носителе эмоции. В целом, передача этой информации характерна как для русских, так и для английских паремий. Отличия заключаются в том, какие идеи представлены репрезентативно. Так, в русских пословицах не единожды представлена идея о большей значимости духовного по сравнению с материальным: *Не в деньгах счастье. Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив. Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив*. Счастье оценивается даже выше правды, о чем говорится в пословице: *Правда хорошо, а счастье лучше*. Такая оценка определяет социально приемлемые эмоции и, соответственно, поведение в определенных ситуациях: *Не будь гостю запасен, а будь ему рад*. Причем ценится определенное отношение в нужный момент или то, что сделано вовремя: *Дорого яичко к великому дню*.

Среди английских пословиц и поговорок количественно наиболее представлены те, в которых положительные и отрицательные состояния оцениваются как временные, неизбежно сменяющие друг друга; чтобы испытать одно, нужно пережить другое. См. выше: *Who has never tasted bitter ... If there were no clouds ... Every day ... Drunken days ... After rain ...* Кроме того, иллюстративными являются следующие пословицы: *Life is not a bed of roses* (в жизни не одни только радости). *There is no pleasure without pain* (нет розы без шипов). *Pleasure has a sting in its tail* (нет розы без шипов). *After a storm comes a calm* (после бури наступает затишье). Отсюда, идея о том, что радость, счастье нужно ценить, беречь, другое отношение есть признак глупости, заслуживающий сочувствия: *It is a poor heart that never rejoices* (жалок тот, кто никогда не знает радости). *Fools never know when they are well* (дураки своего счастья не понимают).

Таким образом, эмоциональные концепты могут получать языковую репрезентацию с помощью пословиц и поговорок. Сопоставительный анализ репрезентации концептов положительных эмоциональных состояний в русских и английских пословицах и поговорках показывает культурологическую общность передаваемой информации. Национальная специфика проявляется в расстановке акцентов, то есть в том, какая информация обладает большей коммуникативной значимостью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Алефиренко, Н.Ф.: Когнитивно-семиологическая лингвокультурология: истоки и методологические основы. In: Знание. Язык. Культура. Тула 2007. С. 3-8.
- Воркачев, С.Г.: Концепт как «зонтиковый» термин. In: Язык, сознание, коммуникация. М. 2003. Вып. 24. С. 5-12.
- Жуков, В.П.: Словарь русских пословиц и поговорок. М. 1966.
- Карасик, В.И.: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград 2002.
- Красавский, Н.А.: Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград 2001.
- Мягкова, Е.Ю.: Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения. In: Язык, сознание, коммуникация. М. 2000. Вып. 11. С. 20-23.
- Ekman, P.: Are there basic emotions? In: Psychological review 1992, V. 99, № 3, pp. 550-553.
- Jzard, C.: Four systems for emotion activation: cognitive and noncognitive processes. In: Psychological review 1993, V. 100, pp. 68-90.

Алиция Шишляк

Польша, Ополе

ПОСЛОВИЦЫ В «ПАНЕ ТАДЕУШЕ» А. МИЦКЕВИЧА И В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ЭПОПЕИ

ABSTRACT:

The article analyses chosen proverbs, coming from the Polish national epic poem *Pan Tadeusz*. The conducted analysis is aimed at:

1. characterisation of the ways of the proverbs equivalency in two Russian translations of Mickiewicz's epic poem (the first translation from 1956, the second one from 2000),
2. presentation of the semantic changes appearing in Russian equivalents.

KEY WORDS:

Translation paremiography, Russian equivalents of the Polish proverbs, Adam Mickiewicz's *Pan Tadeusz*, Russian translations of Mickiewicz's epic poem.

Предметом анализа в настоящем тексте являются пословицы из польской национальной эпопеи «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича. Главной задачей считается:

1. характеристика способов эквивалентизации этих пословиц в двух русских переводах эпопеи: 1956 и 2000 гг.;
2. анализ возможных переосмыслений, появляющихся в русских эквивалентах.

Вначале отметим, что для настоящего текста принципиально важным является факт, что пословицы обладают совокупностью свойств, которые позволяют относить их к сфере *langue*. Статус пословиц как единиц языка требует соответствующей лексикографической трактовки. Они должны фиксироваться в словарях – как в одноязычных, так и переводных – как полноценные заглавные единицы. Самой важной задачей лексикографов является установление их инвариантной формы. Оказывается, однако, что это одна из нерешённых ещё задач переводной паремиографии. В переводных словарях часто сталкиваемся с ситуацией, когда к данной заглавной единице (системной единице исходного языка) приводится какой-то мнимый иноязычный эквивалент, являющийся скорее всего элементом *parole*, несмотря на то, что язык перевода имеет своё устойчивое соответствие – бесспорный полный эквивалент данной исходной пословицы. Поэтому словарь, который, по моему, должен быть для пользователя «высшей инстанцией», во многих случаях

не только не даёт ему объективной информации, но даже вводит его в заблуждение. Где, в таком случае, паремииографы могут найти материалы, которые помогут им восполнить пробелы, имеющиеся в современной переводной паремииографии? Одним из возможных источников являются переводы литературных произведений, в которых содержатся иноязычные эквиваленты имеющихся в подлиннике пословиц. Такого мнения придерживается, например, польский лексикограф Ян Вавжинчик, который считает, что переводчик должен быть наравне с лексикографом-создателем переводного словаря [Wawrzyńczyk 1991].

Под таким именно углом зрения я пыталась рассматривать польские пословицы, зафиксированные на страницах эпопеи Мицкевича. Я поставила перед собой задачи:

- 1) найти эквиваленты пословиц из «Пана Тадеуша» в русских переводах этой эпопеи и
- 2) найти ответ на вопрос: Насколько оправдан постулат Вавжинчика?

Надо, однако, уточнить, что анализ, ограниченный рамками настоящего текста, является, в силу обстоятельств, фрагментарным по двум причинам:

- 1) я не имею возможности подвергнуть анализу всё многообразие пословиц из «Пана Тадеуша», и поэтому объектом изучения стала избранная группа пословиц – «чистые» пословицы, т.е. такие, которые «являются результатом народного творчества и определение авторства которых невозможно» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 5]. Эти пословицы, как правило, отражают наднациональные, общечеловеческие ценности, и я рассчитывала на то, что они будут иметь эквиваленты в славянских языках, в том числе в русском;
- 2) анализ относится к двум русским переводам эпопеи, а оптимальной задачей на будущее считаю сопоставление пословиц из всех 5-ти русских переводов «Пана Тадеуша».

Нижеуказанная таблица представляет в самом сокращённом виде применённый мной метод исследования:

№	Пословица в тексте эпопеи Мицкевича (выделенная жирным шрифтом)	Словарная форма польской пословицы (NKPP) ¹	Русский эквивалент в переводе I (1956 г.) ²	Русский эквивалент в переводе II (2000 г.) ³	Словарная форма русской пословицы (если такая имеется) ⁴
1.	Mówiłem: Ej, Dobrzyński! ej, przyjdzie do woza koza – a co? Dobrzyński, widzisz! będzie łoża. (IX, 149-150)	Przyjdzie koza do woza. (nr 61, str. 177)	А что, Добжинские? Мы не играем в жмурки, Наплачетесь ещё из-за моей мазурки! Попомните меня! Ручаюсь головою. (с. 213)	В мазурке я иду, а он мне в спину «Вор!» И шляхта вся «Ату, ату его! Позор!» Унизить вздумали, прохвосты, подголоски... Но отливаются волкам овечьи слезки » (с. 459)	I: Ан.=о, уап.(370) II: Ан.= Отольются волку овечьи слезы ⁵ (с. 249), уап. (80) – в словарной форме из Ан.

По очевидным причинам составление русской стороны таблицы вызвало гораздо больше затруднений, чем польской. Самой сложной задачей было: 1) ответить на вопрос: является ли выделенная из перевода фраза реальной пословицей, то есть единицей системы русского языка, или это лжепословица? 2) установить инвариантную форму русского эквивалента в том случае, когда она имелась. Чтобы установить инвариант, необходима определённая точка отсчёта: надо знать все-

возможные варианты и синонимы пословицы. Вся сложность вопроса заключается в том, что пословицы живут в памяти носителя языка, у которого есть т.н. языковое чутьё, благодаря которому он умеет отделять настоящие пословицы от выражений паремиевидных. У иностранца чаще всего такая языковая интуиция отсутствует, и поэтому я, как иностранец-русист, могу опираться лишь на собственный языковой опыт, а также на словари и Интернет. Хотя словари и Интернет оказались, конечно, в некоторой степени пригодными в работе, следует подчеркнуть также факт, что расхождения в данных из этих источников значительны.

Проведённый анализ показывает, что имеющиеся в исследованных переводах русские эквиваленты польских пословиц можно разделить на четыре группы:

1. точные эквиваленты: в качестве эквивалента польской пословицы (польской единицы языка) даётся русская пословица (русская единица языка); они совпадают по форме (образности) и используются в том же значении, ср.: *I wilk syty, i owca cała*. – *И овцы целые, и волки будут сыты!* [перевод I] – *И овцы целы ведь и волки тоже сыты*. [перевод II] – *Овцы целы, и волки сыты*. или *И овцы целы, и волки сыты*. (русский инвариант);
2. неполные эквиваленты: в качестве эквивалента польской пословицы (польской единицы языка) даётся русская пословица (русская единица языка); хотя они совпадают в логико-семиотическом аспекте, то не совпадают по форме и отличаются своей образностью. Сначала я отнесла к этой группе такую пару: *Przyjdzie koza do woza*. – *Но отливаются волкам овечьи слезки*. [перевод II] – *Отольются волку овечьи слезы*. (русский инвариант), потому что по своей принадлежности к коду языка эти пословицы симметричны. Польская пословица *Przyjdzie koza do woza* является реальной единицей польского языка, а русская пословица *Отольются волку овечьи слезы* – реальной единицей русского языка. Однако, если присмотреться ближе, видно, что они не совпадают в логико-семиотическом аспекте. Это скорее всего спорный, «промежуточный» пример.
3. «лжепословицы»: в качестве эквивалента польской пословицы (польской единицы языка) приводится мнимый иноязычный эквивалент, являющийся элементом *parole* (напр., калька или подделка под исходную пословицу) – также в тех случаях, когда язык перевода имеет своё устойчивое соответствие, ср.: *Wart Pasa pałaca, a pałac Pasa*. – *Достоин Пац дворца, дворец достоин Паца*. [перевод I] + [перевод II].
4. описательные эквиваленты: польская пословица (единица польского языка) передаётся посредством описания собственными словами переводчика; они не совпадают ни по своему составу, ни по образности, иногда также и в логико-семиотическом аспекте, ср.: *Łaska pańska, na pstrym koniu jeździ*. – *Что милость барская? Поможет ли в беде?* [перевод II].

Наблюдения над проанализированным материалом позволяют сделать несколько выводов: 1) в русских переводах преобладают эквиваленты типа «лжепословиц», а самый редкий тип составляют неполные эквиваленты. Показательно, что нередки случаи, когда данная польская пословица передаётся посредством «лжепословицы» или описательного эквивалента, хотя русский язык имеет своё устойчивое соответствие. Приведём список польских пословиц вместе с их точ-

ными русскими эквивалентами, которых переводчики не использовали в текстах перевода: *Mądrej głowie dość dwie słowie*. – Умный слышит в полслова. [уап.:336]; *Przyjdzie koza do woza*. – Захочет коза сена – будет у воза. [уап.:85]; *Nosił wilk razy kilka, poniosł wilka*. – Таскал волк – потащили и волка. [уап.:151]; *Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie*. – Шляхтич на загроде/на огороде/в огороде равен/равный воеводе. [уап.: 55]; *Kto się lubi, ten się czubi*. – Милые бранятся – только тешатся. [уап.: 35 604]; 2) по-моему, использование «описательных» переводов, неполных эквивалентов и т.п. при переводе польских пословиц, найденных в художественном тексте, на русский язык нельзя поставить переводчикам в особенную вину. Переводчик старается приспособить пословицы к контексту и к потребностям поэтического текста. И поэтому в переводе пословицы подвергаются усечениям и другим модификациям, вплоть до «растворения» в нём. Принимая во внимание известное правило сопоставительной паремииографии, которое относится прежде всего к генетически родственным языкам: «Każda jednostka paremiologiczna w języku wyjściowym ma swój adekwatny odpowiednik w języku docelowym» [Zmarzer 200: 260], можно констатировать, что барьер, который переводчик чаще всего не в силах преодолеть, воздвигают перед ним в большей степени требования поэтического текста, чем языковые различия; 3) если вернуться к поставленному в начале текста вопросу, то окажется, что переводы – если судить по проанализированным переводам Мицкевича – не являются авторитетными источниками для переводных словарей пословиц. Паремииограф, составляя переводной словарь, часто не находит в тексте-переводе надёжного языкового материала, который он мог бы использовать в словаре безоговорочно.

Однако всякого рода «лжепословицы» могут оказаться в переводной паремииографии полезным источником информации другого типа: они могут быть использованы в качестве подстрочников, пояснений, толкований, если только они достаточно точно передают смысл оригинала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ NKPP – *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*, red. Julian Krzyżanowski, t. I, II, III, Warszawa 1969

² I. *Пан Тадеуш (или последний наезд на Литве)*, перевод – С. Мар (Аксенова), редакция и предисловие – Максим Рыльский, Москва 1956

³ II. *Пан Тадеуш (или последний наезд на Литве)*, [в:] Мицкевич Адам, Избранная поэзия, перевод – С. Свяцкий, Москва 2000.

⁴ В тексте используются условные сокращения: 1956 = русский эквивалент из перевода 1956 года; 2000 = русский эквивалент из перевода 2000 года; Ан. = Аникин Владимир П., ред., Русские пословицы и поговорки, Москва 1988; если этот словарь фиксирует данную пословицу, то после знака равенства (=) даётся словарная форма пословицы. Ан.= 0 означает, что данная пословица не фиксируется словарём; уап. = браузер портала www.yandex.ru; в круглых скобках указано число страниц, к которым отсылает браузер этого портала.

⁵ В словаре (Ан.) наряду с приведённой пословицей фиксируются синонимические: *Отольются кошке мышьи слезки*, *Отольются медведю коровьи слезы*; уап= *Отольются волку овечьи слезки* (75), *Отольются кошке мышьи слезки* (0), *Отольются кошке мышьи слезы* (15), *Отольются медведю коровьи слезы* (125).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Берков, В.П., Мокненко, В.М., Шулежкова, С.Г.: *Большой словарь крылатых слов русского языка*, Москва 2000.

Wawrzyńczyk, J.: *Tłumacz współtwórcą słownika przekładowego*. „Literatura na świecie” N 5, Warszawa 1991, s. 291-296.

Zmarzer, W.: *Systematyzacja paremii w słowniku dwujęzycznym*. In: *Frazeografia słowiańska*, Opole 2001, s. 257-263.

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА СЕМЕНЕНКО

Россия, Старый Оскол

БАЗОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ ПАРЕМИЙ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

АБСТРАКТ:

The actual problem of the research is the necessity to think over the essence of the general meaning of the proverb, representing cognitive structures of special kind. Basic semantic characteristics of proverbs are analyzed in the light of cognitive approach: a) the ability to represent frames as well as concepts, b) polyconceptuality is the consequence of the lack of topic meaning, c) the ability of proverbs to represent conclusions, characteristics that determine compositional semantics in proverbs. The semantic characteristics are usually vividly depicted in comparison with semantic peculiarities of proverbs as idiomatic structures with metaphorical meaning that can specify evaluative and expressive sections of the concept. The cognitive base of the proverb denotes not only different parts of the concept, but the whole cognitive units, that stipulate effective realization of communicative-pragmatic potential in speech.

KEY WORDS:

Proverbs, frame, concept, semantics, polyconceptuality, cognitive, conclusion, representation, reference, topic meaning.

Устное народное творчество традиционно является наиболее авторитетным источником для реконструкции национальной языковой картины мира в ее наивно-обыденном аспекте существования, что способствовало выделению паремий в качестве наиболее показательного материала лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа. Со становлением и развитием когнитивно-дискурсивного подхода к изучению культурно значимых текстов наиболее актуальными для изучения становятся те свойства паремий, которые позволяют им объективировать не только отдельные фрагменты концептосферы, но и целые когнитивно-дискурсивные пространства. Эта способность паремий и придает им статус «правды жизни», воплощенной в языке.

Пословица как одна из самых употребительных в речи разновидностей паремий интересна для исследователя национальных ментальных и культурных стереотипов сразу в нескольких ракурсах: (а) в плане установления средств языковой выразительности, формирующих национальный идеал красноречия; (б) с точки зрения

особенностей семантической структуры пословиц, способствующей аккумуляции, хранению и трансляции культурно значимой информации, а также (в) для рассмотрения основных прагматических установок, действующих практически независимо от конкретных социально-исторических условий и не теряющих своей актуальности на протяжении сотен лет.

Для подтверждения последней мысли наиболее показательны примеры функционирования пословиц религиозного содержания в период тотального атеизма и тот факт, что псевдопословицы, целенаправленно создаваемые в 30-40-е годы для популяризации новой идеологии, так большей частью и не прижились в народе, оставшись просто пустыми лозунгами. Ср.: *Чтобы армия сильнее стала – больше давай металла; Тому бог не нужен, кто с наукой дружен; Ни межи, ни краю колхозному урожаю.*

Пословица же, в отличие от лозунга, актуальна при любой смене политического курса, поскольку говорит не о ситуациях сиюминутных, конкретных и подверженных однозначной оценке, а указывает на типическое, избегая сколько-нибудь конкретных деталей – и субъект, и действие, и время, и пространство в ней предельно типизированы. Это свойство может быть охарактеризовано как особенность текстового хронотопа, обуславливающегося сниженным предметным значением денотатов, образующих смысловую структуру пословицы.

Для «свернутого» текста пословицы неактуальна сама реализация денотативного компонента значения входящих в нее лексем. Так, при указании на субъект действия: *Охала Маланья, что уехал Ананья; Фетинья стара, да Федоту мила; Невесту доставай собой, а не Федорой да Фомой* личное имя не выполняет собственно референтной функции – в большинстве паремий, использующих личные имена, важно не референциальное значение, этими именами выражаемое, а значение типичного лица, наделенного теми или иными, чаще нелицеприятными, качествами, при этом наделение имени ярко выраженной оценкой – вопрос случая и следование ритму и рифме, образующим форму пословицы. При этом в ряде пословиц личное имя может играть существенную роль в создании культурного «фона» высказывания.

Кроме того, пословица, как правило, «не любит» конкретизации субъекта, места и времени. Этому способствует и ее синтаксическая структура, избегающая использования указательных, лично-указательных, за редким исключением притяжательных местоимений, вообще слов, обозначающих конкретные имена, принадлежность, количество. Количественные числительные (за исключением таких, как *один, двое, семеро, сто* и некоторых аналогичных) в пословицах не встречаются. Наречия с временными, пространственными, причинными и близкими к ним функциями, а также функционально близкие к наречиям падежные и предложно-падежные формы существительных в пословицах крайне редки, на что указывает, в частности, и З.К. Тарланов [Тарланов 1999: 48-49].

Способствует относительному выражению субъекта в пословице и использование так называемого «обобщенного единственного числа» (Д.И. Руденко), под которым понимается употребление имени в форме единственного числа, не имеющего явной оппозиции со множественным. Лицо, «преподносимое» в пословице в форме обобщенного единственного числа, предельно типизировано и воспринимается отвлеченно от большинства антропометрических характеристик, за исключением одной,

лежащей в основе номинации, выраженной существительным или субстантивированным прилагательным: *Брат он мой, а ум у него свой*; *Знайка по дорожке бежит, а незнайка на печи лежит*; *Человек не орех, сразу не раскусишь*.

Особенности хронотопа пословицы, на наш взгляд, во многом объясняют природу поликонцептуальности пословиц как способности репрезентировать несколько различных когнитивных единиц с помощью одного умозаключения. Например, *Ворон ворону глаза не выклюнет* – текстом пословицы вербализована концептуальная антитеза «Свой – Чужой» и гештальт «Сообщники»; пословица *Ремесло не коромысло – плеч не оттянет* репрезентирует концепты «Труд», «Учеба», концептуальную антитезу «Труд – Лень», гештальт «Свое всегда при себе» и фрагмент фрейма «Работа».

Таким образом, долгий век истинно народных афоризмов объясняется, на наш взгляд, рядом причин, среди которых, в первую очередь, не насыщенность пословицы этнически специфической лексикой, а уникальность ее синтаксических и семантических свойств, которые позволяют этому виду паремий функционировать в качестве «свернутого» текста. Пословицы не просто содержат умозаключения житейского или философского плана, они несут в себе объемную информацию, соотносимую с целым комплексом когнитивных единиц (концептов, фреймов, гештальтов).

Для современной лингвистики остается чрезвычайно актуальным вопрос о способах и механизмах вербальной репрезентации когнитивных единиц различного уровня. При этом синкретичный статус пословицы (с одной стороны – текстовая единица, с другой стороны – устойчивое выражение) позволяет рассмотреть ее как эквивалентное (с помощью ключевых лексем-репрезентаторов) и как безэквивалентное (посредством всего текста пословицы) средство репрезентации когнитивных единиц. А жанровая специфика пословиц позволяет наблюдать не только собственно когнитивный аспект вербализации концептов и фреймов, но и аспект прагматический (собственно культурный), связанный с фоновыми знаниями, необходимыми для адекватного прочтения пословиц.

Зачастую, при ближайшем рассмотрении пословица выступает в роли своеобразного «кодификатора» ментальных особенностей народа и нуждается в серьезной расшифровке, несмотря на кажущуюся очевидность умозаключения. Пословица, как правило, не терпит в своей структуре архаичных элементов, но со временем смысл некоторых высказываний может измениться, мобильно приспосабливаясь к тому комплексу жизненных ситуаций, которые наблюдаются в данный исторический момент. Например: *Не конь везет, а дорога, Всяк спляшет, да не так, как скоморох* – применение этих пословиц к ситуациям, давно уже не связанным ни с конем, ни со скоморохом вполне оправдано, поскольку смысловое ядро пословицы не зависит непосредственно от номинированного денотата – в этом и заключается феномен ее обобщенного значения, определяемый З.К. Тарлановым как «разрыв действия-состояния предложения с вполне определенным лицом-деятелем и ... грамматическим временем» [Тарланов 1999: 44].

Еще одна уникальная способность пословицы заключается в ее внутренней компромиссности, допускающей двоякое прочтение. Например, пословица *Работа не волк – в лес не убежит* может восприниматься в равной степени как утверждение о необходимости делать все вовремя, так и в качестве оправдания лени. Природа этих и многих других уникальных семантических свойств пословиц становится бо-

лее понятной при использовании когнитивно-дискурсивного подхода к изучению ее семантической структуры.

В свете когнитивно-дискурсивного подхода анализируются базовые семантические свойства пословицы, которые позволяют рассмотреть языковой механизм репрезентации когнитивных единиц и структур. Одной из таких особенностей является способность пословиц наряду с концептами репрезентировать фреймы. Фрейм как «мыслительный образ стереотипной ситуации» [Алефиренко 2005: 187] может репрезентироваться группой пословиц, характеризующих эту стереотипную ситуацию по различным «векторам» смысловой структуры фрейма. Например, при рассмотрении области вербализации фрейма «Дело» посредством пословиц обнаруживается смысловой вектор оппозиции «Слово – Дело», реализующий большей частью содержание концепта «Пустословие»: *Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается; Криком изба не рубится <дело не спорится>; Дела словом не заменишь; Не спеши языком, спеши делом; Больше дела, меньше слов!; Кто словом скор, тот на деле не спор; Кто много говорит, тот мало делает; Кто мало говорит, тот больше делает; Брехать не цепом мотать; Учи указом, а не рассказом; Без лишних слов, Языком масла не собьешь; Работа с зубами, а лень с языком*. С другой стороны, слово может и не расходиться с делом: *Сказано – сделано*. В этом и в других случаях способность пословиц выражать умозаключения, имеющие поликонцептуальную соотнесенность, во многом определяются наличием у них композиционной семантики как феномена семантического взаимодействия лексем под влиянием внутренней организации текста.

Данные семантические свойства особенно ярко проявляются при сопоставлении их с семантическими особенностями поговорок как идиоматизированных оборотов с нерасчлененной метафорической семантикой, способных объективировать, главным, образом оценочный и экспрессивный слои концепта. Придерживаясь той точки зрения, что поговорки, в отличие от пословиц, относятся к фразеологии, поскольку обладают устойчивостью, смысловым единством, синтаксической неделимостью, воспроизводимостью и функциональной близостью к слову (А.Н. Тихонов, З.К. Тарланов), мы отмечаем, что их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь; при этом поговорка не выражает какое-либо умозаключение, а, как правило, дает экспрессивную характеристику: *Кучерявый, без волос, тоненький, как бочка; Волос осталось на одну драку; Простит покорно, наступивши на горло; Выьем за мой счет, за твои деньги*.

Таким образом, актуальность проблемы когнитивно-дискурсивного исследования паремий обусловлена назревшей необходимостью осмыслить природу обобщенного значения пословицы, репрезентирующей когнитивные структуры особого рода. При этом на первый план выдвигаются такие базовые семантические свойства пословицы, как способность наряду с концептами репрезентировать фреймы; поликонцептуальность, являющаяся следствием сниженной референции денотатов и способность пословиц выражать умозаключения. Когнитивная основа пословицы позволяет ей обозначать не только отдельные фрагменты концептосферы, но и целые когнитивно-дискурсивные пространства, что обуславливает эффективное воплощение в речи ее коммуникативно-прагматического потенциала.

В целом, когнитивно-дискурсивный подход к изучению паремий как культурно значимых текстов позволяет не только детально описать их семантические осо-

бенности и приблизиться к пониманию механизма репрезентации когнитивных структур посредством сложных текстовых знаков, но и сделать шаг в направлении исследования языка как «не только и не столько статической системы, сколько системы функционально-коммуникативной» [Алефиренко 2006: 40], демонстрирующей органическую связь с феноменом человеческой культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алефиренко, Н.Ф.: *Современные проблемы науки о языке*. Москва 2005.

Алефиренко, Н.Ф.: *Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка*. In: Слово – сознание – культура. Москва 2006.

Тарланов, З.К.: *Русские пословицы: синтаксис и поэтика*. Петрозаводск 1999.

АНДЖЕЙ СИТАРСКИ

Польша, Познань

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТАМИ: *ЗОЛОТО, ЗОЛОТОЙ*

ABSTRACT:

The results of the observation of the semantics of Russian phraseologisms and proverbs with the lexical components “gold” and “golden” enables one to conclude that the units create a clear element of valuation through the conventionalised and symbolic meaning of the mentioned words. It is created by means of axiological metaphorisation of the words “gold” and “golden”, as well as their new function of defining other meanings, such as value, perfection and vice.

KEY WORDS:

Phraseologism, proverbs, lexical component, symbolic meaning, axiological metaphorisation, anthropocentric category, evaluating connotation.

Дихотомия хорошо/плохо является одним из основных критериев осмысления окружающей действительности, формирования системы ценностей, что обеспечивает ей ядерное положение в структурах национальных оценочных картин мира. Согласно мнению Л.А. Сергеевой, оценочные слова соотносятся с объектом оценки через понятие ценности, ориентированное на определенный оценочный масштаб – нравственный или эстетический идеал, социальную норму качеств, психофизиологические или интеллектуальные возможности и потребности индивида и т.п. [Сергеева 2003: 48].

Оценка является наиболее антропоцентричной категорией. Ее наиболее продуктивная языковая реализация получается, как нам кажется, в концептуальном пространстве, создаваемом с ориентацией на человека, на его нужды, стремления, нравственность. Объективный мир членится человеком с точки зрения его ценностного характера – нормами представления о хорошем и плохом.

Сферой реализации аксиологического членения объективного мира является речь, поэтому оценочность является фактом языка. Н.Д. Арутюнова обращает внимание, что на формирование и интерпретацию оценочного значения данной языковой единицы влияют нормы, принятые в том или другом обществе, миро-

воззрение и мироощущение, социальные интересы, а также мода и престижность [Арутюнова 1988: 6].

Следует подчеркнуть, что в оценочной картине мира, содержащейся в русском языке, так как и в любом другом языке, имеются как универсальные элементы, так и те, которые являются культурологически специфическими. Поэтому, разделяя точку зрения Е. Бартминьского, в аксиологическом видении мира необходимо учитывать субъективно-культурологический фактор, который решает о способе суждения об объекте, его категоризации, о выборе признаков, характеризующих объект в конкретных высказываниях и запечатленных в них значениях [Bartmiński 2006: 78]. Лингвокультурным выражением этнического самосознания являются в частности фразеологизмы и пословицы. Их семантический анализ позволяет понять национально-культурную специфику данного этноса, узнать его систему ценностей посредством определения оценочных коннотаций, содержащихся в значениях фразеологизмов и паремий.

Целью настоящей статьи является попытка исследования реализации дихотомии хорошо/плохо в русских фразеологизмах и паремиях и других устойчивых словосочетаниях, содержащих в своей лексической структуре компоненты *золото* и *золотой*. С точки зрения целостного значения фразеологизмов и пословиц лексемы *золото* и *золотой* представляют интерес потому, что им свойственно конвенциональное, символическое значение. Интересным, на наш взгляд, является ответ на вопрос, в какой степени конвенциональное и символическое значение лексем *золото* и *золотой* повлияло на определение оценочной коннотации русских фразеологизмов и паремий, содержащих в своей лексической структуре указанные лексические единицы. Рассмотрение фразеологизмов и паремий в аксиологическом аспекте позволит узнать, что русские в оценочных рамках слов *золото* и *золотой* считают ценным для себя и окружающих их людей, что непосредственно связано с универсальными вопросами о полезном и вредном, добре и зле, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном.

Фактографический материал для анализа (60 примеров) был почерпнут из следующих лексикографических источников: *Фразеологический словарь русского литературного языка* А.И. Федорова; *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*, под ред. А.Н. Тихонова; *Русский семантический словарь*, под ред. Н.Ю. Шведовой; *Толковый словарь живого великорусского языка* В.И. Даля; *Словарь современного русского литературного языка*, под ред. В.В. Виноградова; *Большой толковый словарь русского языка*, под ред. С.А. Кузнецова; *Пословицы русского народа* В.И. Даля и *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski* R Stybuły.

В интерпретации *Словаря символов* В. Копалинского *золото* – это символ божественности, божественной интеллигенции, всего, что важно и ценно, это символ чистоты, гордости, молчания, богатства и изобилия, но также жадности, деградации, зависти и измены [Kopaliński 1990: 495-496].

Точку зрения человека на золото как на драгоценный металл и на все то, что золотое, т.е. сделанное из золота, как на мерило ценностей следует понимать прежде всего ментально, по принципу метафорического расширения значения этих слов. Можно сказать, что в этом случае семантическая интерпретация лексем *золото* и *золотой* переходит в общественную сферу, в сферу психологии и аксиологии.

Семантическое многообразие единиц *золото* и *золотой*, их функция и символика связана с различными сферами деятельности человека и его системой ценностей. Его отношение к *золоту*, ко всему, что *золотое*, реализует определенный сценарий ментального поведения, направленного на познание правды о себе, об окружающем мире, закреплённого во фразеологических единицах и паремиях.

Разнообразное содержание единиц *золото* и *золотой* в семантической структуре русских фразеологизмов и паремий обосновано тем, что люди по-разному воспринимают тот же самый объект действительности, интерпретируют его по-другому, выявляя его различные аспекты или те же самые сущности оценивают иначе, что в результате создает эффект неоднозначности и сложности.

Анализ собранного материала позволяет отметить, что фразеологизмы и пословицы с опорными словами *золото* и *золотой* наделены оценочными коннотациями, направленными на человека, с точки зрения его умственных и практических способностей, напр.: *золотая голова* 'о светлом, ясном уме'; *золотые руки* 'об умелом человеке'; *золотые слова* 'об умных, дельных словах, советах'; *Кто умеет золотом шить, не пойдет молотом бить*; *Не то дорого, что красного золота, а то дорого, что доброго мастерства*.

В содержании русских фразеологизмов и пословиц с компонентами *золото* и *золотой* находим оценочную характеристику нравственного облика человека, напр.: *Человек дорожже золота, человек золото* 'о неоценённом человеке'; *золотое сердце*; *золотая душа* 'о добром, мягком характере'; *золотая рыбка* 'о том, кто исполняет чьи-л. желания'; *золотая молодежь* 'презрительная оценка бездельничающей богатой молодежи'; *Были встарь сосуды деревянные, попы золотые, ныне сосуды золотые, попы деревянные* 'отрицательная характеристика современного поколения'.

В содержании многих паремий, в составе которых находим слова *золото* и *золотой*, запечатлены сведения русского народа о системе ценностей и оценок, связанных с моральной характеристикой человека. Они дают понятие о нравственных категориях русского человека, чему в жизни он отдает предпочтение, напр.: *Правда тяжелее золота, но почему-то не тонет*; *Золотая клетка соловью не потеха* 'свобода'; *Свинья в золотом ошейнике все свинья* 'подлость'; *Пора да время дорожже золота*; *Больному и золотая кровать не поможет*; *Что мне золото, светило бы солнышко*.

Золото в языковом сознании русского человека сопоставляется также с той значительной ролью и ответственностью слова, которое оно несет за собой в жизни человека, напр.: *золотые слова у кого-н.* 'умные', *вписать золотыми буквами* 'высоко отметить чьи-л. достижения', *Слово – серебро, молчание – золото.*; *Под добрым словом лежит золото*; *С твоего слова, что с золотого блюда – язык золота – это единственное эсперанто*.

Содержание многих пословиц подтверждает, что *золото* для русского человека, также как и для всего человечества, символизирует совершенство, несокрушимость и силу, напр.: *Одно золото не стареет*; *Золото и в грязи блестит*; *Золотой молоток и железные ворота отпирает*; *Золото и на воде плавает*; *Золото не говорит, да много творит*. В оценочной коннотации русских паремий присутствуют и такие, которые противоречат идее совершенства, напр.: *Не все то золото, что блестит*; *И через золото слезы льются*. Интересна в этом смысле употребляемая

в политической риторике известная фраза : *Ржавеет золото и истлевает сталь; Крошится мрамор. К смерти все готово.*

Среди собранного нами материала можно отметить идиоматическую связь слова *золото* с определением высокой ценности, напр.: *зеленое золото* 'лес', *мягкое золото* 'ценная пушнина', *черное золото* 'нефть', *белое золото* 'хлопок'.

Подытоживая наши наблюдения над семантической характеристикой фразеологизмов и паремий с лексическими компонентами *золото* и *золотой* следует подчеркнуть, что они заключают в себе отчетливый оценочный компонент значения, который образуется в результате аксиологической метафоризации слов *золото* и *золотой*, а также функциональной, описывая их в категории других смыслов (высокой ценности, совершенства или недостатка). Опорные слова *золото* и *золотой* в структуре фразеологизмов и пословиц дают возможность увидеть их «жизнь и работу», показать, как они связаны с народной мудростью, какие за ними закреплены смыслы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Арутюнова, Н.А.: *Типы языковых явлений. Оценка. Событие. Факт.* Москва 1988.
Большой толковый словарь современного русского литературного языка. Под ред. В.В Кузнецова. Санкт-Петербург 1998.
Даль, В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка.* Москва 1978.
Даль, В.И.: *Пословицы русского народа.* Москва 1984.
Русский семантический словарь. Под ред. Н.Ю Шведовой. Москва 2003.
Сергеева, Л.А.: *Проблемы оценочной лингвистики.* Москва 2003.
Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Под ред В.В. Виноградова. Москва 1950-1965.
Федоров, А.И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка.* Новосибирск 1995.
Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Под ред. Тихонова А.Н. Москва 2004.
Bartmiński, J.: *Językowe podstawy obrazu świata.* Lublin 2006.
Kopaliński, W.: *Słownik symboli.* Warszawa 1999.
Stybuła, R.: *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski.* Warszawa 1974.

МАДИНА ФОКИНА

Россия, Кострома

ПАРЕМИИ В РУССКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРО- ЗЕ XIX – XX ВЕКОВ

ABSTRACT:

The article discloses the role of paremies in the formation of the narrative structure of a text, investigates the peculiarities of their use in the author's and the characters' speech. Proverbs and sayings promote the generalization of the author's ideas, make fiction dialogues, form up the text modality, specify the idiostyle of a writer. The use of paremies in the speech of a foreigner vividly reflects their cultural and national specificity, creates situations of intercultural communication.

KEY WORDS:

Discourse, narrative, paremy, semantics, the author's vision, speech characteristics, dialogue, intercultural communication, national and cultural specificity.

Пословицы и поговорки активно участвуют в формировании повествовательной структуры художественного текста (ХТ): являются ярким средством выражения авторской позиции и создания речевой характеристики персонажей, объединяют субъектно-речевые сферы, пространственно-временные планы и сюжетные линии произведения в единое смысловое целое, в общий литературно-художественный дискурс. Особенности использования паремий отражают специфику нарративной техники писателя, транслируют самобытные черты его языковой личности, презентуют национально-культурные и индивидуально-авторские ментальные представления о мире.

В художественных диалогах пословицы и поговорки часто представляют собой колоритные самохарактеристики или взаимохарактеристики персонажей:

- *Экая баба умница!* – говорил один.
 - *Продувная шельма!* – вмешался другой, менее деликатный владделец,
 - *мягко стелет, да жестко спать!*
 - *Да и скряга же!* – прибавил третий.
- (И.С. Тургенев. Степной король Лир)

Диалогическое единство содержит амбивалентные оценки одного персонажа: *умница – продувная шельма, скряга*. Паремия *Мягко стелет, да жестко спать*

усиливает негативную семантику высказывания в результате контекстуального взаимодействия с фразеологической единицей (ФЕ) *продувная шельма* (узусальная ФЕ *продувная бестия* разг. 'плут, хитрец, пройдоха'). Интерпозиция паремии, построенной на антитезе (*мягко – жестко*), обуславливает динамику текстовых смыслов: позитивная поверхностная оценка (*умница*) сменяется серией более точных и глубоких отрицательных характеристик (*продувная шельма, скряга*).

Пословицы и поговорки связывают отдельные реплики героев в диалогическое единство, обеспечивают структурно-смысловую целостность субъектно-речевого плана персонажей:

- 1) – *А потому, что есть пословица: «С сильным не борись»...*
– *А с «богатым не судись»? – перебил его Орешкин. – Знаю я, да не то, братец, нынче время;*
- 2) <...> – *Только вот что, любезный друг, – добавил он, грозя пальцем, – кто старое помянет, тому знает что?*
– *Глаз выколоть! Знаем, штука не новая!*
(И. Салов. Паук)

Паремии *С сильным не борись, а с богатым не судись; Кто старое помянет, тому глаз выколоть (глаз вон)* членятся на две смысловые части: начало произносит один персонаж, а завершает устойчивую фразу другой герой. Так создаются своеобразные речевые подхваты, являющиеся скрепами контактно расположенных реплик.

Особый интерес представляет использование русских паремий в речи героев-иностранцев. В романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933) автор изображает американца мистера Кука и поляка пана Парчевского. Они оба погружены в русскую культурно-языковую среду. Различия национального менталитета русских и иностранцев создают определенные психологические сложности во взаимопонимании с окружающими людьми. Инженер-американец мистер Кук любит употреблять русские пословицы и поговорки, но, не всегда понимая истинный смысл народной мудрости, искажает их в своей речи: *На чужую кровать рта не разевать* (Ср.: *На чужой каравай рта не разевай*); *Хлеб ешь с солью, а правду режь ножичком* (Ср.: *Хлеб-соль ешь, а правду-матку режь*) и др. Семантически сближенные компоненты пословиц *каравай* и *хлеб-соль* связаны с национальным обычаем встречать почетных гостей хлебом (караваем) с солью, что символизирует русское гостеприимство. Смысловые искажения мистера Кука приводят к коммуникативным неудачам, которые вызваны, вероятно, фонетическим созвучием лексем *каравай* – *кровать* и непониманием метафорической семантики глагола *резать* ('говорить прямо, открыто') и ФЕ *хлеб-соль* ('традиционное народное название любого угощения'). В высказываниях иностранца наблюдаем буквализацию значений языковых средств *соль* ('приправа к пище') и *резать* ('действуя ножом, разделять на части'), что создает комизм речи персонажа.

Паремии обобщают фрагменты авторского повествования, обычно располагаясь в постпозиции относительно завершенных смысловых отрезков речи:

- Пылинин пел и рисовал: пел всегда под кого-нибудь, а рисовал с той слащавостью, которая прельщает безглазье, ну а на безглазье мир стоит!*
(А. Ремизов. Канава)

Похвалил его редкости, удивился его познаниям и начитанности, вкусу и соображению и расположил таким образом. Похвалой и города берут.
(А. Ремизов. Неумный бубен)

Трансформированные паремии *На безглазье мир стоит; Похвалой и города берут* приобретают индивидуально-авторский символический смысл (Ср. с устойчивыми фразами: *Дураками свет стоит; Вот на чём (на ком) мир стоит (держится); Смелость города берет*). Создание окказионализма *безглазье* позволяет повествователю добиться социально-философских обобщений, имплицитно выразить осуждение человеческого равнодушия, невнимания, безразличия, царящих в мире жестокости и зла.

Русские паремии, являясь устойчивыми фразами, обладают процессуальной семантикой, способствуют продвижению действия, организуют повествование, обеспечивают структурно-смысловую целостность ХТ, выполняют ряд взаимообусловленных функций. Пословицы и поговорки репрезентируют концептуальное содержание произведения, являются ярким средством создания идиостиля писателя, участвуют в формировании текстовой модальности, обладают выраженной национально-культурной маркированностью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Жуков, В.П.: *Словарь русских пословиц и поговорок*. М. 1991.
Николина, Н.А.: *Филологический анализ текста*. М. 2003.
Ремизов, А. М.: *Избранное*. Л. 1991.
Салов, И.А.: *Грачевский крокодил: повести и рассказы*. М. 1984.
Тургенев, И.С. *Избранное*. М. 1981.
Шишков, В.Я.: *Собрание сочинений в 8 тт.* М. 1983.

ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА

Польша, Ополе

ПОЛЬСКИЙ ПАРЕМИЧЕСКИЙ МИНИМУМ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

ABSTRACT:

The author has treated the Polish paremiological minimum as a framework of the section “Proverbs” in a Polish-Russian thematic dictionary of phraseological units. In this context the main problem concerns the issue of determination of equivalents of proverbs in the target language. In the case of non-equivalent proverbs, lexicographers tend to create somewhat artificial constructions which do not constitute proverbs in the target language and thus lead dictionary users astray. Therefore, the author of this article puts forward certain solutions which may lead to the creation of symmetry between Polish and Russian frameworks in translation dictionary of proverbs.

KEY WORDS:

Proverb, linguistic unit, paremiological minimum, translation equivalent, bilingual dictionary.

Составление паремических минимумов (ПМ), начавшееся в США, стало европейской практикой в 60-е гг.; сегодня мы располагаем ПМ нескольких европейских языков. Трудно, однако, говорить о полной сопоставимости этих минимумов, поэтому в интересах сопоставительной паремиологии и фразеологии важно провести паремиологический эксперимент в нескольких странах одновременно, точно по той же методике, с одними и теми же исходными положениями и конечными целями, в одинаковых группах людей. Только такие условия обеспечат выделение общего ядра таких минимумов (напр., славянского или европейского) и определение зоны расхождений (т.е. их собственно национальных составляющих).

Паремические минимумы и в самом деле минимальны: в то время, как национальные паремиотики насчитывают по несколько тысяч единиц, ПМ, как правило, не превышают 100-150 единиц. Польский ПМ, охватывающий 72 пословицы [см. Szpila 2002], стал исходным пунктом в разработке раздела «Пословицы» для 3-его выпуска словаря «Настольный польско-русский идиоматикон» [Chlebda 2006]. Однако попытка использовать для русской стороны «Идиоматикона» готовые эквиваленты, установленные специальными переводными словарями пословиц Стыпулы [1974] и Сверчинских [2004], показала несостоятельность такого пути.

Проблема состоит в недооценке или непонимании лексикографами того, что пословицы, хотя и представляют собой микротексты, относятся к воспроизводимым единицам языка, представляя собой составляющие данного национального семиотического кода. Наличие в национальных паремиях общих зон (славянской, европейской) ни в малейшей степени не противоречит факту, что составляющие *данный* национальный фонд паремии – единицы *данного* национального языка. Поэтому пословичные единицы польского языка на входе словаря должны быть уравновешены пословичными единицами русского языка на выходе, поскольку принцип симметричности – важнейший принцип переводной лексикографии. В то же время эквиваленты в словаре Стыпулы можно разделить на три группы: 1. полные (когда по правую сторону польской пословицы ставится русская пословица, адекватная польской как по смыслу и функции, так и по форме или образности, напр.: **Baba z wozu – koniom lżej.** • Баба с возу – кобыле легче, **Pokorne ciele dwie matki ssie.** • Ласковое теля двух маток сосет); 2. неполные (когда рядом с польской пословицей ставится русская пословица, адекватная польской по смыслу и функции, нередко и по синтаксическому строению, но с другим лексическим наполнением, т.е. отличающаяся своей образностью, напр.: **Każda pliszka swój ogonek chwali.** • Каждая курица свой хвост хвалит; **Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść.** • У семи нянек дитя без глаза); 3. мнимые (когда рядом с польской пословицей ставится некий конструкт, придуманный, по всей вероятности, самим лексикографом, являющийся то подделкой под образец русской пословицы, то калькой исходной польской пословицы, но так или иначе не являющийся единицей русского языка, напр.: **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli.** • Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли; **Żeby kózka nie skakała, to by nóżki nie złamała.** • Не прыгала б коза, ножка была б цела; **Za mundurem panny sznurem.** • На военных девушки заглядываются).

С точки зрения иностранного наблюдателя выделяется еще и промежуточная группа «сомнительных эквивалентов», т.е. таких, которые не обнаруживаются в больших словарях русских пословиц и к которым иностранец вправе отнестись с подозрением. Обычно при встрече с пословицами у носителя данного языка просыпается *nervus paremiologicus* [С. Адальберг], «паремическое чувство», или «пословичное чутье», позволяющее отделить родную пшеницу от неродных плевел. У иностранца *nervus paremiologicus* намного слабее, поэтому целый ряд эквивалентов Стыпулы было решено вынести на проверку с помощью браузеров Рунета (в квадратных скобках указано число страниц, к которым отсылает браузер портала yandex.ru; [o] означает: «Искомая комбинация слов нигде не встречается»): **Co się odwlecze, to nie uciecze.** • Отложено – не уничтожено. [o]; **Отложить не значит отменить.** [71]; **Что отложено, то еще не пропало.** [o]; **Czym skorupka za młodu nasiąknie, tym na starość trąci.** • К чему смалу привык, тому под старость не учиться. [58]; **Бочка пахнет тем, что в ней раньше было.** [o]; **Dzieci i ryby głosu nie mają.** • Дети, как рыбы – молчок (цыц). [o].

Словарь Стыпулы, калькируя польскую пословицу, нередко создает средствами русского языка мнимый эквивалент и выдает его притом за единицу русского языка (т.е. за русскую народную мудрость); иными словами, навязывает русскому языку нечто ему не свойственное. Такие лжепословицы никак не оговариваются, не снабжаются комментариями или графическими символами, печатаются таким же

шрифтом, как и подлинные русские паремии, более того: бывает, что лжепословица ставится на первое место, а подлинная – на второе, ср.: **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli.** • *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли. Думы за горами, а смерть за плечами.* Такие искусственные «русские пословицы», как, напр., *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли* или *На военных девушки заглядываются*, могли бы сыграть свою роль как подстрочник, помогающий русскому пользователю понять, как построена и о чем говорит соответствующая польская пословица, но для любого (польского) исследователя, пишущего о русских народных пословицах, они не только непригодны, но и вводят его в заблуждение.

В опольском «Идиоматиконе» рядом с безэквивалентной единицей польского языка ставится знак ноля: \emptyset (символ отсутствия аналогичной единицы в коде русского языка), после которого в квадратных скобках дается калька польской единицы и, если есть, ее ближайший функциональный эквивалент. Например, имея в виду факт, что выражение *Двое дерутся – третий пользуется*, которое Р. Стыпула поставил в качестве русского эквивалента рядом с польской пословицей *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta*, – не является единицей русского языка, предлагаем следующее решение: **Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta.** • \emptyset [Где двое дерутся, третий пользуется] \emptyset *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее.*

Но ведь *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее* – не что иное, как неполный (в смысле упомянутой раньше 2-ой группы) эквивалент польской пословицы *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta*: смысл один и тот же, различия в форме (в образности). Встает вопрос не только о том, является ли пословица *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta* эквивалентной или безэквивалентной, а о том, следует ли вообще говорить о безэквивалентности пословиц (а если да, то в каком смысле и в каком масштабе). Ведь фундамент «Грамматики пословичной мудрости» Г. Пермякова [Пермяков 1979] – положение о том, что единицы национальных паремиотиконов различаются «в плане реалий» (как образные тексты), но сходны в логико-семиотическом плане, независимо от языка реализуя (вербализуя) одни и те же, общие для разных народов, инвариантные типы отношений. Если исходить из такого положения, то теоретически, или потенциально, любая пословица любого языка должна иметь в любом языке свой эквивалент – необязательно образный, разумеется (хотя и такие нередко встречаются), а смысловой (логический). И, может быть, т. наз. безэквивалентные пословицы – просто пословицы с еще не найденными, но имеющимися в разных источниках эквивалентами? Стоило, например, обратиться не к словарям и не к сборникам пословиц, а к «Календарю русской природы» [Стрижев 1973], как тут же нашлись весьма близкие эквиваленты «календарных» польских пословиц: **W marcu jak w garncu** • *Мартушка закрутит вертушку и март морозом на нас садится; Март неверен: то плачет, то смеется* (у Стыпулы – *В марте погода изменчива*), **Kwiecień-plecień, bo przeplata trochę zimy, trochę lata** • *Ни в марте воды, ни в апреле травы; Апрель обманет, под май подведет; Не ломай печи – еще апрель на дворе* (у Стыпулы – *В апреле зима сзади и спереди; В апреле зима и лето бывает*, т.е. выражения, отсутствующие как в словарях и сборниках русских пословиц и поговорок, так и в ресурсах Рунета и, по всей видимости, не являющиеся единицами русского языка).

Этот подготовительный этап работы над учебным польско-русским словариком пословиц хочется заключить следующими выводами: 1. эквивалентами исходных польских пословиц должны быть реальные русские пословицы, единицы русского культурно-языкового кода, соответствующие польским по смыслу (функции) и по форме (образности) или только по смыслу и функции. 2. на месте эквивалентов нельзя без комментария ставить искусственные вербальные образования, не принадлежащие к коду русского языка, хотя и выдаваемые лексикографами за единицы русского кода. 3. Кальки исходных пословиц, которые чаще всего и являются в словарях такими мнимыми эквивалентами, могут сыграть в двуязычном словаре положительную роль как вспомогательное средство, помогающее иностранцу осознать образное строение исходной пословицы, и как предложение по адресу того же иностранца, который подобной калькой может воспользоваться в тексте. Обзор публицистики показывает, что такие экзотические вкрапления используются регулярно, но почти всегда с каким-то метаязыковым оператором типа *как говорят поляки* (с «коннотатором чуждости»). Поэтому если паремическая калька предлагается в словаре в качестве текстового эквивалента, ей обязательно должен предшествовать коннотатор чуждости в такой или иной условной форме (ср. графический символ «говорящей головки» ☉ в «Русско-польском словаре крылатых слов»; Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003). В результате пословица типа *Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli* может иметь в словаре два эквивалента: системный (кодовый) на первом месте (*Думы за морями, а смерть за плечами*) и, на втором, текстовый с графическим коннотатором чуждости (☉ *Думала индейка о воскресенье, а в субботу ей головку отсекли*), который обязывает говорящего ввести в текст соответствующий оператор (напр., *как говорят поляки*). Если же действительно исходная пословица является безэквивалентной (*Za mundurem papny sznuget*), на месте эквивалента должен быть поставлен знак ноля ø (он и есть в данном случае коннотатор чуждости, заменяемый в тексте оператором *как говорят поляки*), а в (квадратных) скобках и/или другим шрифтом может предлагаться паремическая калька. Так как именно она будет, по всей вероятности, использована в качестве текстового эквивалента, лексикограф должен позаботиться о том, чтобы придать этой кальке формальное подобие пословицы (напр., вместо описательного *На военных девушки оглядываются нечто вроде За погонами барышню стаями*). 4. Ввиду ненадежности переводных и недостаточности одноязычных словарей и сборников встает вопрос о дополнительных источниках пословичных эквивалентов для двуязычного словаря. Поиск эквивалентов должен учитывать наличие тех источников, которые по тем или иным причинам не попали в поле зрения составителей словарей и сборников; в их числе – записи живой устной речи, фольклорные тексты, календари и народные прогнозы погоды, публицистика и художественная литература (в данном случае – переводы произведений польских писателей на русский язык, особенно тех, которые насыщены пословицами, как, напр., «Мужики» В. Реймонта или «Пан Тадеуш» А. Мицкевича с его пятью переводами на русский язык). Неоценимую помощь могут принести лексикографу браузеры Интернета и электронных корпусов.

Только когда эта предварительная работа по разделению реальных и мнимых пословиц русского языка будет завершена, мы сможем выйти на второй этап ис-

следования и поискать ответа на вопрос о наличии в польском и русском паремических минимумах зоны общего и зон специфически национального.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Chlebda, W., red.: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. z. 1 próbny. Opole 2006.
Chlebda, W., Mokijenko, W., Szuleżkowa, S.: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask 2003.
Пермяков, Г.Л.: *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Москва 1979.
Стрижев, А.: *Календарь русской природы*. Москва 1973.
Stypuła, R.: *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa 1974.
Szpila, G.: *Minimum paremiologiczne języka polskiego – badanie pilotażowe*. In: *Język Polski* 2002, N 1, s. 36-42.
Świerczyński, D.A.: *Słownik przysłów w ośmiu językach*. Warszawa 2004.

ТАТЬЯНА ШЕВЯКОВА

Республика Казахстан, Алматы

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

АБСТРАКТ:

Proverbs by virtue of the basic purpose – to express judgements and conclusions on various vital problems – have huge cultural-historical and aesthetic value, are one of the basic components of a modern publicistic discourse of Russian-speaking mass-media of the Republic Kazakhstan and realizations of the major function of journalism – influencing promote. Proverbs carry out emotional-estimated, describing function, function of a substantiation, the argument and a final conclusion, are quite often used as heading (as in original, and the transformed kind) and act in a role of the basic idea of the article.

KEY WORDS:

Proverbs, semantics, publicistic style, stylistic function, emotional estimation, component of style, efficiency, influencing function.

После обретения независимости Казахстан переживает сложный период коренных преобразований в экономике, политике, общественной и культурной жизни, что не могло не отразиться на развитии и функционировании средств массовой информации как одного из важнейших социальных институтов современного общества. Наряду со многими преобразованиями идеологического плана, произошли сдвиги в типологии прессы, а также в языке и стиле публицистических текстов. В настоящее время СМИ выполняют многообразные функции: информируют, просвещают, рекламируют, развлекают. Неоднородность задач и условий общения, особенности экстралингвистической базы приводят к единству двух функций публицистики – информационной и воздействующей. Поэтому основные средства публицистического стиля рассчитаны не только на сообщение, информацию, логическое доказательство, но и эмоциональное воздействие. В русскоязычной прессе РК последних десятилетий наблюдается отчетливо выраженная тенденция к синтезу собственно-публицистического стиля, элементов коммуникативно-классической прозы и разговорного стиля. Особенно ярко эта тенденция проявляется в неофициальных негосударственных изданиях, в таблоидной прессе и изданиях

гедонистического направления, которые для привлечения читательской аудитории и увеличения эффективности воздействия активно используют разнообразные стилистические разновидности русского языка, в том числе разговорную речь, способствующую непринужденному общению и усилению эмоциональности и оценочности газетных текстов. Именно оценочность является «доминантой публицистического стиля», – отмечает В.И. Новикова [Новикова 2004: 102]. В современном газетном тексте русскоязычных СМИ РК немаловажную роль играют пословицы. Включенные в публицистические тексты, они, несомненно, повышают экспрессивность и образность речи. Будучи продуктом народного творчества, пословицы несут в себе философскую мысль, являются, в сущности, средоточием мудрости, практического опыта и художественного творчества народа.

Широкое использование пословиц в публицистике, на наш взгляд, во многом объясняется тем, что они, *«получив коннотативный статус, являются знаками ситуаций, а не понятий; поэтому и их толкование состоит в описании ситуации, в которой употребление данной фразы является коннотативным знаком понятий или эмоций»* [Копыленко 1978: 98]. То есть пословицы как бы совмещают в своем значении два плана: денотативный (прямое значение) и коннотативный (ситуативный). При этом они, как правило, имеют обобщенную семантику, распространяющуюся на целый класс ситуаций. Пословичное высказывание применяется не только к конкретному факту, событию действительности, что отражается в прямых значениях его слов, но и ко множеству аналогичных ситуаций. Данная особенность пословиц немаловажна для повышения эффективности публицистических текстов, которая, как известно, *«обеспечивается ситуативностью повествования, когда обсуждение проблем, ход аргументации, представление выводов и предложений «вращаются» вокруг конкретных жизненных ситуаций»* [Ворошилов 2004: 68]. Нетрудно заметить, что пословицы в полной мере отвечают всем перечисленным выше требованиям.

Наблюдения над функционированием пословиц в русскоязычной прессе РК показали, что пословицы в подавляющем большинстве случаев репрезентируют авторскую позицию, при этом выполняют следующие стилистические функции: а) экспрессивную: *«Господа оппозиционеры, как говорится, ради красного словца не пожалеют и отца. Невыполнимые обещания, черный пиар – все идет в ход ради привлечения к себе внимания»*¹ [газета «Огни Алатау»]; б) оценочно-характеризующую: удивление и, пожалуй, недоумение высказывает о традициях виноделия в Бургундии автор статьи, получивший приглашение на дегустацию вин, на котором значилось: *«По традиции каждый приходит со своими бутылками»* – *«В Тулу со своим самоваром, – думал я, – чем тут их удивить? Цинандали или Флагманом?»* [журнал «Континент»]. Негативная оценка действий оппозиции во время предвыборной кампании, несогласие журналиста с подобными формами и методами политической борьбы выражается с помощью части пословичного выражения *«На войне все средства (меры) хороши»*: *«Главное, чтобы власть и люди на Западе не забыли, что есть такая оппозиция, чтобы после выборов не оказаться на обочине политической жизни. Поэтому тактика мелкого фола – самая лучшая в данной ситуации. Оппозиции нужно вязать власть по рукам и ногам, использовать малейшую возможность для дискредитации власти... По большому счету, в такой ситуации любые меры, несмотря на всю их сомнительность,*

могут быть хороши, особенно когда не надо отвечать за результат» [журнал «Континент»]; в) функцию обоснования: «... оппозиционные деятели не акцентируют внимания на факте коррумпированности чиновной среды в целом. Естественно, так как это может привести общество к вполне логичному выводу, что яблоко от яблони недалеко падает» [журнал «Континент»]. Пословица «Яблоко от яблони недалеко падает» позволила автору обосновать свое мнение о том, что сами оппозиционеры – преимущественно бывшие или действующие чиновники и вряд ли смогут изменить, как они обещают, положение дел с коррупцией в стране в случае прихода оппозиции к власти; г) функцию аргументации: высказывание «*Всё познается в сравнении*» стало основой анализа Казахстанского рынка алкогольных напитков, аргументом в пользу позиции журналиста, выступающего в поддержку высококачественных алкогольных напитков и против распространения контрафактной продукции: «*Российская история с массовым потреблением жидкостей для ванн, стеклоочистителя и технического спирта заставляет вспомнить старую истину, что все познается в сравнении. Казахстанский рынок алкоголя сегодня выгодно отличается от рынка соседей по целому ряду аспектов*» [журнал «Континент»]. Аналогичное назначение и пословицы «*У победы много отцов, а поражение всегда сирота*», использованной журналистом газеты «Караван» в материале об изменениях в составе правительства после Президентских выборов, когда различные политические силы и лица, поддерживавшие кандидатуру действующего Президента на выборах, хотели бы получить «свой маленький приз», изменив расстановку сил на политическом пространстве Казахстана; д) функцию заключительного вывода: материал газеты «Караван», посвященный проблеме взаимоотношений супругов в семье, завершается пословицей «*Не родись красивой, а родись счастливой*», тем самым автор подводит итог своим рассуждениям о необходимости не только следить за своим внешним видом, но и постоянно работать над выстраиванием отношений, совершенствовать свои внутренние духовные качества.

Нередко пословицы в газетных публикациях выступают в роли лида, уже первыми своими словами привлекая внимание читателей к рассматриваемой проблеме. Это приводит к концентрации информационного содержания публикации в художественном произведении малой формы, каковым является пословица. В таком случае возникает эффект «текста в тексте», многократно увеличивающий смысловую и эмоциональную насыщенность публицистических произведений разных жанров. Так, в аналитическом материале журнала «Континент», посвященном Президентским выборам в РК 2005 г., обнаруживаем подзаголовок, предваряющий колонку об изменении позиции Запада по отношению к выборам Президента в Казахстане, – пословицу «*Лучшее – враг хорошего*», которая представляет собой перевод с английского языка «*The best – the enemy good*». Более того, уже в первом абзаце данная пословица используется еще раз вместе со своим русским аналогом «*От добра добра не ищут*»: «*С началом лета политика Соединенных Штатов и Запада в целом в отношении Казахстана начала постепенно, но вполне осязаемо эволюционировать в сторону смягчения оценок и критики существующего режима. В этот период ее можно охарактеризовать по принципу «лучшее – враг хорошего» (русский аналог: от добра добра не ищут)*» [«Континент»].

Таким образом автор обозначает главную тему – противостояние Запада и России в своих политических симпатиях и оценке предстоящих выборов.

Следует отметить, что зачастую пословицы в русскоязычной прессе употребляются в трансформированном или усеченном виде, что требует от читателя широких фоновых знаний. Автор в таком случае уверен, что подавляющее большинство аудитории знакомо с первоначальным вариантом цитируемой пословицы и прекрасно понимает ее значение. Такое использование пословиц не только оживляет повествование, формирует эмоциональную оценку, но и привносит элемент юмора и иронии. «*Не откладывай на завтра то, что можешь сделать ночью*», – советует автор статьи «Ночной дозор» [журнал «Континент»], выяснявший, какие же услуги и товары доступны жителям Алматы ночью. В данном случае неизбежно возникает параллель с пословицей «*Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*». Автор явно с сочувствием и доброй иронией относится к тем людям, которым не хватает дня, чтобы решить свои бытовые и иные проблемы днем, и в столь необычной форме предлагает воспользоваться имеющимися предложениями «ночного сервиса».

Наиболее часто в печатных СМИ РК пословицы (как в оригинальном, так и трансформированном виде) используются в качестве заголовка, который имеет первостепенное значение не только для привлечения внимания читателя, но и для понимания содержания текста и адекватного восприятия авторской позиции журналиста. Например, заголовок «*Пока гром не грянет...*» [журнал «Континент»] представляет собой усеченный вариант известной пословицы «*Пока гром не грянет, мужик не перекрестится*», употребляющейся в ситуации, когда человек не желает предпринимать никаких мер для предотвращения каких-либо нежелательных событий, сразу же указывает на актуальность темы, поднимаемой в публикации. В данном случае речь идет о рынке охранных услуг в Казахстане, о проблемах и перспективах безопасности. Готово ли профессиональное сообщество секьюрити соответствовать требованиям и ожиданиям современного общества? К сожалению, как отмечает автор материала, не вполне. Скорее, как в известной пословице, вынесенной в заголовок, которая вместе со второй, недосказанной, частью и является неутешительным ответом на этот вопрос. Прямое и коннотативное значение пословицы «*Два сапога пара*» реализуется в заголовке материала о Международной специализированной выставке обуви, состоявшейся в Алматы [журнал «Континент»]. Заголовок статьи, с одной стороны, указывает на тематику публикации (прямое значение), с другой – наводит на размышления о сходной ситуации в обувной промышленности Казахстана, России и других стран СНГ, что в дальнейшем подтверждается в ходе изложения материала.

Многие заголовки представляют собой пословицы в их инвариантном значении, несут в себе тот «смысл, который остается неизменным во всех случаях ее употребления, те характеристики пословичной ситуации, которые не зависят от контекста» [Гвоздев 1982: 45]. Таковы заголовки: «*Век живи – век учись*», «*Долг платежом красен*», «*Родителей не выбирают*», «*Хлеб – всему голова*», «*Делу время – потехе час*» и др.

Пословицы в силу своего основного назначения – выражать суждения и умозаключения по разнообразным жизненным проблемам – имеют огромную культурно-историческую и эстетическую ценность, являются одним из основных стиле-

образующих компонентов современного публицистического дискурса русскоязычных СМИ Республики Казахстан и способствуют реализации важнейшей функции журналистики – воздействующей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Все примеры извлечены из русскоязычных СМИ РК 2003-2007 гг.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ворошилов, В.В.: *Журналистика*. С-Пб. 2004.

Гвоздев, В.В.: *Парадигматические отношения в пословичном фонде*. In: *Филологические науки* 1982, № 4, с. 44-52.

Копыленко, М.М., Попова, З.Д.: *Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты*. Воронеж 1978.

Новикова, В.И.: *Стилистика и культура речи в эфире*. In: Гаймакова, Б.Д., Макарова, С.К., Новикова, В.И., Оссовская, М.П.: *Мастерство эфирного выступления*. Москва 2004.

МИЛАДА ЯНКОВИЧОВА

Словакия, Нитра

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ VS. ИДИОМАТИЧНОСТЬ РУССКИХ И СЛОВАЦКИХ ПОСЛОВИЦ

ABSTRACT:

In the study we ask how to explain the low degree of interlingual idiomatycity of the syntactic structure (structure models) of Russian proverbs in relation to semantically equivalent Slovak proverbs on one side and the high degree of interlingual idiomatycity of their component structure on the other side. We find the answer to this question in the perception of proverbs as signs of situations and also judgments generalizing life situations, i.e. in the logical and semiotic character of proverbs. Structural models of proverbial sentences express logical relations which are universal with rather logical than lingual structure; by this it is possible to explain the lower degree of interlingual idiomatycity of the syntactic structure of Russian proverbs in relation to Slovak proverbs. Equal situations may be represented by means of different things and relations between them, while as a rule Russians and Slovaks choose different things and relations and this explains the high degree of interlingual idiomatycity of component structure of Russian proverbs in relation to Slovak proverbs and is also a demonstration of national specificity of their visual thinking.

KEY WORDS:

Russian and Slovak proverbs, interlingual equivalence and idiomatycity, component structure of proverbs, syntactic structure of proverbs, proverbs as signs of situations, logical and semiotic character of proverbs

Русские пословицы часто сопоставляются с пословицами других языков, славянских и неславянских. Исключение представляет собой словацкий язык, пословицы которого не были еще предметом подобного сопоставительного исследования. Предлагаемая статья является первой попыткой сопоставления русских и словацких пословиц.

Материалом сопоставительного исследования послужили русские пословицы и их словацкие эквиваленты, содержащиеся в Приложении к русско-словацкому фразеологическому словарю [Dorotjaková, Ďurčo, Filkusová, Petrufová, Malíková 1998]. Несмотря на то, что в указанном словаре приводится лишь около 750 русских пословиц и их словацких эквивалентов, нам представляется, что и на этом основании можно будет указать на некоторые главные признаки эквивалентности и идиоматичности русских и словацких пословиц.

Факт, что русские и словацкие пословицы приводятся в переводном словаре, дает основание считать их семантически эквивалентными. Поэтому при сопоставлении обращаем внимание на их формальную эквивалентность и идиоматичность, причем – так как за основу берем русские пословицы – на межъязыковую эквивалентность и идиоматичность русских пословиц по отношению к словацким пословицам.

При сопоставлении русских и словацких пословиц первое, что сразу бросается в глаза, это их полное или, если не совсем полное, то яркое отличие формы. Оно проявляется прежде всего в том, что подавляющее большинство русских и словацких пословиц различаются по своему компонентному составу. При этом степень межъязыковой идиоматичности русских пословиц (приблизительно 60 процентов) является максимальной, т.е. в сопоставляемых пословицах нет ни одного общего компонента: *Гусь свинье не товарищ.* – *Somára (vola) s koňom nespriahneš.*; *Дорога ложка к обеду.* – *Kto včas dáva, dvakrát dáva.*; *Любо пан, либо пропал.* – *Нор alebo trop.*; *Брат братом, а деньги на кон.* – *Priatelja bud'me, dlhy si plat'me.*; *Быть бычку на веревочке.* – *Príde na psa mráz.*; *В семье не без урода.* – *V každom stáde sa nájde prašivá (čierna) ovca.*; *Придорожная пыль неба не контит.* – *Psí hlas do neba nedôjde.*; *Рубаха черна, да совесть бела.* – *Chudobný, ale statočný.*; *С миру по нитке, голому рубаха (рубашка).* – *Babka k babce, budú karpce.*

Случаи же нулевой межъязыковой идиоматичности русских пословиц встречаются намного реже (около 20 процентов): *Ворон ворону глаза не выклюет.* – *Vrana vrane oko nevykole.*; *Нет дыму без огня.* – *Niet dymu bez ohňa.*; *Золото и в грязи блестит.* – *Zlato sa aj v blate blyští.*; *Куй железо, пока горячо.* – *Kuj železo, kým je horúce.*; *Лучше поздно, чем никогда.* – *Lepšie neskoro, ako nikdy.*; *Не все золото, что блестит.* – *Nie je všetko zlato, čo sa blyští.*; *Сколько голов, столько [и] умов.* – *Koľko hláv, toľko rozumov.*; *Правда глаза колет.* – *Pravda oči kole.*

Между этими двумя группами находятся остальные пословицы (около 20 процентов), отличающиеся разной степенью межъязыковой идиоматичности: *Видна птица по полету.* – *Vtáka poznáš po perí [a človeka po reči].*; *Как волка ни корми, он все в лес смотрит.* – *Nebude zo psa slanina, ani z vlka baranina.*; *От малой искры сыр-бор загорелся.* – *Od malej iskry veľký oheň býva.*; *Тут же едешь – дальше будешь.* – *Potiaľ ďalej zájdeš.*; *С глаз долой, из сердца вон.* – *Zíde z očí, zíde z mysle.*

Различия в компонентном составе русских и словацких пословиц влекут за собой и различия в их образности. Таким образом, подавляющее большинство семантически эквивалентных русских и словацких пословиц основаны на различных образах.

Однако формальные различия русских и словацких пословиц компонентным составом не исчерпываются. Различия наблюдаются и в их синтаксической структуре.

Пословицы – устойчивые словосочетания, имеющие форму предложений. Они приобретают форму всех структурных типов предложений, встречающихся в русском и словацком языках в их свободном, актуальном употреблении, причем как простых предложений (двусоставных и односоставных), так и сложных предложений (сложносочиненных и сложноподчиненных). Единственное, что их отличает, – это изменяемость первых и устойчивость вторых. Таким образом, сходства и различия в синтаксической структуре русских и словацких пословиц – это сходства и различия, установленные для актуальных предложений сопоставительным русско-словацким синтаксисом.

Так, например, пословицы часто имеют форму обобщенно-личных предложений. Словацкий синтаксист Я. Светлик пишет, что «большая группа обобщенно-личных предложений имеет сентенциональный характер. В них высказываются общеизвестные и общепринятые правила поведения. В словацком языке им соответствуют подобные изречения по смыслу, но по структуре иногда очень отличающиеся от них» [Светлик 1979: 149]. Проиллюстрируем это следующими примерами:

а) Предикат и субъект выражен формой 2-го лица ед. числа настоящего (будущего) времени: *Суженого конем не объедешь.* – *Čo komu súdené, to ho nemínie.*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда.* – *Bez práce nie sú koláče.*

б) В роли предиката выступает форма 2-го лица ед. числа императива: *Век живи, век учись.* – *Človek sa učí do smrti.*; *Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит [да хвостом виляет].* – *Pes, ktorý breše, nehryzie.*

в) Обобщение выражает форма 1-го лица множ. числа настоящего (будущего) времени: *Поживем – увидим.* – *To sa ešte uvidí.*; *Все [мы] под Богом ходим.* – *Všetci sme v rukách Božích.*

г) Обобщение, вернее, обобщающее значение имеют и некоторые предложения с формами 3-его лица множ. числа настоящего времени глагола: *Цыплят по осени считают.* – *Nechváľ dňa pred večerom.*; *В Тулу со своим самоваром не ездят.* – *Načo nosiť drevo do hory.*

Некоторые русские синтаксические конструкции в словацком языке вообще отсутствуют. Поэтому русским пословицам, имеющим отсутствующую в словацком языке структуру инфинитивного односоставного предложения, соответствуют в большинстве случаев словацкие пословицы со структурой двусоставного предложения с личной финитной формой глагола или сочетания инфинитива с модальными модификаторами (*neďá sa, majú sa, musia a pod.*), а также с модальными частицами и наречиями (*veru, nech*), например: *Не петь курице петухом.* – *Nebude zo psa slanina, ani z vlka baranina.*; *Из поклонов шубы не шить.* – *Za ďakujem si nič nekúpim (sa nič neďá kúpiť).*

С другой стороны, во многих пословицах обнаруживается параллелизм синтаксических конструкций. Так, в пословицах со структурой сложноподчиненных предложений, в которых отношение между главным и придаточным предложениями выражается корреляционными парами *кто – тот, что – то, где – там, как – так, каков – таков* и т.п., обнаруживаем сходства, ср.: *кто – ten, čo – to, kde – tam, ako – tak, aký – taký* (отметим, что в словацком языке второй член пары – так называемый т-член – иногда отсутствует): *Кто другому яму роет, тот сам в нее попадет.* – *Kto druhému jamu kope, sám do nej padá.*; *Что у трезвого на уме, [то] у пьяного на языке.* – *Čo triezvy myslí, to opitý povie.*; *Где кто родился, там и пригодился.* – *Kde sa kto narodí, tam sa i urodí.*; *Как аукнется, так и откликнется.* – *Ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva.*

Сопоставление русских и словацких пословиц показывает, что вопреки различиям, наблюдаемым в их синтаксической структуре, общая межъязыковая идиоматичность русских пословиц по отношению к словацким пословицам с точки зрения их синтаксической структуры намного ниже, чем идиоматичность их компонентного состава.

Возникает вопрос: чем это можно объяснить?

Представляется, что все случаи формальной межъязыковой идиоматичности семантически эквивалентных русских и словацких пословиц – это внешнее проявление каких-то внутренних, глубинных свойств пословиц.

Пословицы, подобно словам и фраземам, являются языковыми знаками. Но в отличие от всех слов и от большинства фразем, пословицы – знаки ситуаций. Кроме того, пословицы – это и суждения, т.е. явления логические. Следовательно, пословицы – логико-семиотические явления.

Как знаки каких-то жизненных ситуаций сами эти ситуации относятся ко всем обозначающим их пословицам как инварианты к своим вариантам. Иначе говоря, все пословицы с одним смыслом (выражающие одну ситуацию) являются вариантами, а сама эта ситуация – их инвариантом.

На понимании пословиц как знаков ситуаций (причем эти ситуации передаются посредством отношений между вещами), построена логико-семиотическая классификация пословиц Г.Л. Пермякова [Пермяков 1979].

Автор выделяет четыре логико-семиотических инварианта, моделирующих четыре основных типа ситуаций, и на их основе устанавливает четыре класса пословиц. Первый класс объединяет пословицы с инвариантной структурной формулой «Если вещь обладает каким-то свойством, то она обладает и другим свойством»; второй – с инвариантной формулой «Если есть одна вещь, то есть и другая»; третий – с инвариантной формулой «Если одна вещь связана с другой вещью и при этом обладает каким-то свойством, то и другая вещь обладает таким же свойством»; четвертый – с инвариантной формулой «Если одна вещь обладает каким-то (положительным) свойством, а вторая не обладает им, то первая вещь предпочтительнее второй» [Пермяков 1979: 19].

При сопоставлении русских и словацких пословиц на уровне указанных четырех классов логико-семиотических инвариантов трудно определить их сходства или различия. Но на более конкретном уровне, т.е. на уровне групп (у Пермякова их 28), выделяемых в рамках отдельных классов, уже можно установить, что многие формальные сходства и различия вызваны принадлежностью или непринадлежностью семантически эквивалентных русских и словацких пословиц к одной и той же группе, выделяемой в рамках четырех крупных классов.

Так, например, формальное сходство пословиц со структурой сложноподчиненных предложений можно объяснить принадлежностью русских и словацких пословиц к одной (19-ой) группе Актантные соответствия – несоответствия, выделяемой в рамках третьего класса логико-семиотических инвариантов, ср.: *Кто поздно приходит, тот ничего не находит.* – *Kto neskoro chodí, sám sebe škodí.*; *Что посеешь, то и пожнешь.* – *Čo zaseješ, to budeš žať.*, к 15-ой группе Качественные соответствия – несоответствия: *Каков поп, таков и приход.* – *Aký pán, taký krám (takého ja koňa máť).*; *Каково семя, таков и плод.* – *Aké semeno (semiačko), také plemeno (plemiačko).*, к 17-ой группе Количественные соответствия – несоответствия: *Сколько голов, столько (и) умов.* – *Koľko hláv, toľko rozumov.*, или к 22-ой группе Качественное превосходство – непревосходство вещей, выделяемой в рамках четвертого класса: *Лучше горькая правда, чем красивая ложь.* – *Lepšia trpká pravda, ako pekná lož.*; *Лучше поздно, чем никогда.* – *Lepšie neskoro, ako nikdy.*; *Лучше синица в руки, чем журавль в небо.* – *Lepší vrabec v hrsti, ako zajac v chrasti.*

На вопрос, чем можно объяснить относительно низкую степень межъязыковой идиоматичности синтаксических структур (структурных моделей) русских пословиц по отношению к семантически эквивалентным словацким пословицам, с одной стороны, и высокую (в большинстве случаев даже максимальную) степень межъязыковой идиоматичности их компонентного состава (и образности), можно, как представляется, ответить следующим образом.

Логико-семиотические инварианты, моделирующие ситуации, являются универсальными, общечеловеческими. С этой точки зрения между языками нет никаких различий. Но при конкретном обозначении этих ситуаций пословицами, являющимися знаками ситуаций, т.е. когда эти абстрактные модели наполняются конкретным языковым материалом, наблюдаются между языками как сходства, так и различия, так как логико-семиотический инвариант, моделирующий одну и ту же ситуацию, находит свое выражение в разных структурных моделях, являющихся с точки зрения сопоставляемых языков как сходными, так и различными.

В синтаксической структуре русских и словацких пословиц наблюдается больше сходств, чем различий не только потому, что русский и словацкий являются генетически родственными языками, а прежде всего потому, что структурные модели предложений (а пословицы – это предложения) являются выражением логических связей; их природа больше логическая, чем языковая. Этим можно объяснить и низкую степень межъязыковой идиоматичности структурных моделей русских пословиц по отношению к словацким пословицам.

Одни и те же ситуации могут обозначаться при помощи разных вещей и отношений между ними. Высокая степень межъязыковой идиоматичности компонентного состава русских пословиц по отношению к семантически эквивалентным словацким пословицам вызвана тем, что русские и словаки выбирают, как правило, несовпадающие вещи и отношения, в чем проявляется специфика образного мышления каждого из этих народов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Dorotjaková, V., Ďurčo, P., Filkusová, M., Petrufová, M., Malíková, M.O.: *Rusko-slovenský frazeologický slovník*. SPN, Bratislava 1998.
 Пермяков, Г.Л.: *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Наука, Москва 1979.
 Светлик, Я.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. SPN, Bratislava 1979.

**ДОКЛАДЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

